

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь
Российский центр науки и культуры в Гомеле

МОЛОДЕЖНЫЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Сборник научных статей

Выпуск 3

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2023

УДК 80(082)

Молодежный филологический вестник : сборник научных статей. Выпуск 3 / редкол. : О. Н. Мельникова (отв. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. – 173 с.

ISBN 978-985-577-952-1

В сборнике представлены научные статьи аспирантов, магистрантов, бакалавров и студентов, посвященные системному, функциональному и историческому исследованию языковых единиц, проблемам сопоставительного изучения языков и лингвокультур, художественного перевода, вопросам методики преподавания языков.

В центре внимания исследователей фразеологическое и паремиологическое наследие, семантика слова в синхронии и диахронии, филологический анализ художественного текста, специфика языковой личности и текста в цифровую эпоху, особенности интернет-коммуникации, проблемы экологии языка в условиях глобализации, своеобразие межкультурной коммуникации.

Адресуется преподавателям, аспирантам и студентам-филологам, специалистам в области языкознания, литературоведения, коммуникологии и методики преподавания филологических дисциплин.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Сборник издан при финансовой поддержке Российского центра
науки и культуры в Гомеле

Редколлегия:

О. Н. Мельникова (отв. ред.), Е. В. Ничипорчик,
И. Г. Гомонова, Е. И. Холявко

Рецензенты:

доктор филологических наук А. Н. Мельникова,
кандидат филологических наук Н. П. Тимошенко

Рекомендован к изданию научно-техническим советом
учреждения образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

ISBN 978-985-577-952-1

© Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андреева Д. В.</i> Образ главного героя сквозь призму кулинарно-гастрономического кода в сказке «Весёлый барин» И. С. Шмелёва.....	6
<i>Аскарова А. Э.</i> Роль языковой игры в интернет-пространстве Республики Кыргызстан (на материале комментариев и постов социальной сети Instagram).....	9
<i>Богуш В. А., Буйновская А. Э.</i> Гендерно маркированные фразеологизмы в английском и русском языках: сравнительный анализ.....	12
<i>Булькова Е. А.</i> К вопросу о типологии профессиональных диалогов «врач-пациент» (на материале учебных пособий по РКИ для студентов-медиков).....	15
<i>Быстрова Ю. В.</i> Ономастическая лексика как объект метаязыкового комментария в произведениях А. Алексина.....	18
<i>Ванюшина Д. Ю., Морозова П. Д.</i> Образ русского человека в русских и чувашских пословицах.....	20
<i>Варсонофьева Е. С.</i> Языковые средства создания образа ребенка, используемые Виктором Драгунским в «Денискиных рассказах».....	23
<i>Винихина М. М.</i> «Не хлебом единым»: сербские фразеологизмы с компонентом <i>вино</i> и их русские соответствия.....	26
<i>Волков С. А.</i> Об устойчивых оборотах-заглавиях при изучении английского языка как иностранного.....	29
<i>Гончарова К. В.</i> «Сколько стоит яичница святого Петра»: об одном сербском фразеологизме.....	32
<i>Гончарова Л. О.</i> Лексикографическое описание универсальных пословиц в английском языке.....	35
<i>Гончарова О. М.</i> Лингвистический и лингводидактический статус глагольных паронимов в русском языке.....	38
<i>Горошко А. А.</i> Гендерные аспекты языковых особенностей в онлайн-чатах и социальных сетях.....	41
<i>Григорьева О. И.</i> Доминанты полей долженствования во французском и русском языках.....	44
<i>Гришанова А. А.</i> Синтаксическая функция союзного слова <i>который</i> в сложно-подчиненных предложениях с придаточным определительным: методический аспект.....	47
<i>Дедович О. Г.</i> «Учебник» как сфера-магнит индивидуально-авторских метафор.....	50
<i>Дементьева Д. А.</i> Атрибутивная характеристика слова <i>учитель</i> (на материале Национального корпуса русского языка).....	53
<i>Джальмамбетова И. П.</i> Приёмы включения спортивных фразеологизмов в урок русского языка.....	55
<i>Донцова К. Е.</i> Интерпретация понятия «красота» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот».....	58
<i>Дроздова Д. А., Мухина А. А.</i> Об этимологии некоторых китайских иероглифов, обозначающих тело и части тела человека.....	62
<i>Думаренок С. В.</i> Крылатые слова из иноязычных текстовых источников в современном английском языке.....	65
<i>Евтихеева У. О.</i> Жертвенные сосуды в Древнем Китае: языковое отражение специфики их использования.....	68
<i>Епифанова Е. А.</i> Трансформация фразеологизма <i>делить шкуру неубитого медведя</i> в медиадискурсе.....	71
<i>Жавнерович М. С.</i> Особенности использования фразеологизмов в педагогической деятельности.....	73
<i>Жолдошали уулу Канатбек</i> Устное народное творчество в медиапространстве (на материалах печати).....	76
<i>Журавлева В. С.</i> Фразеологическая объективация положительных межличностных отношений.....	78

<i>Зейдина Я. Г.</i> Крылатые девизы и слоганы в английском языке (лексикографический аспект).....	81
<i>Каминская Е. С., Новикова Е. А.</i> О классификации заимствований в китайском языке	84
<i>Катышева А. Е.</i> Семантико-словообразовательное освоение иноязычных слов <i>абьюзер, абьюзивный, токсичный</i>	86
<i>Киреева П. А.</i> Мифологические гибриды в русских фэнтези 2000–2020-х годов: генеалогия.....	89
<i>Ковалева А. И.</i> Стилистическая характеристика слова и уникальная внутренняя форма.....	92
<i>Ковальчук Е. А.</i> Об особенностях метафорической сочетаемости лексемы <i>жизнь</i> в русском языке.....	94
<i>Кодинцева К. В.</i> Перевод метафор в художественном тексте (с английского языка на русский язык).....	97
<i>Колос В. А., Максименко А. В.</i> Образ черепахи в культуре Китая.....	100
<i>Константинова М. К.</i> Лингвостилистические особенности интернет-коммуникации (на материале сообществ «ВПШ» и «Искусство манипуляции» в социальной сети ВКонтакте).....	102
<i>Конькова Д. А.</i> Судьба устойчивого словесного комплекса <i>без ума</i> в русском языке....	105
<i>Копнинова А. И.</i> Образные средства в поэтической мастерской Алёны Асенчик.....	107
<i>Кун Дэлун</i> Анализ трудностей, с которыми сталкиваются китайские студенты при освоении русского произношения.....	110
<i>Леонтьева В. А.</i> Современный песенный дискурс как среда формирования неофразем	113
<i>Матеша Д. С.</i> Функционирование причастных форм в «Послании до латин из их же книг» (1582).....	115
<i>Мигура А. А.</i> Языковые средства художественно-образной конкретизации авторского слова В. О. Пелевина.....	118
<i>Монастырская К. П.</i> Тип «простое сердце» в произведениях Т. Толстой «Соня» и Г. Флобера «Простое сердце»: интертекстуальные связи.....	121
<i>Морозова О. Е.</i> Семантическая эволюция лексемы <i>честь</i>	124
<i>Нуен Кхань Линь</i> Работа с фрагментом фильма «Пара из будущего» на уроке русского языка как иностранного.....	126
<i>Незговорев С. В.</i> Коннотативные особенности текстов аудио- и видеоочерков.....	129
<i>Ничипорчик О. И.</i> Русские выражения с компонентом <i>порог</i> в словаре «Пословицы русского народа» В. И. Даля.....	131
<i>Пересыпкина К. А.</i> «В память приношу себя»: инскрипты на обороте фотографий.....	134
<i>Прокопчик Д. Н.</i> Об особенностях классификации русских паремий с компонентом <i>нога</i>	136
<i>Репетева К. В.</i> Афоризмы дефинитивной семантики в современном английском языке.....	138
<i>Рыбаков Д. Г., Исроилова М. Ш.</i> Языковой выбор индивида как фактор, показатель и условие саморазвития личности.....	141
<i>Сабирова С. Ш.</i> Вопросы эффективности культурно-языковой адаптации детей-мигрантов.....	144
<i>Солдунов С.</i> Библиейская афористика в современном английском языке (материалы к учебному словарю).....	147
<i>Степанова Е. Д.</i> Коммуникация на Reddit в рамках интолерантного дискурса.....	150
<i>Трофимович А. М.</i> Древние пословицы английского языка в словаре для иноязычной аудитории.....	152
<i>Ульянова О. И.</i> Специфика языковых средств виртуальной коммуникации (на материале сообществ в социальной сети ВКонтакте).....	155
<i>Уніятава К. В.</i> Чалавек і соцгум у аповесці «Сатанінскі тур» Івана Шамякіна.....	158

<i>Фенина А. А.</i> Языковая игра в современном художественном тексте как способ развития языковой личности в процессе обучения русскому языку как иностранному	161
<i>Чжан Луаньбо</i> Русские прилагательные, обозначающие вкусовые ощущения, на фоне китайского языка.....	163
<i>Шамраева Д. В.</i> Формулы именованя выходцев из белорусских земель в старорусских документах второй половины XVII века.....	166
<i>Шчарбатая А. А.</i> Фразеалагізмы з агульным кампанентам <i>хадзіць</i>	169

**ОБРАЗ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ КУЛИНАРНО-ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО КОДА
В СКАЗКЕ «ВЕСЕЛЫЙ БАРИН» И. С. ШМЕЛЁВА**

Аннотация. Статья посвящена изучению кулинарно-гастрономического кода в сказке И. С. Шмелева «Веселый барин», который позволяет выделить особенности образа главного героя. Писатель использует различные лексические и словообразовательные возможности слов (словосочетаний), усиливающие впечатление, создаваемое о герое в произведении.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, сказка «Веселый барин», кулинарно-гастрономический код, идиостиль, индивидуально-авторский образ мира.

Творчество И. С. Шмелева охватывает широкий круг культурных феноменов, к числу которых относится и кулинарно-гастрономическая сфера. В контексте произведений писателя семантический комплекс *еды* и *питья* приобретает специфические коннотации, которые позволяют говорить о своеобразии его творческого метода.

Многие исследователи в основном обращаются к анализу романного творчества И. С. Шмелева для выявления особенностей функционирования кулинарно-гастрономического кода. Например, В. А. Поздеев рассматривает функции *еды* в произведении И. С. Шмелева «Лето Господне». Исследователя интересуют функциональные возможности образа *еды* в контексте произведения с точки зрения духовного становления ребенка. В. А. Поздеев выделяет ряд аспектов функциональной значимости пищевого кода в произведениях И. С. Шмелева: пищевой код *а)* «помогает писателю показать духовное становление героя»; *б)* участвует в изображении «богатого вещного мира „ушедшей России, хлебосольной Москвы детства писателя“»; *в)* показывает, что «еда – один из общих элементов русских народных и христианских праздников»; *г)* «застольные традиции в Москве имели социально-культурное разнообразие»; *д)* И. С. Шмелёв подчеркивает «русскую культурную идентичность, которую уже начали терять некоторые слои эмигрантов» [1, с. 192]. Выделенные исследователем функции пищевого кода позволяют проанализировать произведение с опорой на детское восприятие кулинарно-гастрономической сферы.

Особое место в творчестве И. С. Шмелева занимают политические сказки. Все произведения этого жанра («Панкрат и Мутный», «Веселый барин», «Степное чудо», «Преображенец», «Всемога», «Иностранное тело», «Сладкий мужик») впервые вышли в свет в серии «Книга для всех» в Москве 1919 г. под названием «Степное чудо. Сказки». В сказках писатель отражает собственное отношение к происходящим в стране событиям. Я. О. Гулова отмечает, что И. С. Шмелев «надеялся на торжество народного духа, хотя и признавал пугающую многогранность русской души» [2, с. 185]. Несмотря на то, что произведения главным образом связаны с идеей сопротивления народа происходящим событиям, их тематика не ограничена рамками жанра политической сказки. В этом и проявляется интерес анализа кулинарно-гастрономической сферы в сказке И. С. Шмелева «Веселый барин» с точки зрения рассмотрения специфических черт в описании образа главного героя.

И. С. Шмелев использует широкий арсенал словообразовательных приемов для характеристики образа главного героя. Обратимся к примеру: «*Как, Господи благослови, поутру проснется, чайку-кофейку попьет с буденбродами всякими, икоркой да семушкой накроет, да пирожками заправится, да ветчинки-коклетки там отмахнет, – и свисти!*» [3]. В данном отрывке описывается и осмысливается изобилие утреннего приема пищи героя. Для усиления впечатления от образа жизни барина писатель использует: 1) диминутивы (уменьшительно-ласкательный суффикс -к- в словах: *чайку-кофейку, икоркой да семушкой,*

пирожками, ветчинки-котлетки); 2) прием звукового искажения слов (*буденбродами* – *бутербродами*), который ярко отражен, например, в произведении Н. С. Лескова «Левша». Автор также создает особые словообразовательные конструкции путем сложения основ (*чайку-кофейку, ветчинки-котлетки*). Подробное описание образа жизни барина, его манер в обращении с едой являются важными для понимания социального статуса героя (еда, ее изобилие выступает в качестве маркера достатка барина). Это подтверждается и тем, что герой, находясь в ресторане, заказывает блюда, не обращая внимания на их стоимость и количество: «*Ну, в ресторан, понятно, под дерева, в куточек. Сидит-посвистывает, а к нему лососинка уж подплывает, под графинчик, рябчики там пылят, огурчики зеленые, икорка зернистая натекает, – ну чего-чего только душа желает!.. Ну, понятно, винца шинпанского стаканет, пишица-то чтобы не застревала, перрабатывалась скорей, в кишке-то!*» [3]. Описание приема пищи барина также характеризуется использованием уменьшительно-ласкательных форм наименований блюд и напитков (*лососинка, рябчики, огурчики, икорка, винцо*); намеренно искаженных слов (*шинпанского, пишица*). Данный отрывок интересен и тем, что в качестве субъекта действия здесь выступают готовые блюда, наделенные свойствами живых существ (*лососинка подплывает, рябчики пылят*). Прежде всего это связано с жанровыми особенностями произведения, его фольклорной составляющей.

Рассмотрим следующий пример: «*Куропаточки-рябчики там – так в машину и налетают, раз-раз, безо всякого прицелу! И стерлядки-то перед им полощутся, и поросятки... Ну, чисто вот как младенчики в корытцах, в ледке, подремывают... и апельсины-лимоны-мандарины – какого хошь товару наивыряют-наивыряют... и по бутылочной части, и балычка, и... – полна машина закусок всяких, – хо-ду!*» [3]. Здесь автор использует тот же самый прием построения описания, включающий множество диминутивов (*куропаточки-рябчики, стерлядки, поросятки, балычка*), композитов из двух основ (*куропаточки-рябчики*), из трех основ, объединенных общей родовой семантикой, репрезентирующей разнообразие и изобилие. В данном отрывке описанные блюда также наделяются свойствами живых существ (*куропаточки-рябчики налетают, стерлядки полощутся, поросятки подремывают*). Изменение благоприятных условий жизни на противоположные вынуждает главного героя на поиски какого-либо пропитания: «– *Нельзя ли, – говорит, – дорогой товарищ, хотя бы солянички там, простецкой какой... али хошь коклетку горелую какую раздостать, очень у меня кишка доходит... да водчонки бы рюмочку...*» [3]. Если до этого момента главный герой питался самыми изысканными, дорогими блюдами, то сейчас ему уже не столь важно, что он съест (он намерен питаться самыми простыми и даже испорченными блюдами).

Обратим внимание на то, что на протяжении всего произведения писатель неоднократно характеризует героя, используя лексему *кишка*. В каждом отдельном случае слово проявляет специфическое коннотативное значение. Например, повествование начинается с описания образа жизни барина, люди находятся под впечатлением от способностей героя, о чем свидетельствует следующий контекст: «*и свистать, и петь никак не возбраняется, потому кишка у вас такая, что всё через ее перегонять можете*» [3]. В данном случае подобное описание героя несет иронический модус. Особый интерес вызывают конструкции по типу «сущ. + глагол», где лексема *кишка* выступает в качестве субъекта действия (*кишка дела требует, кишка работала, кишка доходит, кишка пошабашила, кишка запела*). Этим подчеркивается бездействие, пассивность, отсутствие самостоятельности главного героя. К тому же, такие словосочетания как *кишка дела требует, кишка доходит, кишка запела* образуют особую группу, обозначая ситуацию голода. В контексте следующего примера происходит переосмысление значения главного «инструмента» героя: «*Да вы больно-то не разговаривайте, а то как засвищете, что и кишки не сыщете!*» [3].

Анализируемая лексема также входит в состав словосочетания *кишка луженая*, которое образовано путем трансформации исходного фразеологизма *луженая глотка / луженое горло*. В толковом словаре под ред. А. П. Евгеньевой (МАС) данный фразеологический оборот имеет следующее значение: «Луженая глотка; луженое горло у кого (*прост.*) — 1) о чьей-л. спо-

способности громко, без усталости кричать, говорить или петь. — *Чибис-ов!* — заорал Нечаев, напрягая луженое горло. Бондарев, Горячий снег; 2) о способности пить много спиртного» [4]. Писатель использует прием замены одного компонента фразеологизма другим и создает новое словосочетание (*кишка луженая*). При этом выражение сохраняет определенное лексическое значение исходного словосочетания – речь идет о способности делать что-либо продолжительное время, усиленно, в большом количестве. Из этого следует, используемое писателем словосочетание *луженая кишка* характеризует человека, способного съесть много еды. Во всех контекстах оно используется для характеристики главного героя с отрицательной точки зрения. Например, в ситуации, когда барин встречается с чародеем, у которого желает узнать про судьбу: «– *Ага!* – кричит чародей, – *теперь мне доподлинно все известно! Так это ты сам и есть, кишка луженая?! веселый барин?!*!» [3]. В следующем примере лексема *кишка* употребляется в прямом значении и выступает в качестве объекта, над которым совершается действие: «*Сейчас брюхо ему вспорол, все кишки-черева выпустил – прямо, ахнул: триста аршин кишки!*» [3]. Итогом является и то, что герою напрямую говорят, что именно он является причиной всех бед и несчастий: «– *От твоей-то кишки луженой все трясение и вышло!*» [3].

Таким образом, анализ кулинарно-гастрономического кода в сказке И. С. Шмелева «Веселый барин» позволяет выделить характерные особенности в изображении главного героя. Лексические и словообразовательные возможности слов (словосочетаний) позволяют передать точное значение каждого контекста и усилить впечатление, создаваемое о герое на протяжении всего произведения. В описаниях кулинарно-гастрономической сферы писатель широко использует уменьшительно-ласкательные формы слов (диминутивы – *чайку-кофейку, икоркой да семушкой, пирожками, ветчинки-котлетки* и под.); намеренно искаженные слова (*буденбродами, шинпанского*); композиты, созданные путем сложения двух или трех основ (*куропатки-рябчики, апельсины-лимоны-мандарины*). Интересны примеры, в которых автор наделяет блюда свойствами живых существ (*лососинка подплывает, рябчики пьлят, стерлядки полощутся, поросятки подремывают*). Особое место в структуре описания главного героя занимает слово *кишка (луженая)*, которое в контексте произведения реализует лексический и синтаксический потенциалы.

Список использованных источников

1. Поздеев, В. А. Функция еды в романе «Лето Господне» (восприятие детским сознанием) / В. А. Поздеев. // *Russische Küche und kulturelle Identität* / Hrsg. v. N. Franz. Universitätsverlag Potsdam, 2012. – С. 189–202.
2. Гудзова, Я. О. Жизнь «под игом безумия» : жанр сказки в творчестве И. С. Шмелева и М. Е. Салтыкова-Щедрина / Я. О. Гудзова // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. – 2021. – №8. – С. 184–188.
3. Шмелев, И. С. Веселый барин [Электронный ресурс] / И. С. Шмелев // Шмелев И. С. Собрание сочинений : в 8 т. – Т. 8 : Рваный барин. – Москва : Русская книга, 2000. – 511 с. – Режим доступа : <https://traumlibrary.ru/book/shmelev-ss05-08/shmelev-ss05-08.html>. – Дата доступа : 20.09.2023.
4. Словарь русского языка : в 4 т. – Т. 2 / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва : Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. – 795 с.

Abstract. The article is devoted to the study of the culinary and gastronomic code in the fairy tale of I. S. Shmelev "The Merry Gentleman", which allows us to highlight the features in the image of the main character. The writer uses various lexical and word-forming possibilities of words and/or phrases that enhance the impression created about the hero in the work.

Keywords: I. S. Shmelev, fairy tale "Merry gentleman", culinary and gastronomic code

**РОЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ
РЕСПУБЛИКИ КЫРГЫЗСТАН**
(на материале комментариев и постов социальной сети Instagram)

Аннотация. Данная статья посвящена языковой игре, которая является одной из важных особенностей интернет-дискурса. Целью исследования является выявление приемов языковой игры в интернет-пространстве Республики Кыргызстан. Отмечены функции языковой игры в интернет-коммуникации. Актуальность исследования связана с тем, что язык интернета находится в динамике, и языковая игра в интернет-дискурсе способствует появлению новых процессов речепорождения и речевосприятия, основанных на отклонении от речевых норм. Эмпирическим материалом работы послужили комментарии, посты, истории в социальной сети Instagram.

Ключевые слова: языковая игра, людема, интернет-дискурс, самопрезентация, интернет-коммуникация, троллинг, веб-пространство, социальная сеть, Instagram, виртуальное общение.

В век развития информационной технологии в жизнь каждого прочно вошло виртуальное общение. Интернет стал доступным каждому в любом уголке планеты. Каждый день появляются различные приложения для коммуникации в сети. В связи с тем, что многие проводят всё больше времени в виртуальном мире, социальные сети всё больше и больше набирают популярность. Виртуальное общение стало более востребованным, чем реальное. Е. А. Нелюбин связывает это, во-первых, с дефицитом времени, во-вторых, с простотой общения и, в-третьих, с возможностью анонимного общения [1, с. 21]. Появился особый вид дискурса под названием интернет-дискурс. По мнению многих исследователей, он отличается от других видов дискурса тем, что является письменно-устным [2]. Язык интернета привлекает внимание многих исследователей, так как он находится всегда в развитии.

Термин «языковая игра» введен в обиход в 40-х годах XX века австрийским философом Л. Витгенштейном в работе «Философские исследования» [3, с. 79]. Это понятие подразумевает плюрализм смыслов. В своих работах британский лингвист Д. Кристалл редуцирует языковую игру до понятия «игра слов» [4, с. 272]. В то же время В. З. Санников понимает языковую игру как осознанную девиацию языковой нормы [5]. По мнению Т. А. Гридиной, «языковая игра всегда нацелена на использование лингвистических приёмов, подчёркивающих парадокс между стандартной формой и/или значением знака (а также алгоритмом его образования и использования) и новой ассоциативной “обработкой” того или иного вида языкового знания» [6, с. 25]. Н. Л. Данилевская трактует языковую игру как «определённый тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка» [7, с. 657]. Мысли многих исследователей сходятся в том, что языковая игра имеет такие характеристики, как «диалогизм», креативность речемыслительной деятельности, использование ресурсов различных языковых уровней и достижение юмористического эффекта [8, с. 90]. Е. Н. Галичкина предлагает термин «людема» (от лат. *ludus* ‘игра’), основанный на понятии «языковая игра» и включающий в себя «лингвокреативные возможности языковой личности» [9, с. 338]. В стилистическом энциклопедическом словаре под редакцией М. Н. Кожинной языковая игра трактуется как определённый тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка [10, с. 657]. В нашем исследовании мы опираемся на это определение и постараемся выявить приемы языковой игры в интернет-пространстве Республики Кыргызстан.

На различных языковых уровнях языковая игра осуществляется посредством различных средств [5]. Огромные возможности для реализации языковой игры дают комментарии актуаль-

Жожошка сладкая; Прееелесть.; Памагитии (стилизация под детскую речь); *бИвший* (стилизация под речь иностранца);

Ещё одна из функций языковой игры – это вовлечение собеседника в неофициальную речевую среду:

Бро я с тобой. У меня тож самое; Блиин вы так похожи оказца; Гоу девочки.... Скорее у нас всегда было так... но иногда я тоже подключаюсь что и я в этом... как-то участвую; Всем хеллоуики! С вами ваша Мисс Айтолкун!; Втбщем, если стать блогером, лучше нанять специалистов, кто птшает тексты, кто снИмает и редкт рилсы, итп, потому что сам блогер не успеет физически столько работы сделать один;а вообще самое прикольное, что эффекты эти трендовые, то есть все делают, а tutorial по монтажу идет у всех по одному принципу и на одних и тех же приложухах монтируются и такого контента очень много...; Как будет тук-тук Let's cook?; Мобилографияга окупатам эми смм окуйун Деп жатам...

Таким образом, можно сделать вывод, что языковая игра – это особенное речевое поведение коммуникантов, основанная на осознанном нарушении языковых норм. Языковая игра выполняет ряд функций, таких как самопрезентация, троллинг, вовлечение адресата в процесс неформального общения, критика и пр. Использование языковой игры многообразно. Так как возможности её реализации бесконечны и всегда в развитии, феномен языковой игры всегда будет привлекать внимание исследователей.

Список использованных источников

1. Нелюбина, Е. А. Языковые особенности интернет-дискурса / Е. А. Нелюбина, М. В. Амитрова, Ю. В. Гусарова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2014. – № 4. – С. 21–23.
2. Кронгауз, М. А. «Лытдыбр» от блогера или как Интернет-язык делает письменную речь формой существования разговорного языка [Электронный ресурс] / М. А. Кронгауз. – Режим доступа : [http://www.russkiymir.ru/russkiy-mir/ru/magazines /archive/ 2009/06/article008.html](http://www.russkiymir.ru/russkiy-mir/ru/magazines/archive/2009/06/article008.html). – Дата доступа : 01.10.2023.
3. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. – Вып. XVI. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 79–99.
4. Crystal, D. Language play / D. Crystal. – Chicago : University of Chicago Press, 2001. – 274 p.
5. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
6. Гридина, Т. А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность / Т. А. Гридина // Язык. Система. Личность. Языковая игра как вид лингвокреативной деятельности : материалы докладов и сообщений Всероссийской науч. конф., Екатеринбург, 25 апреля–26 июня 2002 г. – Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2002. – С. 25–31.
7. Данилевская, Н. Л. Языковая игра [Language play] / Н. Л. Данилевская // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – С. 657–660.
8. Книга, Ю. А. Языковая игра как средство самопрезентации в Интернет-дискурсе (на материале постов социальной сети Twitter) / Ю. А. Книга // Вестник Курганского университета. – 2019. – №1(52). – С. 90–94.
9. Рыжков, М. С. Людемы интернет-дискурса / М. С. Рыжков // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – №6(2). – С. 338–345.
10. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной ; члены редкол. : Е. А. Баженова, М. П. Котурова, А. П. Сковородников. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 657 с.
11. Лутовинова, О. В. Языковая игра в интернет-коммуникации / О. В. Лутовинова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – №2(97). – С.104–111.
12. Бондаренко, А. О. Языковая игра в троллинге (на материале франкоязычной интернет-коммуникации) / А. О. Бондаренко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Выпуск 1. – 2021. – С.136–140.

Abstract. This article is devoted to the language game, which is one of the most important features of Internet discourse. The purpose of the study is to identify the techniques of language play in the Internet space of the Republic of Kyrgyzstan. The functions of the language game in Internet communication are not

ed. The relevance of the research is related to the fact that the language of the Internet is in dynamics and the language game in Internet discourse contributes to the emergence of new processes of speech generation and speech perception based on deviation from speech norms. The empirical material of the work was comments, posts, stories on the social network Instagram.

Keywords: language game, ludema, Internet discourse, self-presentation, Internet communication, trolling, web space, social network, Instagram, virtual communication

УДК 81'22:81'367.622:81'371

В. А. Богущ, А. Э. Буйновская
Научный руководитель – **А. О. Долгова**,
канд. филол. наук, доцент

ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В данной статье проводится сравнительный анализ гендерных фразеологизмов в английском и русском языках с акцентом на стереотипы и динамику изменений. В ней исследуется, как языковые выражения, связанные с мужчинами и женщинами, отражают гендерные стереотипы и представления в разных культурных контекстах. Авторы исследуют изменения в семантике и употреблении фразеологических оборотов. В статье также рассматривается вопрос о том, какие гендерные стереотипы поддерживаются или меняются в современном обществе через язык и как это влияет на процессы социокультурной адаптации и равноправия полов.

Ключевые слова: гендер, фразеология, сравнительный анализ, стереотипы, язык, культура, мужчины, женщины, русский, английский, семантика, равноправие.

1. Актуальность исследования фразеологизмов о мужчинах и женщинах. Актуальность данной темы обусловлена не только современными изменениями в языке и обществе, но и существенными социокультурными трансформациями, которые затрагивают вопросы гендерных стереотипов и равноправия полов. В современном мире уделяется все больше внимания вопросам гендерной идентичности, половых ролей и влиянию языка на формирование социокультурных норм. Исследование гендерных фразеологизмов в английском и русском языках является актуальным, так как оно позволяет лучше понять, как язык формирует и отражает гендерные стереотипы и представления о мужчинах и женщинах.

В современном обществе смена гендерных ролей и борьба за гендерное равенство стали одними из важнейших социокультурных движений. Язык, как инструмент общения и выражения идентичности, играет ключевую роль в этом процессе. Анализ гендерных фразеологизмов позволяет выявить, какие гендерные стереотипы сохраняются или меняются в языке и культуре и какие именно выражения могут влиять на формирование представлений о половых ролях.

Данное исследование представляется актуальным, поскольку помогает расширить наши знания о влиянии языка на социокультурные динамику и способствует созданию инклюзивной и равноправной среды для всех.

2. Влияние гендерных фразеологизмов на коммуникацию и восприятие половых ролей в языке и культуре. Влияние гендерных фразеологизмов на коммуникацию и восприятие половых ролей в языке и культуре является одним из интересных аспектов лингвистики и социологии. Гендерные фразеологизмы, или фразеологические выражения с элементами, связанными с полом, могут содержать отсылки к мужчинам или женщинам и часто отражают общественные установки, стереотипы и ожидания, связанные с половыми ролями. Эти идиомы играют значительную роль в формировании способов общения и понимания гендерно-связанных концепций.

Прежде всего, гендерные фразеологизмы влияют на способы общения людей. Эти выражения глубоко внедрены в язык и используются в различных контекстах, как формальных, так и неформальных. Они могут укреплять традиционные гендерные роли или вызывать вопросы в зависимости от контекста и намерений говорящего. Например, фразы вроде *the man of the house* и *the little woman* могут поддерживать стереотипные гендерные роли внутри семьи, в то время как выражения вроде *breaking the glass ceiling* вызывают вопросы к гендерным неравенствам на рабочем месте.

Более того, гендерные фразеологизмы влияют на то, как люди воспринимают и внутренне принимают гендерные роли в обществе. Они часто несут в себе неявные сообщения о том, что считается типичным или приемлемым поведением для мужчин и женщин. Например, фразы типа *real men don't cry* предполагают, что проявление уязвимости или эмоций не соответствует традиционной маскулинности, в то время как фразы типа *sugar and spice* укрепляют гендерные ожидания относительно женщин как милых и заботливых.

Кроме того, гендерные фразеологизмы вносят свой вклад в более общие культурные нормы и ожидания. Они могут либо усиливать существующие гендерные неравенства, либо служить инструментами для их вызова и пересмотра. Распространенность гендерных идиом в литературе, медиа и повседневной речи означает, что они имеют всепроникающее воздействие на понимание обществом гендерных ролей.

Тем не менее важно отметить, что влияние гендерных фразеологизмов не всегда является универсально негативным. Некоторые из них могут уполномочивать людей, празднуя качества, обычно связанные с определенным полом. Например, фраза *she wears the pants* подразумевает, что женщина находится в авторитетной позиции, что вызывает сомнение в традиционных гендерных ролях.

3. Сравнительный анализ национально-культурных гендерных стереотипов, представленных в английской и русской фразеологии.

Термин «стереотип» (греч. *stereos* – твердый, *typos* – отпечаток) был введен в оборот американским социологом Уолтером Липпманом [1, с. 79]. Под стереотипом понимается особая форма восприятия окружающего мира, оказывающая определенное влияние на данные наших чувств до того, как эти данные дойдут до нашего сознания. Ученый считает, что человек, пытаясь постичь окружающий его мир, создает некий образ тех явлений, которые он не наблюдал. Он имеет ясное представление о большинстве вещей еще до того, как он наблюдал их в жизни. Подобные представления-стереотипы формируются под влиянием культурного окружения данного индивидуума [2, с. 142].

Согласно Уолтеру Липпману, межгрупповые взаимоотношения часто опираются на стереотипы, потому что действия и характеристики соответствующих социальных групп слишком разнообразны и сложны, чтобы быть воспринятыми непосредственно через ощущения и наблюдения [3, с. 255].

Национально-культурные гендерные стереотипы представляют собой устойчивые идеи и убеждения о том, какие роли и характеристики соответствуют мужчинам и женщинам в конкретной культуре или обществе. Эти стереотипы формируются на основе исторических, религиозных, социокультурных и других факторов. Они оказывают значительное влияние на то, какие ожидания и требования предъявляются к мужчинам и женщинам внутри определенного общества.

Для данного исследования было отобрано 50 фразеологизмов о мужчинах и женщинах в английском языке и 50 фразеологизмов о мужчинах и женщинах в русском языке. Собранный материал был разделен на основе биопсихосоциальной модели человека (рис. 1); сравнительную классификацию С. Ц - Д. Дашиевой [4, с. 13]. Сходная классификация представлена в работе А. О. Долговой [5, с. 11–12]. Данная модель позволила рассмотреть образы, представленные во фразеологизмах о мужчинах и женщинах, с трех позиций: 1) биологическая картина; 2) психологический портрет; 3) социальная модель.

Тематическая классификация фразеологизмов мужчин и женщин представлена на рисунке 1.

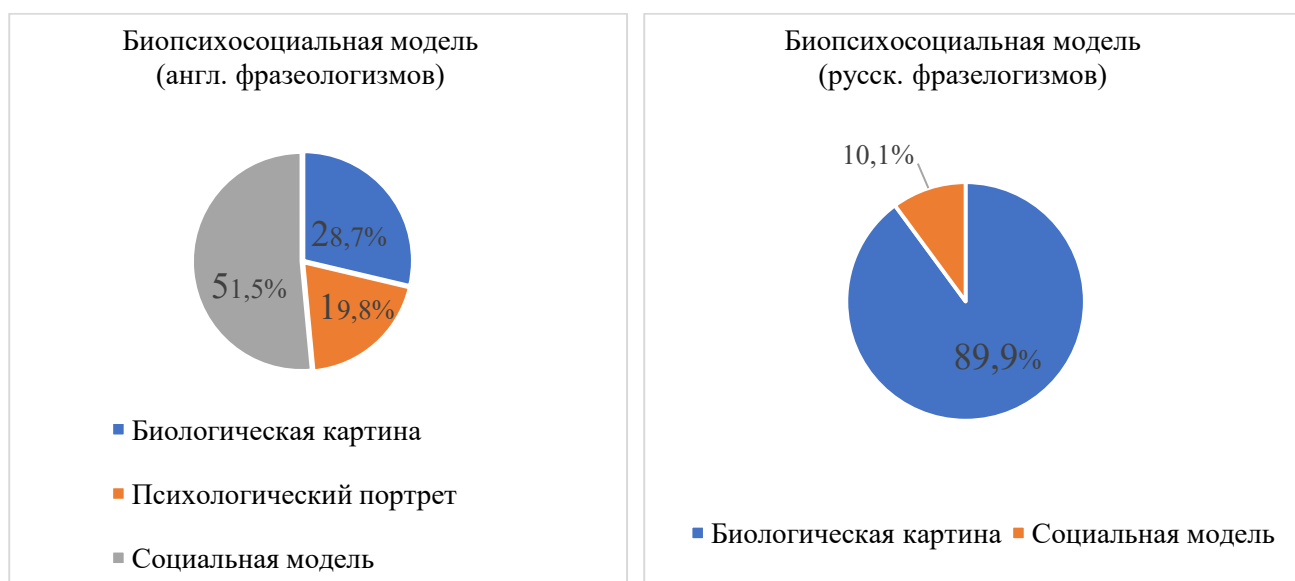

Рисунок 1 – Тематическая классификация фразеологизмов о мужчинах и женщинах

Сравнительный анализ собранного материала позволил сделать следующие выводы:

1. Фразеологические единицы в русском языке склонны оценивать женскую красоту и ценности через условно-символические характеристики, такие как *коса, кровь с молоком, красна девица*. В русской фразеологии более акцентированы социокультурные оценки женщин на основе их добродетелей и качеств, таких как работоспособность и нравственность, в то время как внешность оказывается менее существенной: *не ищи красоты, ищи доброты; красна пава пером, а жена нравом*. В английской же фразеологии внешность женщины и физическая привлекательность играют более важную роль: *a real knockout; she's no [spring] chicken*. Внимание к мужской внешности во фразеологизмах практически не представлено.

2. В русской культуре присутствуют стереотипы о мужчине как главе семьи (*становиться грудью*) и женщине как домохозяйке (*женский удел – угождать мужчине*), так же, как и в английской культуре, чаще подчеркивается главная роль мужчины в семье (*man up*), а женщины как хрупкой и нежной (*cry like a girl*).

Список использованных источников

1. Lippman, W. Public Opinion / W. Lippman. – New York : Macmillan : Transaction Publishers, 1922. – 427 p.
2. Горчеева, А. И. Роль национальных стереотипов и предрассудков в изучении русского языка / А. И. Горчеева // Казанский вестник молодых ученых. Социокультурный компонент обучения иностранным языкам. – Т. 2. – 2018. – №5(8). – Казань : Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2018. – С. 142–146.
3. Blum, L. Stereotypes And Stereotyping : A Moral Analysis / L. Blum // Philosophy and Public Affairs. – 2004. – №3. – P. 251–289.
4. Дашиева, С.Ц-Д. Фразеологическая вербализация гендера: лингвокультурологический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / С.Ц-Д. Дашиева ; Бурятский гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2011. – 26 с.
5. Долгова, А. О. Грамматическая и лексико-семантическая структура устойчивых сравнений как класса фразеологических оборотов (на материале русского, английского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. О. Долгова; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2007 – 22 с.

Abstract. This article provides a comparative analysis of gender phraseological units in the English and Russian languages with an emphasis on stereotypes and the dynamics of change. It examines how linguistic expressions associated with men and women reflect gender stereotypes and perceptions in different cultural contexts. The authors explore changes in semantics and the use of phraseological units. The article also examines the question of what gender stereotypes are supported or changed in modern society through language and how this affects the processes of sociocultural adaptation and gender equality.

Keywords: gender, phraseology, comparative analysis, stereotypes, language, culture, men, women, Russian, English, semantics, gender equality.

УДК 811.161.1'42'271.1:614.253

Е. А. Булькова
Научный руководитель – **И. Г. Гомонова**,
канд. филол. наук

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИАЛОГОВ «ВРАЧ-ПАЦИЕНТ» (на материале учебных пособий по РКИ для студентов-медиков)

Аннотация. В статье рассматриваются типологии профессиональных диалогов «врач – пациент», представленные в учебных пособиях по русскому языку как иностранному для студентов-медиков. Выявляются основания для построения таких типологий. Делаются выводы о том, что каждая из типологий по своему представляет специфику профессиональной коммуникации «врач – пациент».

Ключевые слова: типология, диалог, коммуникация, профессиональный, врач, пациент.

Результативность медицинской помощи во многом зависит от качества коммуникации между пациентом и врачом. Следовательно, для будущего врача любой специализации важно умение организовать профессиональный диалог со своими пациентами.

На занятиях по русскому языку как иностранному со студентами-медиками важное место отводится формированию умений и навыков ведения такого диалога, а целый ряд учебных пособий по РКИ для студентов, получающих медицинскую специальность, содержит практический материал для проведения подобных занятий.

Материал в таких пособиях приводится, как правило, с опорой на типологию профессиональных диалогов «врач – пациент», принятую автором.

Анализ нескольких учебных пособий по РКИ для студентов-медиков [1; 2; 3] позволил выделить три такие типологии.

1. Типология профессиональных диалогов «врач – пациент», основанная на системах органов человека.

Данная типология представлена, напр., в учебном пособии Л. И. Васецкой, Т. Н. Алексеенко «Практикум по курсу “Профессиональные диалоги *Врач – пациент*”» [1]:

Расспрос по дыхательной системе.

Расспрос по сердечно-сосудистой системе.

Расспрос по костной системе.

Расспрос по нервной системе.

Расспрос по пищеварительной системе.

Расспрос по выделительной системе.

Расспрос по эндокринной системе.

Учебные диалоги такого типа состоят в основном из вопросов, направленных на выявление симптомов заболевания конкретных органов пациента. Например, фрагмент диалога из раздела «Расспрос по сердечно-сосудистой системе»: ... – *Какого характера боли в области*

сердца: сильные или слабые, постоянные или приступообразные? – Сильные, приступами. – Сколько времени длится болевой приступ? – Несколько минут или несколько часов? – Минуты три-четыре. – Какого характера боли Вы ощущаете: сжимающие, давящие или колющие? – Сжимающие, давящие. – Боль отдаёт куда-нибудь? – Да, в левую руку... [1, с. 23].

Система упражнений, направленных на выработку навыков ведения таких диалогов, включает в себя терминологическую лексику, сгруппированную с учётом типа диалога. Так, раздел «Распрос по костной системе» начинается с изучения специальных терминов: *лордоз, кифоз, сколиоз, кифосколиоз, плоскостопие, анкилоз, хруст, флюктуация, скованность, припухлость, подёргивание, травма, перелом, трещина, утолщение, надкостница* и др. [1, с. 34]. При этом диалоги «врач – пациент» узкоспециальной терминологии не содержат, например: *– На что Вы жалуетесь? – Болят ноги, руки. – Что Вас ещё беспокоит? – Ощущение «разбитости», слабость. – Боли постоянные или периодические? – Периодические. – Какого характера боли Вы ощущаете: тупые, ноющие или острые, сильные? – Ноющие, но при резком движении – острые. – Сколько времени длится болевой приступ? – Минуты две-три, потом утихает, но суставы ног и рук могут «ныть» еще несколько часов. – Когда суставные боли наиболее сильные? – Утром или когда долго нахожусь без движения... [1, с. 42].*

2. Типология профессиональных диалогов «врач – пациент», основанная на специализации клиники (врача).

Данная типология представлена, например, в учебном пособии «Учимся слушать и понимать больного», написанном коллективом авторов под редакцией И. М. Грицевской [2]. Пособие содержит следующие разделы:

Общая характеристика симптомов.

В родильном доме.

В урологической клинике.

В дерматологической клинике.

В неврологической клинике.

В эндокринологической клинике.

Диалоги «врач – пациент», представленные во всех разделах, кроме первого, состоят из вопросов, обусловленных медицинской сферой, к которой относится врач. Каждый раздел пособия, кроме первого, содержит терминологический минимум. Особенностью данного пособия является включение в него многочисленных аутентичных записей диалогов «врач – пациент». Например, фрагмент диалога из раздела «В урологической клинике»: *... – Вы обычно испытываете затруднения при мочеиспускании? – Да, в течение последнего года у меня струя мочи становится всё слабее, приходится ждать, пока она начнётся, и в конце мочеиспускания моча выделяется каплями. – Вам приходится вставать ночью, чтобы помочиться? – Да, иногда несколько раз. – Вы не замечали крови, камней или песка в моче? – Нет. – Не было ли в последнее время неконтролируемого выделения мочи? – Нет. – Не было ли у вас в последнее время болей в пояснице или в области таза? – Нет. – Вы не похудели в последнее время? – Нет. – Венерическими болезнями Вы не болели? – Нет! Слава богу. – Вас когда-нибудь катетеризировали или оперировали по поводу нарушений мочеиспускания? – Нет, доктор. – Хорошо. Лягте на кушетку. Я обследую ваш живот [2, с. 50].*

3. Типология профессиональных диалогов «врач – пациент», основанная на личностных характеристиках пациента.

Данная типология представлена в учебном пособии Е. В. Орловой «Общение врача и пациента» [3]. Пособие направлено на формирование и развитие профессиональной коммуникативной компетенции будущего врача с опорой на индивидуальные особенности пациента и содержит следующие разделы:

Общение врача с учётом темперамента пациента.

Общение врача с учётом характера пациента.

Общение врача с учётом возраста пациента.

Общение врача с учётом отношения пациента к своей болезни.

Общение врача со смертельно больным пациентом.
Общение врача в зависимости от гендера пациента.
Общение врача с учётом социально-культурного аспекта.

Анализируемое пособие включает в себя теоретический и практический материал. Так, тема «Общение врача с учётом темперамента пациента» начинается с описания типов темперамента (флегматик, сангвиник, холерик и меланхолик), анализируются сильные и слабые стороны каждого типа, предлагаются рекомендации по общению врача с пациентом по типу темперамента. В данных диалогах отражены модели не только вербальных, но и невербальных средств общения. Например, фрагмент диалога врача и пациента-холерика: (*громко, с улыбкой*) – *Здравствуйте, доктор! Можно войти? – Здравствуйте. Проходите, садитесь. На что жалуетесь? – Ой, 100 лет в больнице не был. Да вот, понимаете, у меня что-то с сердцем. То всё хорошо, то перебои какие-то. Может быть, это само пройдёт?* (Далее следуют диагностические вопросы: *Какой характер боли? Какая интенсивность боли? Длительность? Что вызывает боль? Куда иррадирует боль? Чем купируется боль?* и т. п., а также физикальный осмотр пациента) ... – *Давайте я вас направлю на ЭКГ. А дальше посмотрим ваши результаты. Ну, я думаю, ничего страшного. – Ой, спасибо вам большое. Рад был встрече с вами. До свидания! – Удачи! Приходите ещё. Шутка! (Смеётся.)* [3, с. 19].

В данной типологии учитываются все значимые для коммуникации врача и пациента характеристики последнего. Такие диалоги, по мнению исследователей, активно «используются при знакомстве в начале консультации, на этапе завершения коммуникативного события, на этапе сообщения диагноза и как «вертикальные», сквозные компоненты на протяжении всей консультации – микродиалоги с целью установить, поддерживать и развивать межличностные отношения, необходимые для достижения терапевтического результата» [4, с. 17].

Таким образом, типологии профессиональных диалогов «врач – пациент», представленные в проанализированных учебных пособиях по РКИ для студентов-медиков, строятся на разных основаниях. Каждая из приведённых типологий по-своему представляет специфику профессиональной коммуникации «врач – пациент». Учебный материал, изложенный с опорой на каждую из рассмотренных типологий, способствует выработке у иностранных студентов умений и навыков ведения профессионального диалога.

Список использованных источников

1. Васецкая, Л. И. Практикум по курсу «Профессиональные диалоги “Врач – пациент”»: учеб. пособие для иностранных студентов-медиков (англоязычной формы обучения) / Л. И. Васецкая, Т. Н. Алексеенко. – Запорожье : ЗГМУ, 2011. – 130 с.
2. Грицевская, И. М. Учимся слушать и понимать больного : учеб. пособие по изучению русского языка как иностранного в рамках клинической практики для иностранных студентов-медиков / И. М. Грицевская, М. М. Белякова, Е. С. Курзина [и др.] ; под ред. И. М. Грицевской. – Н. Новгород : Изд-во Нижегородской гос. мед. академии, 2014. – 150 с.
3. Орлова, Е. В. Общение врача и пациента = Communication between a Doctor and a Patient : учеб. пособие по чтению и развитию речи на русском языке для иностранных студентов мед. вузов / Е. В. Орлова. – СПб. : Златоуст, 2019. – 216 с.
4. Серова, Т. С. Типология умений иноязычного диалогического общения будущего врача с пациентом [Электронный ресурс] / Т. С. Серова, Л. А. Гаспарян // Язык и культура. – 2013. – №4 (24). – С. 117. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-umeniy-inoyazychnogo-dialogicheskogo-obscheniya-buduschego-vracha-s-patsientom>. – Дата доступа : 22.09.2023.

Abstract. The article deals with the typologies of professional dialogues between "a doctor and patient" which is presented in the Russian language on the textbooks of foreign language for medical students. The bases for the construction of such typologies are revealed further. The conclusions are made that each of the typologies are in its own way and it represents the specifics of professional communication between "a doctor and patient".

Keywords: typology, dialogue, communication, professional, physician, patient.

Ю. В. Быстрова
 Научный руководитель – **И. Г. Родионова**,
 д-р филол. наук, доцент

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ОБЪЕКТ МЕТАЯЗЫКОВОГО КОММЕНТАРИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. АЛЕКСИНА

Аннотация. В статье рассмотрены особенности метаязыкового комментария к ономастической лексике в произведениях А. Алексина. Выделены метаоператоры, мотивы метаязыкового комментирования, метаязыковые комментарии к именам собственным с семантикой оценки. Делается вывод о том, что метаязыковой комментарий позволяет автору дать характеристику персонажа, продемонстрировать особенности сознания человека через выражение его отношения к имени собственному, установить контакт с читателями.

Ключевые слова: метаязыковой комментарий, метаязыковая рефлексия, оним, метаоператоры.

Под метаязыковым комментарием (метаязыковой рефлексией) понимается «интерпретация фактов языка и речи, в основе которой лежит метаязыковое знание субъекта» [1, с. 115]. Исследование фрагментов художественных произведений, содержащих метаязыковые комментарии, позволяет выявить общие закономерности метаязыковой рефлексии через отношение персонажа или автора-рассказчика к языковым явлениям, чужим и собственным высказываниям.

В прозе А. Алексина, автора книг для детей и юношества, метаязыковые комментарии касаются разнообразных единиц языка, при этом объектом комментирования нередко становится ономастическая лексика. «Ономы, или онимы – имена собственные – представляют особый вид индивидуализирующего именованья, в отличие от апеллятивов (имен нарицательных), выступающих в большей степени как классифицирующие знаки» [2, с. 15]. Анализ языкового материала показал, что в центре внимания рассказчиков, персонажей в произведениях А. Алексина часто оказывается такая семантическая группа имён собственных, как антропонимы, т. е. имена, отчества, фамилии, прозвища людей.

Метаязыковые комментарии вводятся в тексты произведений А. Алексина с помощью метаоператоров. Свообразными «сигналами» метаязыковой рефлексии становятся слова, которые обозначают процессы речи (*называться, именоваться* и др.) или виды ономастической лексики (*имя, прозвище* и др.): *Круглова прозвали не просто Принцем, а именно Датским, потому что он любил сочинять стихи к разным школьным датам и даже к семейным...* («Очень страшная история»); *В имя Гертруды было врублено слово «труд»* («Диагноз»); *Я стала убеждать внучку, что называть её, маленькую, длинным именем Елизавета неестественно, что люди будут смеяться* («Третий в пятом ряду»).

«Существующие в метаязыковом сознании носителя языка представления о том или ином факте языка (речи) реализуются в тексте в виде мотивов», – утверждает М. Р. Шумарина [3]. Одним из мотивов метаязыкового комментирования в прозе А. Алексина является этимология имени, ссылка на неё. В таком случае в центре внимания «наивного лингвиста» оказываются не только онимы, бытующие в языке в течение длительного времени, но и новообразования, возникшие в советскую эпоху и отвечающие идеологическим веяниям времени: *Он к тому времени разузнал, что полное имя его происходит от победного слова «виктория», о чём впопыхах, в житейской сутолоке мы не удосужились ему сообщить* («Диагноз») – речь идёт об имени Виктор; *Можно было сказать, что Гертруда «Герой труда», но не социалистического, а, напротив, гуманистического* («Диагноз»).

Мотив присвоения онима реализуется в виде развернутых либо лаконичных метаязыковых комментариев к прозвищам персонажей. При этом основанием для появления такового оказываются а) типичное поведение персонажа: *Могила – это прозвище моего приятеля Женьки. <...> И что бы ни рассказывали Женьке, он всегда уверял: «Никогда! Никому!*

Я – могила!» Он так долго всех в этом уверял, что его и прозвали Могилой («Звоните и приезжайте»), Голубкина ребята *прозвали Вороном*: он словно кружил над классом, ко всем приглядываясь и всех в чём-то подозревая («Третий в пятом ряду»); б) внешнее сходство: *Ребята звали его Антоном-Батоном* за то, что он был полным, сдобным, розовощёким... («А тем временем где-то»); в) культурные ассоциации: *А было ещё и прозвище... Екатерина Великая!* («Сигнальщики и горнисты») – речь идёт о Екатерине Ильиничне, классном руководителе мамы главного героя; г) характер имени: *Но от нежного Витик* вскоре само собой образовалось *прозвище Винтик* («Диагноз»). Подобные метаязыковые комментарии отражают процесс и результат получения объектом того или иного имени в связи с характером денотата.

Среди метаязыковых комментариев к именам собственным в произведениях А. Алексина можно выделить такие, которые обладают семантикой оценки. Основания для оценки могут быть следующие:

1. Степень известности имени говорящему. Она является стимулом для эксплицирования метаязыкового комментария в речи персонажа или рассказчика, из неё рождается оппозиция «обычное – необычное», «редкое – частое», отражающая картину бытования антропонима в советскую эпоху, когда создавались произведения: *Ее звали Норой. Даже имя запомнил! Необычное такое легче запоминается* («Поздний ребёнок»); *О, как я ненавидела Алину в этот момент! Я ненавидела даже её имя – такое редкое, необычное* («Мой брат играет на кларнете»); – *Ту самую! – ответил приезжий, которого звали редким именем Игнатий* («Звоните и приезжайте»).

2. Ассоциации, вызываемые у говорящего звуковым комплексом имени, отчества, фамилии: *Лиза – это не полное имя, а полное звучит торжественно и парадно: Елизавета* («Третий в пятом ряду»); *А было ещё и прозвище... Екатерина Великая! Эпитет мне льстил. Но в сочетании с именем... получалось нечто самодержавное* («Сигнальщики и горнисты»); *Бенцион Борисович был не типичным академиком <...> Академик не соответствовал и некоторой торжественности своего имени-отчества* («Диагноз»); *Я даже думал, не обыграть ли в заголовке его фамилию. Всё-таки, знаешь, «Старков»... Старое, устаревшее... пережитки... Как-то само собой ассоциируется* («Бабочка»). Метакомментарии подобного типа выполняют эмоционально-экспрессивную и описательную функции, так как выражают отношение говорящего к ониму, впечатление, им производимое.

Таким образом, метаязыковой комментарий к именам собственным позволяет автору дать более полную и точную характеристику персонажа, продемонстрировать особенности сознания человека через выражение его отношения к имени собственному. Тем самым метаязыковой комментарий способствует установлению контакта с читателем, более полному пониманию им авторского замысла.

Список использованных источников

1. Родионова, И. Г. Номинация как вид метаязыкового комментария в малой прозе К. Г. Паустовского / И. Г. Родионова // Экология языка и речи : материалы IX Междунар. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения заслуженного работника высшей школы РФ, доктора филологических наук, профессора Нины Георгиевны Блохиной, Тамбов, 12–13 февраля 2021 г. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2021. – С. 115–118.

2. Косых, Е. А. Русская ономазиология / Е. А. Косых. – Барнаул : АлтГПУ, 2016. – 101 с.

3. Шумарина, М. Р. Язык в зеркале художественного текста (метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы) : монография [Электронный ресурс] / М. Р. Шумарина. – Москва : Флинта : Наука, 2011. – 325 с. – Режим доступа : https://sharlib.com/read_233432-1. – Дата доступа : 13.09.2023.

Abstract. The article examines the features of metalinguistic commentary on onomastic vocabulary in the works of A. Aleksin. Meta-operators, motives for metalinguistic commenting, metalinguistic comments on proper names with evaluation semantics are highlighted. It is concluded that a metalinguistic commentary allows the author to characterize a character, demonstrate the characteristics of a person's consciousness through the expression of his attitude to a proper name, and establish contact with readers.

Keywords: metalanguage commentary, metalanguage reflection, onym, meta operators.

ОБРАЗ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА В РУССКИХ И ЧУВАШСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Аннотация. В данной статье исследуется образ русского человека, представленный в русских и чувашских пословицах. Русская и чувашская культуры славятся своим народным творчеством, и пословицы становятся отражением национального характера каждого из народов.

Ключевые слова: пословица, образ, русский человек, чувашские пословицы, русские пословицы.

Пословицы – это образные слова, которые переходят из уст в уста. Они выражают мысль коротко, остро, загадочно. В пословицах отражена жизнь, разум, мышление народа, его мировоззрение. Пословицы имеют древнее происхождение и дошли до наших дней. Они учат нас трудиться, уважать других, быть настоящими людьми. Несмотря на то, что пословицы короткие, в них много мудрого смысла, красивых сочетаний и синтаксических украшений.

Речевая красота пословиц – это способность короткого предложения формироваться с использованием различных приемов, быстро донести основную мысль до читателя или слушателя.

В большинстве случаев пословица – это тайна, она открыта не для всех. У чувашей не принято прямо высказывать свое мнение. У них оно лаконичное, притягательное. Поэтому значение пословиц сложнее найти. В русских пословицах присутствует энтузиазм и уважение народа к родному языку. В отличие от других наций, русский народ смело выражает свою любовь к русскому языку, подчёркивает важный статус языка в жизни, считает свой родной язык руководством жизни. Это отмечается в работе [1].

В работе мы рассматриваем материал из сборников русских [2; 3] и чувашских [4; 5; 6; 7] пословиц: это выражения, в которых описываются черты русских. Одни и те же пословицы помещались в разных отделах сборников. Самый распространенный способ – группировка по темам. Тематические разделы освещают основные понятия жизни.

Чтобы раскрыть сложность жизни и мира, раскрыть смысл, темы разделены по-разному: *добро – зло, жизнь – смерть, Родина – чужая земля, правда – ложь, счастье – страдание* и т. д.

Мы разделили пословицы на группы по качествам личности. Рассмотрим значения данных качеств в пословицах.

1. Доброта

Вырăс сывни – ыра сын (Русский человек – добрый человек); *Вырăс туйнине чăваш туймасăр юлман* (Что чувствует русский, чувствует и чуваш); *Вырăс – сыра, кăмăлĕ – ыра* (Русский – русский (русоловый), душа – добрая); *Вырăс сыннин кăмăлĕ ыра* (У русского человека душа добрая).

Русский человек добро помнит; Русский человек хлеб-соль водит; Русская душа нарасташку.

Добро имеет большое значение в пословицах. Как отмечает в своей работе Н. С. Карпова, в чувашской культуре одним из критериев оценки доброты человека являются нормы поведения. Эти нормы закреплены в нравственном кодексе народа и отражены в пословицах. Добро и в чувашской, и в русской культуре определяется как что-то хорошее, полезное. Слово *добрый* (в чувашском языке значение слова *ыра*) включает в себя все значения слова *добро*, встречающиеся в русском языке. В русских пословицах о добре называют выражение народной мудрости, которое говорит о положительных нравственных ценностях [8].

2. Сила духа

Вырăс сивви тимĕр хусать (Холод русского ломает и железо); *Вырăс чăтать-чăтать те, пĕр вĕсерĕнсен ёмĕр асăнмалăх тăвать* (Русский терпит-терпит, но если один раз сорвется, то сделает так, что запомнишь на всю жизнь); *Вырăс сивви – нимĕссене вилĕм кĕвви* (Рус-

ский холод – песня смерти для немцев); *Вырӑс умӗнче выртса макӑрсан та усӑ сук* (Нет смысла лежать и плакать перед русским); *Вырӑс виҫсӗ ҫӑтатӑ, тӑваттӑмӗшӗне хӑй хуҫатӑ* (Русский терпит три раза, а в четвёртый сам сломаёт).

Что русскому здорово, то немцу смерть; Русский немцу задал перцу; С русским знаться – с чёртом связаться; Пустил русского в хату на денёк, да и в год не выгонишь; Мы, русские, шутить не любим: кого не штыком, так кулаком.

В чувашском фольклоре русский проявляет себя как долготерпеливый человек, который способен крепко отомстить. В примерах мы видим, что сила духа русского может сопровождаться другими отрицательными чертами: это гнев, злопамятность, хитрость.

3. Смелость, храбрость

Вырӑсна пулсан, ҫӗнеймӗ тӑшман (Если ты с русским вместе, враг не одолеет); *Вырӑс хӑтти ҫӗршыв хӑтти* (Русские – защита страны); *Вырӑсна тусӑ инкекрен ҫӑлӑнӑ* (Тот, кто дружит с русским, спасается от беды); *Вырӑсна тусӑ пул, тӑшмана сана памӗ вӑл* (Дружи с русским, врагу он тебя не даст); *Вырӑс хӑтлӑх ҫӑваша* (Русская защита чувашам); *Вырӑс хӑттинче сана та хӑтӗ пулӗ* (И тебя будут защищать русские).

Русский ни с мечом, ни с калачом не шутит; Русский солдат не знает преград; Русский боец всем образец; Русский в поле не робеет; И один в поле воин – коли по-русски скроен; Русский до конца стоек; Русский бьёт, где враг и не ждёт; Сердце русского неустрашимо.

Смелость, что в русских, что в чувашских пословицах, – это качество, за которое уважали во все времена. Пословицы о смелости учат, что нужно противостоять сложностям, управлять своим страхом и негативными эмоциями, быть готовым всегда прийти на помощь, защитить своих родных и близких.

Наш народ многократно одерживал победу над захватчиками и добивался больших успехов. Патриотизм, отвага, мужество, героизм – все эти понятия находят свое отражение в пословицах.

4. Братство, дружелюбие

Вырӑс ҫӑвашӑн авалхи тусӗ (Русские – старинные друзья чувашей); *Вырӑса пичче ту, тутара юлташ ту* (Сделай русского старшим братом, а татарина другом); *Вырӑсна ҫӑваш – пиччешӗне шӑллӗ* (Русский с чувашем братья); *Вырӑс туйнине ҫӑваш туймасӑр юлман* (Что чувствует русский, чувствует и чуваш); *Вырӑс хуйхи ҫӑваша та килсе ҫапӑнӑ* (Русская беда коснется и чувашей).

Русский человек без родни не живёт; Если ты вместе с русским народом, враг не одолеет; Если русский простой человек отведаёт с нами хлеба и соли, почему не назвать его родным человеком?

Пословицы о дружбе учат нас тому, что настоящий друг – это человек, который всегда придет на помощь, подставит свое плечо, подаст руку. В пословицах о дружбе отразились вечные нравственные человеческие ценности, а также мысль о том, что у дружбы нет цены.

5. Мудрость

Вырӑс ҫынни вырӑнӑ калаҫатӑ (Русский говорит уместно); *Вырӑс ҫитмен вырӑн сук* (Нет места, которого не достигли бы русские); *Вырӑс ҫыннин ӑс хуранӗ пысӑкрах* (У русского человека котел ума больше).

Русский ум – хитроум; Русский догадлив, что увидит, то и сделает; Русский человек переимчив: научившись у врага, он бьёт его.

В этих пословицах главную роль играет ум, под этим понятием подразумевается общая интеллектуальная высота человеческого разума. У чувашского и русского народов мудрость всегда высоко ценилась. Благодаря мудрости русский человек достигает очень многого.

6. Трудолюбие

Вырӑс сехечӗн утмӑл минут (У русского в часу 60 минут); *Вырӑс ҫыру вырӑслататӑ, ҫӑваш ҫыру тӗрӗлет* (Русский письмо русифицирует, чуваш письмо вышивает); *Вырӑсӗ вӑрман касатӑ, турпасӗ кӑмпа тататӑ* (Русский лес рубит, щепки грибы собирают).

Русский терпелив до зачина; Русский медленно запрягает, но быстро едет; Русский в словах горд, в делах твёрд; Русский задора ждёт.

Как для русских, так и для чувашей на первом месте стоит трудовая деятельность. Пословицы о труде – неотъемлемая часть фольклора как русского, так и чувашского народа. Русский народ издавна считал, что добросовестный труд – основа благополучия. Трудолюбие считалось настолько важной чертой нравственности, что по качеству работы чуваша оценивали моральный облик человека. Русского человека чуваша в пословицах описывают положительно по отношению к труду.

Иван Яковлевич Яковлев, создатель современного чувашского алфавита и учебников чувашского и русского языков, в своём духовном завещании писал, что чуваша должны учиться у русских, знать их язык, чтобы приобщиться к великой русской и передовой мировой культуре, духовно объединиться вокруг русского народа: «Чтите и любите великий добрый и умный русский народ, таящий в себе неисчерпаемые силы ума, сердца и воли. <...> Народ этот принял вас в прошлом, он не обидит вас и в будущем. Любите его и сближайтесь с ним. <...> Верьте в Россию, любите ее – и она будет вам Матерью». Таким образом, И. Я. Яковлев подчеркивает, что надо верить в русский народ, в Россию.

Пословицы – краткие высказывания, обобщающие мудрые мысли, необходимые человеку в жизни. Пословицы, возникшие как жанр народной поэзии в глубокой древности, бытуют в течение многих веков и играют бытовую и литературно-художественную роль, вливаясь в народную культуру. В любое время пословицы и поговорки будут характерной чертой данного народа, объектом внимания и исследования.

Список использованных источников

1. Гао, Ю. Анализ характера русского народа через изучение русских пословиц и поговорок / Ю. Гао, Ш. Чэнь, И. В. Соловьева // В мире русского языка и русской культуры : сборник тезисов VI Междунар. студ. науч.-практ. конф., Москва, 22 апреля 2022 г. – Москва : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2023. – С. 57–59.
2. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – Москва : ЭКСМО, 2004. – 614 с.
3. Жуков, В. Н. Словарь русских пословиц и поговорок / В. Н. Жуков. – 4-е. изд., исп. и доп. – Москва : Рус. язык, 1991. – 534 с.
4. Ашмарин, Н. И. Словарь чувашского языка = Чаваш сáмахёсен кёнеки : [чуваш.-рус.] : в 17 т. / Н. И. Ашмарин. – Репринт. изд. – Чебоксары : Руссика, 1994.
5. Михайлов, А. П. Ваттисен сáмахёсемпе каларáшсен тата сунатлá пуплевсен чáвашла-вырáсла пуххи / А. П. Михайлов // Сборник чувашско-русских пословиц, поговорок и крылатых выражений. – Шупашкар : «Новое время», 2006. – 480 с.
6. Патмар, И. А. «Áслáлáх сукмакё» (ваттисен сáмахёсем) / И. А. Патмар, Э.И. Патмар. – Шупашкар : «Чувашия», 2009. – 360 с.
7. Чáваш халáх пултáрулáхё. Ваттисен сáмахёсем. – Шупашкар : Чáваш кёнеке изд-ви, 2007. – 493 с.
8. Карпова, Н. С. Концепт «Добро» в чувашской лингвокультуре [Электронный ресурс] / Н. С. Карпова // Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 4-х ч. – 2016. – №12 (66). – Ч. 2. – С. 112–114. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-dobro-v-chuvashskoy-lingvokulture>. – Дата доступа : 27.09.2023.

Abstract. This article explores the image of a Russian person, which is represented in Russian and Chuvash proverbs. Russian and Chuvash cultures are famous for their folk art, and proverbs become a reflection of the national character of each of the peoples.

Keywords: proverb, image, russian man, russian proverbs, chuvash proverbs.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА РЕБЕНКА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ВИКТОРОМ ДРАГУНСКИМ В «ДЕНИСКИНЫХ РАССКАЗАХ»

Аннотация. В данной статье раскрывается роль использования языковых средств при создании автором образа ребенка в произведении. Выявлен ряд языковых особенностей, позволяющих читателю воссоздать в сознании портрет героев, их характер, отношение к окружающему миру.

Ключевые слова: языковые средства, Виктор Драгунский, образ, ребенок.

Любое произведение может рассказать читателю об отношении автора к главному герою, к окружающей его среде. Это выражается в том, как описан персонаж, его действия, одежда, поведение, мысли. Кроме того, исходя из авторских слов, мы можем воссоздать в воображении образ героя, выстроить свое собственное отношение к нему.

В целом, существует большое количество различных языковых средств, которые помогают авторам создавать образы тех или иных героев, окружающей среды.

«Образ человека – совокупность субъективно окрашенных и ассоциативно связанных непроецессуальных (внешность, одежда, социальное происхождение, система ценностей, страсти, желания и т. д.) и процессуальных (деятельность, модель поведения, образ жизни) характеристик реального человека или литературного персонажа, формирующихся в сознании другого лица (группы лиц, поколения и т. д.) посредством восприятия, памяти и воображения и получающих отражение в языковых формах» [1, с. 109].

Именно от созданного автором образа героя зависит восприятие персонажа читателем, благодаря использованию различных приемов при написании произведения формируется отношение читателя к герою и в целом представление о произведении.

Так, в цикле «Денискины рассказы» В. Драгунского создан образ ребенка – самого обычного, озорного, временами непослушного ребенка, человека, который способен мыслить, фантазировать, чувствовать, видеть, испытывать совершенно разные эмоции. Благодаря внимательной работе автора с языковыми средствами каждый читатель способен самостоятельно пережить все то, что чувствует мальчик, окунуться в ту атмосферу, которая его окружает. «Языковые средства – один из основных компонентов информационной модели стиля, модифицирующийся по-разному, в зависимости от речевой системности стиля» [2].

В работе мы рассматриваем три произведения из сборника «Денискины рассказы»: «Девочка на шаре», «Красный шарик в синем небе», «Тайное становится явным». Используемые В. Драгунским языковые средства максимально полно воссоздают в нашем сознании портрет Дениса Кораблева, его характер и отношение к окружающему миру. Избранный автором способ повествования от первого лица делает образ главного героя убедительным и максимально реалистичным: читатель видит мир глазами мальчика, «думает» его мысли, чувствует его переживания. Весь этот смысловой спектр создается переплетением языковых средств различной функциональной природы.

Образ ребенка создается за счет описания его поступков, речи, мыслей, внутренних переживаний – так структурируются его составные части и формируется композиция произведения. Рассмотрим это далее на конкретных примерах.

У детей, как и у взрослых, в голове много разных мыслей. Дети в силу искренности и открытости говорят все то, что приходит на ум. Отличительная черта детской речи – разговорность.

Барабаничик рассердился и кинул мяч обратно жонглеру, но мяч не долетел, он просто угодил одной красивой тетеньке в прическу, и у нее получилась не прическа, а нахлобучка. И мы все так хохотали, что чуть не померли («Девочка на шаре»). Автор использует слова

и фразы разговорного стиля, благодаря которым мы понимаем, что главный герой – ребенок, который не задумывается о правильности сказанного, говорит то, что у него в голове, проявляя таким образом непосредственность, описывает то, что он видит, простыми словами, не требующими сложной смысловой нагрузки, но в то же время приобретающими особую выразительность в устах ребенка.

По разговорной речи, описанной автором, можно сразу понять, говорит ребенок или взрослый человек. Дети отличаются эмоциональностью, поэтому неосознанно используют большое количество междометий и восклицаний, как это можно увидеть из следующих примеров: – *Видеть не могу манную кашу!*; – *Я ею давлюсь!..*; – *Конечно, хочу в Кремль! Даже очень!*; – *Да, мама, ты вчера сказала правильно. Тайное всегда становится явным!*; – *Да ну его! Это ерунда на постном масле! Это не то!* («Тайное становится явным»); – *Я не знал, что она уедет. Как жалко... Ох ты боже мой!.. Ну что ж... Ничего не поделаешь...* («Девочка на шаре»); – *Ого! Десять копеек. Тетенька, дайте ей шарик!* («Красный шарик в синем небе»).

Использованием большого количества эпитетов автор показывает то, что дети обращают внимание на мелочи. Они замечают все, что их окружает. Детское любопытство делает их внимательными к деталям, незаметным для взрослых:

Мне сразу понравилось, что он пахнет чем-то особенным, и что на стенах висят яркие картины, и кругом светло, и в середине лежит красивый ковер, а потолок высокий, и там привязаны разные блестящие качели. Я таких маленьких и красивых никогда не видел. У нее были синие-синие глаза, и вокруг них были длинные ресницы. Она была в серебряном платье с воздушным плащом, и у нее были длинные руки; она ими взмахнула, как птица, и вскочила на этот огромный голубой шар, который для нее выкатили («Девочка на шаре»). Фрагмент насыщен прилагательными, благодаря которым создается очень яркая картина. Она передает эмоциональное состояние мальчика, испытывавшего восторг от красивого циркового номера.

Состояние беспокойства автор рисует при помощи ряда сказуемых. Мальчик услышал слова мамы, которые потом не давали ему покоя. Он думает, что они значат: *Я почистил зубы, лег спать, но не спал, а все время думал: как же так получается, что тайное становится явным? И я долго не спал, а когда проснулся, было утро, папа был уже на работе, и мы с мамой были одни* («Все тайное становится явным»). В следующем примере такой же прием создает эффект движения: *Она весело смеялась, когда так бегала, как будто плыла, <...> в это время она остановилась, и кто-то ей поддал разные колокольчатые браслеты, и она надела их себе на туфельки и на руки и снова стала медленно кружиться на шаре, как будто танцевать* («Девочка на шаре»).

В следующем фрагменте рисуется очень динамичная картина. Большое количество однородных сказуемых показывает нам, что Дениска – впечатлительный ребенок. Дети отличаются быстротой, порывистостью, как и наш герой. Он очень испугался, но быстро отреагировал, хоть его помощь и не понадобилась: *И мне показалось, что вот она сейчас разобьется о барьер, и я вдруг очень испугался, и вскочил на ноги, и хотел бежать к ней, чтобы подхватить ее и спасти, но девочка вдруг остановилась как вкопанная, раскинула свои длинные руки, оркестр замолк, и она стояла и улыбалась* («Девочка на шаре»).

Кругозор ребенка своеобразно проявляется в отношении сравнений. Дети зачастую за счет своей фантазии могут видеть в обычных, повседневных вещах то, что скрыто от взрослых. Именно поэтому Драгунский использует немало сравнений – сравнительных оборотов и соответствующих придаточных. Детские сравнения очень остроумны, неожиданны и достаточно полно описывают окружающую ситуацию, как в следующем примере: *А после антракта выступали львы, и мне не понравилось, что укротитель все время таскал их за хвосты, как будто это были не львы, а дохлые кошки. Он заставлял их пересаживаться с места на место или укладывал их на пол рядом и ходил по львам ногами, как по коврику, а у них был такой вид, что вот им не дают полежать спокойно* («Девочка на шаре»); *Она ужасно*

громко кричала, и глаза у нее были круглые, как кнопки, и отчаянные; Кричит, как будто случился пожар; Мы взялись с Аленкой за руки и побежали как сумасшедшие в большой магазин («Красный шарик в синем небе»).

Поступки также играют большую роль в формировании образа ребенка. Дети очень впечатлительны, эмоциональны, одушевляют неодушевленные предметы. Мальчик относится к купленному шару, как к живому существу, которое все чувствует: *Тогда я немножко отпустил ниточку и опять услышал, как он настойчиво так потягивается из рук, как будто очень просится улететь; И шарик сначала даже не отлетел от меня, как будто не поверил, а потом почувствовал, что это вправду, и сразу рванулся и взлетел выше фонаря; Он залетел за облачко, оно было пушистое и маленькое, как крольчонок, потом снова вынырнул, пропал и совсем скрылся из виду и теперь уже, наверно, был около Луны, а мы все смотрели вверх («Красный шарик в синем небе»).*

Еще одна важная черта детского возраста – особое, избирательное отношение к еде, и оно у многих детей привередливое. Им не нравится то, что им предлагают родители, то, чем их кормят обычно. Также этот момент представлен и в рассказе «Тайное становится явным». Мальчику не нравится манная каша, которую приготовила ему мама на завтрак. Яйцо он также съел без особого желания. Это доказывает вышесказанную мысль: дети очень привередливы. Дениска пытается справиться с отвращением к каше, пытается справиться мирным способом ради обещанного мамой похода в Кремль, но у него не получается: *Сначала я съел яйцо. Это еще терпимо, потому что я выел один желток, а белок раскромсал со скорлупой так, чтобы его не было видно. Но потом мама принесла целую тарелку манной каши. А я остался с кашей наедине. Я поилежал ее ложкой. Потом посолил. Попробовал – ну, невозможно есть! Тогда я подумал, что, может быть, сахару не хватает? Посыпал песку, попробовал... Еще хуже стало. Я не люблю кашу, я же говорю.*

Известны исследования, в которых сравниваются образы детей и взрослых в произведениях [3], изучаются языковые средства выражения эмоций [4] и т. д. Именно благодаря им можно подробно увидеть то, как автору удается полностью воссоздать в воображении читателя образ каждого героя, сформировать личное отношение к ним. Образ Дениса Кораблева, созданный В. Драгунским в цикле «Денискины рассказы», убедителен и правдив, так как воплощает особенности детского мировосприятия, которое рисуется комплексом разнообразных языковых средств.

Список использованных источников

1. Чернова, С. В. Художественный образ: к определению понятия / С. В. Чернова // Вестник Вятского государственного университета. – 2014. – №6, – С. 109–116.
2. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5-е изд. испр. и дополн. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
3. Тимонина, А. П. Мир детей и мир взрослых в поэзии Мориса Карема / А. П. Тимонина // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2008. – №9 (13). – С. 60–62.
4. Закарадзе, И. Ю. Языковое выражение чувств и эмоций в тексте художественных произведениях о детстве / И. Ю. Закарадзе // Вестник Пензенского государственного университета. – 2022. – №3. – С. 48–51.

Abstract. This article reveals the role of the use of language tools when the author creates the image of a child in the work. It is determined which description of the moments associated with children allows the reader to recreate in his head a portrait of the characters, their character, attitude to the world around them.

Keywords: language tools, image, child, behavior.

М. М. Винихина
Научный руководитель – **М. С. Хмелевский**,
канд. филол. наук, доцент

«НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ»: СЕРБСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *ВИНО* И ИХ РУССКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Аннотация. В статье представлены сербские фразеологические единицы с компонентом *вино*, предлагается их лексико-семантическое и культурологическое описание и анализ, а также контексты употребления этих устойчивых единиц с вариантами их русских соответствий.

Ключевые слова: сербский язык, фразеология, культурология, вино.

Лингвистические исследования фразеологии любого языка есть не что иное, как исследование культуры и истории народа, который на нём говорит, поскольку именно во фразеологии ярко отражается картина мира и представления об окружающей действительности.

Понятие «вино» давно и широко изучается в лингвокультурологических работах, прежде всего применительно к французскому и итальянскому языкам [1, с. 244–250; 2, с. 45–68; 3], однако подобных работ на славянском материале сравнительно мало.

Известно, что в православной культуре вино имеет сакральный характер (сербск. *вино* – *крв Христова* – ‘вино – кровь Христа’, *претворити воду у вино* – ‘перевести что-л. в иное состояние, придать чему-л. иной вид’, и т.д.). Этот напиток сопровождал и сопровождает человека в различных бытовых ситуациях, в том числе используется в качестве лекарства, красителя для тканей, для увеселения и, кроме того, у сербов, в отличие от русских, – как средство утоления жажды.

Виноградная лоза появилась на Балканском полуострове довольно давно и сразу же распространилась по всей его территории. В III веке н.э. римский император Проб, уроженец Балкан, разрешил выращивать виноград за пределами Рима, на территории всей Империи. Этот момент принят за точку отсчета активного развития виноградарства и виноделия в Европе.

Виноград традиционно имеет особое, символическое и привилегированное значение по сравнению с другими плодами, прежде всего благодаря своей религиозной ассоциативной символике. Символическое превращение винограда в вино придает ему высокий статус и в христианской церкви. Виноград и вино имеют большое значение с духовной, социальной и культурной точек зрения. В течение некоторого времени вино было большой редкостью и привилегией исключительно богатых слоев населения, но в дальнейшем, с развитием искусства виноделия, его мог позволить себе каждый.

Вино, его изготовление, а также обычаи его употребления как в повседневной жизни, так и символично в праздники (зачастую христианские), стало частью народной культуры, что, несомненно, не могло не отразиться в фольклоре, как песенном, так и прозаическом, а также во фразеологии, пословицах, поговорках, концептуальных изречениях, приказках.

В этой статье мы подробно остановимся на нескольких фразеологических единицах с компонентом *вино* в сербском языке и проиллюстрируем вышесказанное отдельными, наиболее яркими примерами.

Ни вода, ни вино – ‘ненадёжный, непостоянный, изменчивый, нетвёрдый, податливый, поддающийся влиянию человек’ [4, с. 80]. С тем же значением этот фразеологизм употребляется в варианте *нити вода, нити вино*. Так, в документе «Стенографске белешке уставотворне скупштине краљевине Срба, Хрвата и Словенаца», изданном в 1921 году в Белграде, находим: *Чим је та опасност (од комунизма – прим.) прешла онда се у аграрно питање умешали адвокати и параграфи - о од тада се од тога питања ствара лимунада, нити вода нити вино* (рус. букв. «как только опасность (от коммунизма) миновала, в аграр-

ный вопрос вмешались юристы и помощники адвокатов, и с тех пор из этого вопроса делают лимонад, ни то ни сё/непонятно что»). Любопытно, что в этом случае ФЕ уже относится не к человеку и его характеристике, а к ситуации, общественной проблеме. Русский фразеологизм *ни рыба ни мясо* по своему значению и по синтаксической конструкции полностью совпадает с сербским, являясь его аналогом, хоть и включает в себя совершенно другие лексические компоненты. В качестве фразеологического варианта, образованного по такой же модели, можно также привести такие сербские примеры, как *нити смрди*, *нити мирише* или *нити смрди*, *нити диши*.

Као вино (као старо вино, као добро вино) – данное частотное для разговорной речи сербское устойчивое сравнение употребляется для характеристики человека с целью подчеркнуть либо его внешнюю красоту, либо положительные внутренние качества, экспрессивно усиливает их высокую оценку. По большей части оно используется как положительная характеристика человека, причем если по отношению к женщине этот фразеологизм в основном употребляется для подчеркивания ее внешних достоинств и красоты (серб. *лепа као добро вино* – букв. «красивая как хорошее вино»), то по отношению к мужчине – это, скорее, оценка позитивных черт или качеств его характера (серб. *Ибрахимовић: Ја сам као вино. – Фудбалер Пари Сен Жермена Златан Ибрахимовић оценио је да је што је старији све бољи играч.* – Ибрагимович: «Я как вино». Футболист Пари Сен-Жермен Златан Ибрагимович дал оценку: чем он старше, тем он более хороший игрок) [5]. Это выражение, подчеркивающее именно внутренние качества или опыт, вероятно, возникло по ассоциации с представлениями о вине, которое с продолжительностью выдержки становится качественнее и вкуснее, что отразилось в таком сербском идиоме, как *нешто/неко је као вино што старији то бољи* – рус. «кто-то/что-то как вино – чем старше, тем лучше»). Проиллюстрируем его употребление примерами: серб. *Буфон је као вино које сам прави. Упоредјују га са добрим вином, које је годинама све боље и боље.* – «Буффон (итальянский футболист) как вино, которое он производит. Сравнивают его с хорошим вином, которое с годами всё лучше и лучше). [6]. В этой связи приведем русский аналог, в котором участвует другой компонент, называющий другой алкогольный напиток, – *как коньяк с возрастом*, употребляемый по отношению как к мужчине, так и к женщине, но, в отличие от сербской идиомы с компонентом *вино*, он не используется для высокой оценки внешних достоинств и женской красоты.

Пола није пола Шарцу даје – букв. «половину выпивает, половину даёт Шарацу». В этом фразеологизме нет компонента *вино*, однако не рассказать о нём было бы большим упущением, поскольку так или иначе его возникновение неотделимо связано с этим понятием. Герой сербского эпоса Королевич Марко и его конь Шарац – самые известные любители вина в сербском фольклоре. Эта ассоциация закреплена в культурологическом сознании почти каждого серба. Вот, например, какую характеристику даёт Королевичу Марко его отец: *Марко поит своего коня вином. У меня сынок ведь своевольный, Непослушный Королевич Марко. Всюду ходит, бродит он без спроса. Там, где станет, ссору затевает, А где сядет, вино распивает.* [7, с. 55]. А вот как описывает этих персонажей сербского эпоса Вук Караджич: *Он без вина није могао никуд, а према јачини својој много га је могао попитуи а да се не опије* [8, с. 179] – «Он без вина никуда, а так как он был огромным, то и выпить вина мог очень много, при этом не опьянев».

Основой для рассматриваемого выражения послужили строки из сербского эпоса: *Vino pije Kraljevicu Marko <...> Malo pije malo Sarcu daje <...>*. Выражение *пола није пола Шарцу даје* употребляется с иронией по отношению к человеку, который выполняет работу только наполовину, словно делит с кем-то свои обязательства или перекладывает их на другого, подобно тому как Королевич Марко делит вино со своим конём Шарацем. (ср. русск. (*работать*) *спустя рукава*).

В 1978 году югославский певец Мирослав Илич исполнил песню «*Vino točim a vino ne pijem*». Эта строка со временем стала весьма популярным и расхожим в разговорной речи выражением (т.е. прецедентным текстом), которым обозначают ситуации, когда человек

находится рядом с каким-либо ресурсом, но не имеет к нему доступа по той или иной причине (ср. русск *сапожник без сапог*). Интернет-энциклопедия современного сербского сленга Vukajlija приводит такие параллели для этого выражения: *Pun džep puškica dok profesor šeta izmedju redova* – букв. «полный карман шпарталок, в то время как профессор ходит по рядам», или *Šanker na lijekovima* – «бармен на лекарствах (т.е. пьет лекарства)» [9]. Не менее употребительным в живой сербской речи является выражение *vino ne trpi gosta* – «вино не терпит гостя») [10]. Однако компонент «гость» в этой идиоме употреблен не в прямом, а в переносном, метафорическом значении. Так, в указанном источнике это устойчивое выражение толкуется следующим образом: *Kafanska mudrost iskusnog vinopije. Drugim riječima, kad piješ vino ne miješaj!* – «Кабацкая мудрость опытного винолюб. Другими словами, когда пьёшь вино – не мешай/не смешивай (имеется в виду – с другими напитками)».

Таким образом, в настоящей статье был сделан краткий обзор некоторых фразеологических единиц с компонентом *вино* в сербском языке (в сопоставлении с русским) в качестве иллюстрации одного из неотъемлемых, составляющих картину мира понятий данного южно-славянского народа и его повседневной жизни. В качестве вывода следует подчеркнуть, что лексема *вино* в сербской культуре и сознании носителей языка имеет намного более глубокое ассоциативное, концептуальное и культурологическое значение, чем в русском сознании, что не могло не закрепиться в языке, а именно – в его фразеологическом фонде, о чем свидетельствуют приведенные и проанализированные в настоящей статье идиоматические выражения.

Список использованных источников

1. Логинова, П. Г. Лингвокультурный концепт «вино» и его отражение в языках романской группы / П. Г. Логинова // Вестник ТвГУ серия «Филология», 2016. – Тверь: ТвГУ. – № 2. – С. 244–250.
2. Фролов, С. В. Фразеологизмы с компонентом *vino* в испанской оценочной картине мира / С. В. Фролов. – Вестник Воронежского государственного технического университета. – Воронеж: ВГУ, 2013. – С. 45–68.
3. Марчета, Ј. Кулинарска терминологија у француској, италијанској и српској фразеологији. – Докторска дисертација. Нови Сад, 2016.
4. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. – Београд : Институт за српски језик САНУ, 1962. – 800 с.
5. Ибрахимовић: Ја сам као вино [Электронный ресурс] // Спортски журнал – Режим доступа : <https://www.zurnal.rs/scc/clanak/26017/fudbal/ibrahimovic-ja-sam-kao-vino> – Дата доступа : 25.09.2023.
6. Буфон је као вино које сам прави [Электронный ресурс] // КОНА – Режим доступа : <https://www.koha.net/sr/%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82/21514/buffon-eshte-sikur-vera-qe-e-prodhon-vete>. – Дата доступа : 26.09.2023.
7. Эпос сербского народа: Методы культуры: фольклористика. – М.: Издательская группа «Альма Матер»; «Гаудеамус», 2023. – 384 с.
8. Приче о речима / [сакупио] Вук Караџић ; предговор и приређивање Миодраг Матицки. – Београд : Laguna, 2019 (Београд : Марго-арт). – 341 стр.
9. *Vino tosim a vino ne rijem* [Электронный ресурс] // //Vukajlija.com – Режим доступа : <https://vukajlija.com/vino-tosim-a-vino-ne-rijem>. – Дата доступа : 26.09.2023.
10. *Vino ne trpi gosta* [Электронный ресурс] // //Vukajlija.com – Режим доступа : <https://vukajlija.com/vino-ne-trpi-gosta>. – Дата доступа : 27.09.2023.

Abstract. The article presents Serbian phraseological units with the “wine” component. A description of these phraseological units, the contexts of their use are given, and Russian correspondences are also given.

Keywords: Serbian language, phraseology, culturology, wine.

С. А. Волков
Научный руководитель – **Е. Е. Иванов**,
д-р филол. наук, профессор

ОБ УСТОЙЧИВЫХ ОБОРОТАХ-ЗАГЛАВИЯХ ПРИ ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Аннотация. В статье рассматриваются устойчивые обороты в современном английском языке, которые по своему происхождению являются заглавиями литературных произведений, песен, кинофильмов, произведений искусства и др. Устойчивые обороты-заглавия классифицируются по семантическим различиям (сращения, единства, сочетания), по структурным различиям (фраземы, фразы, афоризмы). Приводятся принципы лексикографического описания и образцы словарных статей устойчивых оборотов-заглавий, которые функционируют в современном английском языке (для изучающих английский язык как основной иностранный в учреждениях высшего образования).

Ключевые слова: английский язык, устойчивые обороты, заглавия, тексты, словарь, преподавание языка как иностранного.

В современном английском языке функционирует заметное количество устойчивых оборотов, источниками происхождения которых являются заглавия различных текстов (художественных и публицистических произведений, песен, кинофильмов, произведений искусства и др.). Довольно часто такие обороты встречаются среди пословиц и поговорок, крылатых выражений [1]. Устойчивые обороты-заглавия отличаются от иных единиц семантическими, структурными, функциональными особенностями и рассматриваются как отдельная категория фразеологических единиц при изучении английского языка как иностранного [2; 3; 4; 5], а также при контрастивном сопоставлении английского и родного языков [6; 7], в том числе английского и белорусского языков [8; 9, 10, 11; 12], что важно для теории и практики перевода с иностранного на родной язык. В этом плане актуальным является специальное описание, в том числе лексикографическое, таких устойчивых оборотов английского языка в аспекте его преподавания как иностранного.

Устойчивые обороты в английском языке, восходящие к заглавиям текстов, дифференцируются по своей семантике на сращения, единства и сочетания.

Фразеологические сращения, например: *How to win friends and influence people* – title of book (1936) Dale Carnegie (1888–1955), куда входят два фразеологизма (*to win friends* и *to influence people*). Выражение *to win friends* означает ‘устанавливать дружеские отношения с другими людьми, показывая интерес и уважение к их мнению и чувствам’. Этот фразеологизм часто используется в контексте личных отношений и общения в социальной сфере. Выражение *to influence people* означает ‘воздействовать на других людей, чтобы они принимали те или иные решения или действовали в соответствии с нашими интересами’. Этот фразеологизм часто используется в контексте бизнеса, политики и социальной сферы. Или *Stop the world, I want to get off* – title of musical (1961) of Anthony Newley (1931) and Leslie Bricusse (1931), где *Stop the world* – это фраза, которая используется для выражения чувства перегрузки информацией и желания отключиться от всего, что происходит вокруг, а *I want to get off* – это фраза, которая используется для выражения желания остановиться или выйти из неприятной или непонятной ситуации. Или *Never on Sunday* – title of film (1959) of Jules Dassin (1911), где ставший устойчивым оборот *Never on Sunday* означает, что некоторое действие не должно происходить в какой-то определенный день недели.

Фразеологические единства, напр.: *My blue heaven* – title of song (1927) of George Whiting, где образованный от него фразеологизм *My blue heaven* обычно используется для обозначения чувства счастья и удовлетворения. Или: *I've got you under my skin* – title of song (1936) of Cole Porter (1891–1964), где выражение *I've got you under my skin* обычно используется для

описания сильного чувства привязанности или страсти к кому-то или чему-то (сильную привязанность к другому человеку, которая уже «зашла под кожу» и стала частью его существования). Или *Life is just a bowl of cherries* – title of song (1931) of Lew Brown (1893–1958), где афоризм *Life is a bowl of cherries* (*Жизнь – это просто миска вишен*) означает, что жизнь может быть прекрасной и простой, как миска со сладкими и сочными вишнями (изречение используется для выражения оптимистического настроения и призыва радоваться жизни, несмотря на все трудности и препятствия).

Фразеологические сочетания, например: *The Empire strikes back* – title of film (1980) of George Lucas (1944), где в устойчивом обороте *to strike back* компонент *strike* может быть заменен на *hit* или *fight*.

Устойчивые обороты-заглавия дифференцируются по своей структуре на фраземы (неделимые в речи сочетания слов), устойчивые фразы (речевые клише со структурой предложения) и устойчивые афоризмы (формулы-изречения с обобщенно-универсальной семантикой). Особенно выделяются среди них два последних разряда единиц, от которых часто образуются новые афоризмы [13].

Описание в учебном словаре устойчивых фраз-заглавий английского языка предполагает указание их формы (с возможными вариантами), происхождения (текста-первоисточника и его автора), иллюстрации употребления (в различных художественных и публицистических произведениях, медиадискурсе и др.). При этом словарная статья может иметь следующий вид.

Books do furnish a room. Title of novel (1971) of Anthony Powell (1905). *Books do furnish a room – as well as being useful to read* («2000 Tips for Teachers»). *Books do furnish a room, as the saying and soon became irrevocably bookish* («*The American Scholar, Volume 45*»).

Don't fence me in. Title of song (1934) of Cole Porter (1891–1964). *Send me off forever but I ask you please, Don't fence me in* («*Bobby the Bird Man: An Anthology Celebrating the Life and Work of Bobby Tullloch*»). *Oh, give me land lots of land under starry skies above, Don't fence me in* («*The Andrews Sisters: A Biography and Career Record*»).

Ghastly good taste, or a depressing story of the rise and fall of English architecture. Title of book (1933) of Sir John Betjeman (1906–1984). *As presented in his polemic Ghastly Good taste, or a Depressing Story of the Rise and Fall of English Architecture. While Pevsner was to put forward notions of pragmatism and informal planning* («*Worth the Detour: A History of the Guidebook*»). *The Strange Rise and Survival of Architectural Barbarism James Stevens Curl started to appear in his Ghastly Good Taste, subtitled A Depressing Story of the Rise and Fall of English Architecture* («*Making Dystopia: The Strange Rise and Survival*»).

Guys and dolls. Title of book (1931) of Damon Runyon (1884–1946). *There are quite a number of guys and dolls on the yacht, and it is a very gay scene to be sure* («*Guys and Dolls and Other Writings*»). *I am looking at St Paul's and watching the guys and dolls on the other side of the road and they are all waving* («*Annals of the Royal College of Surgeons of England*»).

Little man, you've had a busy day. Title of song (1934) of Maurice Sigler (1901–1961) and Al Hoffman (1902–1960). *Little man, you've had a busy day. Johnny won your marbles. Tell you what we'll do* («*The Semiotics of Consumption: Interpreting Symbolic Consumer Behavior*»). *Little man, you've had a busy day. He had a soft, throbbing voice and his gestures were matronly* («*Miss Lonelyhearts & The Day of the Locust*»).

Thanks for the memory. Title of song (1937) of Leo Robin (1900) and Ralph Rainger. *Thanks for the memory for teacher's guiding words, Thanks for the memory for knowledge* («*Widdowcisms*»). *Thanks for the memory of all those parishioners who put up with me through the years* («*Benny to Beyonce*»).

The theory and practice of gamesmanship or The art of winning games without actually cheating. Title of book (1947) of Stephen Potter (1900–1969). *With so much money at stake and big contracts available in professional sports, players have more of a "win at all costs. The Theory and Practice of Gamesmanship: Or the Art of Winning Games Without Actually Cheating* («*Sports Ethics for Sports Management Professionals*»). *Theory and Practice of Gamesmanship is subtitled*

The Art of Winning Games Without Actually Cheating. Indeed, it is axiomatic that cheating has no place («How to Win at Golf Without Actually Trying»).

Where have all the flowers gone? Title of song (1961) of Pete Seeger (1919). *Where have all the flowers gone, longtime ago? Where have all the flowers gone? («Genesis Too: A Rational Story of How All Things Began»).* *Where have all the flowers gone? Young girls have picked them everyone («Heir to Power: Book One»).*

Словарь будет полезен студентам, преподавателям вузов, переводчикам и литературным редакторам.

Список использованных источников

1. Иванов, Е. Е. The Etymology and History of English Proverbs : учеб. пособие / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2019. – 80 с.
2. Василенко, Е. Н. English. Developing Speaking and Writing Skills : учеб. пособие / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернёва. – Минск : РИВШ, 2023. – Ч. 1. – 292 с.
3. Василенко, Е. Н. English. Developing Speaking and Writing Skills : учеб. пособие : в 2 ч. / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернёва. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2020. – Ч. 1. – 348 с. ; Ч. 2. – 232 с.
4. Голякевич, Н. Д. Practical English Grammar: Morphology : учеб. пособие / Н. Д. Голякевич, С. П. Зубрий, Е. Е. Иванов. – Минск : РИВШ, 2019. – 268 с.
5. Глуханько, Л. В. Practical English Grammar: Verbals : учеб.-метод. пособие / Л. В. Глуханько, Н. Д. Голякевич, С. П. Зубрий, Е. Е. Иванов. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2017. – 168 с.
6. Ivanov, E. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology / E. Ivanov, V. Feldman // Acta Germano-Slavica. – 2007. – Vol. 1. – Pp. 85–97.
7. Романова, Н. К. Типы межъязыковых сходств и различий паремиологических единиц / Н. К. Романова, Е. Е. Иванов // Acta albaruthenica, rossica, polonica – VII / под ред. А. М. Мезенко. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2006. – С. 161–164.
8. Іваноў, Я. Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э.–XX ст. : тлумачальны слоўнік / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2011. – 164 с.
9. Крылатыя выразы ў беларускай мове: з іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст. : тлумачальны слоўнік. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2004. – 136 с.
10. Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2009. – 240 с.
11. Іваноў, Я. Я. Англійскія эквіваленты беларускіх прыказак (лексікаграфічны аспект) / Я. Я. Іваноў, В. А. Максімава // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – 2015 : сб. науч. ст. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2016. – С. 191–196.
12. Иванов, Е. Е. Различия в семантике и структуре белорусских и английских пословиц / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь : сб. науч. ст. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2011. – С. 213–215.
13. Іваноў, Я. Я. Аб другасным спосабе дэрывацыі непрэцэдэнтных афарызмаў / Я. Я. Іваноў // Грани слова : сб. науч. ст. к 65-летию В. М. Мокиенко. – Москва : Изд-во ЭЛПИС, 2005. – С. 463–468.

Abstract. The article examines stable phrases in modern English, which by their origin are the titles of literary works, songs, films, works of art, etc. Stable phrases-titles are classified according to semantic differences (adhesions, unities, combinations), according to structural differences (phrasemes, phrases, aphorisms). The principles of lexicographic description and examples of dictionary entries of stable phrases-titles that function in modern English are given (for students).

Keywords: English, stable phrases, titles, texts, dictionary, teaching a foreign language

К. В. Гончарова
 Научный руководитель – **М. С. Хмелевский**,
 канд. филол. наук, доцент

«СКОЛЬКО СТОИТ ЯИЧНИЦА СВЯТОГО ПЕТРА»: ОБ ОДНОМ СЕРБСКОМ ФРАЗЕОЛОГИЗМЕ

Аннотация: Настоящее исследование посвящено концептуальному сербскому фразеологизму *koštati kao Svetog Petra kajgana*. В работе рассматривается его семантика и контекстуальное употребление в современной разговорной речи, а также проводятся лексико-семантические параллели с русским языком.

Ключевые слова: сербский язык, фразеология, культурология, фольклор, мифология, апокриф.

Изучение фразеологии вызывает живой интерес у многих современных исследователей, поскольку любой язык содержит обширный фразеологический материал, который позволяет пролить свет на традиции, культуру, менталитет другого народа. В нашем исследовании проиллюстрируем данное, по сути, не подвергаемое сомнению заявление на примере одного концептуального и частотного для разговорной речи сербского фразеологизма *koštati kao Svetog Petra kajgana* – букв. «стоять как яичница святого Петра» (в хорватских диалектах этот оборот также имеет вариант *koštati kao svetog Petra maslo koga* – букв. «стоять как масло святого Петра» [9, с. 373].

В русском языке отсутствует точный эквивалент данного фразеологизма, поэтому в художественном переводе приходится прибегать к выражениям, лишь приблизительно схожим по смыслу, но совершенно иным по структуре, модели и лексико-семантическому компонентному наполнению, как, например, *влететь в копеечку*, *бить по карману*, *баснословная цена* и т.п. Подобная замена обусловлена разницей культурологического фона у двух близкородственных народов. Так, если серб с легкостью считывает значение фразеологизма и активно использует его в повседневной речи, то для русского его буквальный смысл останется затемнен и не понятен.

Прежде всего, следует отметить, что толкований у этого сербского фразеологизма может быть несколько. Двойной смысл создается в результате изменения в управлении сербского глагола. Если мы полагаем, что форма *koštati nekoga* – букв. «стоять кого-н.» – это possessивный генитив, то она будет иметь значение «стоять дорого, как яичница святого Петра (т.е. принадлежащая святому Петру) [4, с. 64]. В другом случае – если же это аккумулятив, то смысл выражения мог бы быть интерпретирован как «дорого обойтись, как обошлась яичница святому Петру» [3, с. 237]. Как мы видим, даже в сербистике на синтаксическом и, как следствие, на семантическом уровне толкования данной устойчивой единицы неоднозначны.

Проблематика происхождения этого фразеологизма нередко становилась предметом интереса лингвистов [1, с. 159–160; 6, с. 92–93; 7, с. 115–118]; этому вопросу, в частности, посвятил отдельные свои исследования этнолог и лингвист В. Чайканович, который предположил, что фразеологизм является рецепцией из греческого языка [5]. Аргументы в доказательство этого мы приведем ниже.

А пока проиллюстрируем, как данный фразеологизм употребляется в современном сербском языке в контекстуальном плане: *Ne mogu više da čekam bas, aj da uzmemo taksi. – Ma daj da pričekamo još malo, koštaće naš taksi k'o Svetog Petra kajgana!* – «Я не могу больше ждать автобус, давай вызовем такси. – Ну давай подождем еще немного, такси будет стоить нам как святому Петру яичница» [8]; *Jaja nas stvarno koštaju kao Svetog Petra kajgana. Za godinu dana jaja su, uz sir i mleko, poskupela više od 43 odsto.* – «Яйца действительно обходятся нам как яичница святого Петра. За год цены на яйца вместе с сыром и молоком выросли более, чем на 43 процента» [9]; *Kaiš srpske pevačice košta kao svetog Petra kajgana.* – «Пояс

сербской певицы стоит как яичница святого Петра» [10]; *Početak škole kao Svetog Petra kajgana! Za knjige i školsku opremu roditelji daju 300 evra po detetu, ali tu troškovima nije kraj!* – «Начало школы, как яичница святого Петра! Родители платят по 300 евро за ребенка за книги и канцелярские принадлежности, но на этом расходы не заканчиваются!» [11] и т.п.

Святой Петр как персонаж широко известен и популярен в устном творчестве Южной Славии с начала XIII века. С ним у сербского народа, как и шире – в православном мире – установились более тесные отношения, чем с другими христианскими апостолами. Часто святой Петр предстает перед нами в комичных ситуациях, где иногда он, благодаря своему остроумию, возвышается над окружением, а иногда и сам попадает в различные неприятные ситуации. В подобных историях он обычно появляется с Христом или с Богом, они вместе тайно путешествуют по миру и искушают людей. В этом «дуэте» четко отражается их иерархический порядок.

На данный момент можно выделить, по меньшей мере, три истории, которые могли послужить основой для возникновения рассматриваемого нами фразеологизма.

1. По одной из версий, на которую ссылается В. Чайканович в своей работе «Мит и религија код Срба», однажды Бог и святой Петр отправились путешествовать по миру. Ночь застала их в небольшой деревушке, и они попросились на ночлег к одной женщине. Эта женщина была к ним добра, она приготовила им на ужин яичницу и предупредила, что ее муж пьяница, он может вернуться домой поздно ночью и навредить им. Бог и святой Петр сказали, что не боятся пьяницы и что решили остаться здесь ночевать. Они прилегли у печи: Бог у стены, а святой Петр с краю. Посреди ночи пришел пьяный муж и, увидев в доме двух незнакомцев, подумал, что они воры, и начал избивать святого Петра, лежавшего ближе. Достаточно натерпевшись, святой Петр попросил Бога поменяться местами, так как уже не мог сносить побои. Бог согласился и перелег на край. В этот момент пьяница решил, что следует побить и другого «вора», который лежит у стены, поэтому снова «досталось» святому Петру.

Таким образом, съеденная яичница и гостеприимство хозяйки дома святому Петру обошлись дорогой ценой.

2. В фольклоре южнославянского региона весьма популярна и другая история, которую известный поэт Йован Йованович Змай переложил на стихи «Скупа кајгана Светога Петра» (в русском переводе: «Дорогая яичница святого Петра»).

Согласно этой художественно-поэтической версии, Христос путешествовал по свету вместе со святым Петром и искушал людей, проверяя их веру и нравственность, а попутно Христос испытывал и Петра. Однажды они заночевали в избушке одной бедной вдовы, которую звали Райка. У Райки было много детей, и Христу они приглянулись. На ужин Райка подала гостям яичницу. Христос велел Петру, чтобы тот не ел яичницу, а оставил ее детям. Ночью святой Петр, забыв от голода Христовы слова, съел яичницу. Утром дети проснулись голодные, и их нечем было накормить. Тогда Христос сказал Петру: «Я отправляюсь дальше, а ты останешься здесь и, пока я не вернусь, будешь просить милостыню по округе, чтобы прокормить этих детей». И Петр стал ходить от дома к дому, прося милостыню. Все, что ему удавалось получить, он относил детям Райки. Когда Христос вернулся, дети были сытые, здоровые и подросшие, а святой Петр истер последние сапоги, обивая пороги. Христос спросил, усвоил ли тот урок и может ли Христос простить его, и Петр ответил, что усвоил, но эта «яичница дорого ему обошлась».

Эта известная в народном фольклоре история, которую отразил в своем стихотворном произведении классик сербской поэзии Й. Й. Змай, может послужить одним из ответов на загадку происхождения анализируемого нами фразеологизма.

3. Однако наиболее правдоподобно звучит версия, в пользу которой высказывался сербский ученый В. Чайканович. Согласно его мнению, фразеологизм *коштати као Светог Петра кајгана* является заимствованием с заменой имени. В. Чайканович утверждает, что в греческом языке существует похожее выражение, где, однако, главным действующим лицом является не святой Петр, а святой Георгий – букв. *дорога яичница святого Георгия* – и восходит

оно к апокрифической легенде, повествующей о чуде, совершенном святым Георгием в Пафлагонии.

Приведем краткий пересказ вышеупомянутой легенды: один мальчик приготовил яичницу для святого Георгия и отнес ее в церковь. Вскоре в эту же церковь пришли четверо странников-торговцев, чтобы помолиться Богу. Они увидели яичницу и съели ее, хотя она была не им предназначена. Но святой совершил чудо, и торговцы не смогли выйти из храма до тех пор, пока каждый из них не заплатил по золотой монете. Когда они наконец вышли из церкви, то сказали: «Святой Георгий, очень дорогая твоя яичница, больше мы никогда не станем ее у тебя покупать» [5, с. 272].

Подобного рода истории всегда с большой охотой воспринимались в народе и, подвергшись определенным изменениям, отражали бы, в зависимости от того, на какую почву они попали, соответствующее мировоззрение, взгляд на христианство и жизнь в целом. Подмена имен и персонажей в данном контексте – это вполне обычное и довольно часто встречаемое в христианских апокрифах явление.

Из византийско-греческой культуры народами Южной Славии были заимствованы многие аспекты, в том числе и языковые. Поэтому представляется вполне вероятным, что и данное фразеологическое выражение пришло от греков, но у сербов образ святого Георгия был заменен образом святого Петра, поскольку на этих территориях он является намного более популярным в народном сознании и фольклоре персонажем. В. Чайканович также указывает, что форма *коштати кога* является именно посессивным генетивом, таким образом, речь здесь идет о яичнице святого Петра/Георгия, которая очень дорого обошлась кому-то [5, с. 273].

Хотя на основе представленных в данной статье гипотез нет возможности сделать однозначный вывод о том, что именно послужило отправной точкой для формирования сербского фразеологизма *коштати као светог Петра кајгана*, в повседневной речи сербов он и по сей день не утратил своей актуальности и, как видно из приведенных выше контекстуальных употреблений, совершенно не относится к высокому стилю, что логично ожидалось бы от библеизма. К данному фразеологизму обращаются для того, чтобы придать высказыванию образности даже в бытовых ситуациях, когда говорят о дороговизне, завышенной стоимости чего-либо, или когда есть необходимость подчеркнуть, что что-либо (необязательно материальное) досталось слишком дорогой ценой.

Итак, подводя итог, отметим, что проанализированный нами фразеологизм встречается только в южнославянских языках, скрывая за собой глубинный культурологический фон (где участвует фольклор, народная мифология, христианские апокрифы и непосредственно сами библейские персонажи) и отражая национальную специфику. Однако, по нашему мнению, тот факт, что это устойчивое сравнение употребляется в разговорной речи даже без отнесения к Библии и возвышенному стилю, в сознании носителя сербского языка, вероятнее всего, соединились все вышеприведенные гипотезы. Изучение подобных фразеологизмов заслуживает отдельного внимания, так как это позволяет выявить культурологические особенности и различия культур и языковых картин мира разных, даже близкородственных народов одного вероисповедания, как, например, в нашем исследовании – сербов и русских.

Список использованных источников

1. Кузнецова, И. В. Персонажи Библии в славянских устойчивых сравнениях / И. В. Кузнецова. – Чебоксары: ЧГПУ, 2017. – 212 с.
2. Мокиенко, В. М. Толковый словарь библейских выражений и слов / В. М. Мокиенко, О. И. Трофимкина, Г. А. Лилич. – М.: АСТ, – 2010. – 639 с.
3. Оташевић, Ђ. Фразеолошки речник српскога језика / Ђ. Оташевић. – Нови Сад: Прометеј. – 2012. – 302 с.
4. Трофимкина, О. И. Сербохорватско-русский фразеологический словарь / О. И. Трофимкина. – М. : Восток-Запад. – 2005. – 229 с.

5. Чајканович, В. Мит и религија код Срба / В. Чајканович. – Београд: Српска књижевна задруга. – 1973. – 693 с.
6. Babić, S. Jovan Jovanović Zmaj i izričaj košta ga kao svetoga Petra kajgana / S. Babić [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://hrcak.srce.hr/en/file/301591>. – Дата доступа : 04.10.2023.
7. Delić, M. Postanak, značenje i stilističko obilježje izričaja: *KOŠTATI KAO SVETOG PETRA KAJGANA* / M. Delić [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://hrcak.srce.hr/file/301619> – Дата доступа: 01.10.2023.
8. Menac-Mihalić, M. Frazeologija novoštokavskih ikavskih govora u Hrvatskoj: s rječnikom frazema i značenjskim kazalom s popisom sinonimnih frazema. Zagreb: Školska knjiga / M. Menac-Mihalić. – 2005. – 508 с.
9. Vukajlija. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://vukajlija.com/svetog-petra-kajgana>. – Дата доступа: 14.03.2023.
10. Direktno. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://direktno.rs/vesti/drustvo-i-ekonomija/452779/jaja-svetog-petra-kajgana-poskupljenje-cene-.html>. – Дата доступа : 20.03.2023.
11. Žena. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://zena.blic.rs/moda/kais-srpske-pevacice-kosta-kao-svetog-petra-kajgana-kad-vidite-cenu-ni-brufen-vam/9bv3le>. – Дата доступа : 2023-03-27.
12. 24 Sedam. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://24sedam.rs/drustvo/vesti/157807/pocetak-skole-kao-svetog-petra-kajgana-za-knjige-i-skolsku-opremu-roditelji-daju-300-evra-po-detetu-alitu-troskovima-nije-kraj/vest> – Дата доступа: 15.03.2023.

Abstract. This study is due to analyses of one conceptual Serbian phraseological unit *koštati kao Svetog Petra kajgana*. In the article examines its semantics and contextual use in modern colloquial Serbian speech, and Russian translation analogues correspondences are also given.

Keywords: Serbian language, Phraseology, Culturology, Folklore, Mythology, Apocrypha.

УДК 811.111

Л. О. Гончарова
Научный руководитель – **Е. Е. Иванов**,
д-р филол. наук, профессор

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ПОСЛОВИЦ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема лексикографического описания таких английских пословиц, которые имеют аналоги в других языках (германских, романских, славянских). Отмечено, что наличие таких пословиц детерминировано как собственно лингвистическим фактором (прежде всего языковыми заимствованиями), так и экстралингвистическими факторами (общностью мыслительных операций, типичных ассоциаций, образов и др.). Приводятся материалы к словарю универсальных пословиц, которые широко употребляются в современном английском языке. Такой словарь будет полезен тем, кто изучает английский язык как иностранный.

Ключевые слова: английский язык, пословица, универсальные единицы, словарь, преподавание языка как иностранного

В английском языке употребляется довольно много пословиц, имеющих аналоги в других языках [1], в том числе и в белорусском языке [2; 3; 4; 5]. Такие пословицы имеют семантические, структурные, функциональные особенности, коррелирующие с соответствующими характеристиками пословиц в других языках, и выделяются в отдельную категорию паремнологических единиц при их сопоставительном изучении [6; 7; 8; 9], а также при преподавании английского языка как иностранного [10; 11; 12; 13; 14]. В этой связи актуальным является отдельное лексикографическое описание универсальных пословиц в английском языке в учебном словаре.

Универсальными называются пословицы, которые схожи или же абсолютно совпадают в разных языках, что обусловлено как языковыми заимствованиями, так и рядом экстралингвистических факторов (например, общечеловеческим характером логико-мыслительных операций и типичных ассоциаций, образов, а также одним текстовым или языковым источником происхождения). Для многих универсальных пословиц точное определение путей их распространения бывает затруднено, однако тот факт, что они аналогичны в разных языках, требует выделения таких пословиц в отдельный разряд единиц внутри пословичного фонда каждого языка.

Описание универсальных пословиц английского языка в словаре для иноязычной аудитории должно включать английскую пословицу (со всеми ее формальными вариантами), универсальную пословичную модель (структурно-семантический инвариант аналогичных пословиц в разных языках), пословицы-аналоги в основных романских и германских языках, которые изучаются как иностранные (испанском, итальянском, немецком, французском), пословичные аналоги в родном языке тех, для кого предназначается словарь (белорусском и русском). Каждый выделенный выше компонент лексикографического описания универсальных пословиц репрезентируется в учебном словаре в отдельной зоне словарной статьи, которая может иметь следующий вид.

As you sow, so (will) you reap; As one (A man) sows, so shall he reap; He that sows good seed, shall reap good corn.

Universal proverb model: As you sow, so (will) you reap *or* As one sows so one reaps (v1); What you sow that will you reap (too) *or* What one sows that will be reaped too (v2); Like sowing, like reaping (v3); He who does not sow can/does/will not reap (v4) [1, p. 38].

Нем.: *Wie/Was du säest (der Mensch sät), so/das wirst (wird er) ernten/schneiden; Wie die Saat, so die Ernte; Wer nicht sät, der kann nicht ernten.*

Фр.: *Comme vous sèmerez, vous récolterez; Chacun recueillera ce qu'il a semé; Telle semence, telle recueille; Qui ne sème, no recueille.*

Исп.: *Como sembrares/siembres, cogeràs/segarràs; Lo que sembrares/siembra, cogeràs; Tal siembra, tal siega; Quien no siembra no coge/cosecha/siega.*

Ит.: *Chi mal semina, mal raccoglie; Si raccoglie quel che si semina; Chi semina buon grano ha poi buon pane; Qual la semenza tal la ricolta.*

Рус.: *Что посеешь, то (и) пожнёшь; Что посеешь то и пожнёшь, а что пожнёшь, то и посеешь; Кто не сеет, тот не жнёт.*

Бел.: *Што пасееш, тое і пажнееш; Як узарэш, так і збярэш.*

Misfortunes/Hardships/Troubles never/seldom come alone/single/singly.

Universal proverb model: Misfortunes seldom/never come alone (v1); One misfortune follows/leads the other (v2); From one misfortune many/another follow(s) (v3) [1, p. 59].

Нем.: *Ein Unglück kommt selten allein; Das Unglück kommt mit Haufen; Ein Übel ruft das andere.*

Фр.: *Un malheur ne vient (n'arrive) jamais seul; Un malheur amène son frère.*

Исп.: *Un mal no / nunca viene solo; De un mal nacen siete cuando no veinte; (Con) bien vengas mal, si viences solo.*

Ит.: *Un malanno non vien mai solo; Le disgrazie non vanno mai sole; Un male tira l'altro; Una disgrazia tira l'altra; Un male e un frate rade volte soli; Le disgrazie sono come le ciliege, non vengono mai sole (una tira l'altra).*

Рус.: *Беда (никогда) не приходит / ходит одна; Беда беду накликает / родит; Одна беда не ходит, беда беду родит / за собой горе родит.*

Бел.: *Адна бяда не ідзе, другую за сабой вядзе; Адна бяда не ходзіць (другую за сабою водзіць); Бяда адна не ходзіць (за сабою другую водзіць); Бяда ідзе і бяду вядзе.*

So many men/heads, so many minds/wits; So many men, so many opinions.

Universal proverb model: So many men/heads, so many minds/opinions [1, p. 83].

Нем.: *Viel/Soviel Köpfe, viel/soviel Sinne (heads).*

Фр.: *Autant de gens, autant de sens; Autant de têtes, autant d'avis/opinions; Vingt têtes, vingt avis.*

Исп.: *Cuántas cabezas, tantos paraceres; Tal cabeza, tal sentencia; A diez cabezas, diez monteraz; Cuántos/Tantos hombres, tantos paraceres; Diez hombres, diez opiniones.*

Ит.: *Tante teste, tanti cerverelli; Tanti uomini, tanti pareri.*

Рус.: *Сколько голов, столько (и) умов / охот; Разные головы – разные мысли; Что голова – то разум; Сто голов – сто умов; В лесу лес не ровен, в миру – люди.*

Бел.: *Колькі галоў – столькі і розумаў; Што (ні) галава/чалавек, то (і) розум.*

(There is) no smoke without (some) fire; Where there is smoke there is (there must be) (some) fire; No fire no/without smoke.

Universal proverb model: (There is) no smoke without (some) fire *or* If there is (no) smoke, there is (no) fire (v1); There is no fire without (some) smoke *or* If there is (no) fire, there is (no) smoke (v2) [1, p. 33].

Нем.: *Kein Rauch ohne Feuer; Wo Rauch ist, muss auch Feuer sein; Ohne Rauch kein Feuer, ohne Mäuse keine Scheuer; Kein Feuer ohne Rauch (keine Tugend ohne Neid).*

Фр.: *Point / Il n'y a pas de fumée sans feu; Il n'esr jamais / Il n'y a point de feu sans fumée; Il n'est jamais feu sans fumée, ne fumée sans feu.*

Исп.: *No hay humo sin fuego; Fuego hay do humo sale; Donde no hay fuego ninguno, no sale humo / no se levanta humo.*

Ит.: *Non si dà fumo senza fuoco; Non si c'è fumo senza fuoco.*

Рус.: *Нет дыма/дыму без огня; Дыма/дыму без огня не бывает; Где дым, там и огонь; Нет огня без дыма; Где огонь, там и дым; Огонь без дыму (и) человек без ошибки / греха не бывает; Ни огня без дыма, ни дыма без огня; Ни дыму без огня, ни огня без дыму.*

Бел.: *Дыму без агню не бывае; Дзе дым, там і полымя.*

В словарь планируется включить более 200 наиболее употребительных английских пословиц, которые имеют аналоги в романских, германских и славянских языках. Словарь будет полезен школьникам и студентам, учителям и преподавателям, редакторам и переводчикам, а также всем, кто интересуется пословицами английского языка и их аналогами в других языках.

Список использованных источников

1. Paczolay, G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese / G. Paczolay. – Veszprém (Hungary) : Veszprémi Nyomda, 1997. – 528 pp.

2. Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / пад рэд. Я. Я. Іванова. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2009. – 240 с.

3. Петрушэўская, Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы : беларуска-іншамовны слоўнік / Ю. А. Петрушэўская. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2020. – 316 с.

4. Іваноў, Я. Я. Англійскія эквіваленты беларускіх прыказак (лексікаграфічны аспект) / Я. Я. Іваноў, В. А. Максімава // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – 2015 : сб. науч. статей. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – С. 191–196.

5. Иванов, Е. Е. Различия в семантике и структуре белорусских и английских пословиц / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь : сб. науч. статей. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2011. – С. 213–215.

6. Бредис, М. А. Паремология на перекрёстках языков и культур : монография / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Н. Ю. Нелюбова, Ю. А. Петрушевская ; под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. – Москва : Изд-во РУДН, 2021. – 246 с.

7. Романова, Н. К. Типы межъязыковых сходств и различий паремологических единиц / Н. К. Романова, Е. Е. Иванов // Acta albaruthenica, rossica, polonica – VII / под ред. А. М. Мезенко. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2006. – С. 161–164.

8. Ivanov, E. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology / E. Ivanov, V. Feldman // Acta Germano-Slavica. – 2007. – Vol. 1. – Pp. 85–97.

9. Иванов, Е. Е. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления / Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Ю. А. Петрушевская // Вестник РУДН. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12. – № 4. – С. 996–1035.

10. Василенко, Е. Н. English. Developing Speaking and Writing Skills : учеб. пособие : в 2 ч. / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернёва. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2020. – Ч. 1. – 348 с. ; Ч. 2. – 232 с.

11. Василенко, Е. Н. English. Developing Speaking and Writing Skills : учеб. пособие / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернёва. – Минск : РИВШ, 2023. – Ч. 1. – 292 с.

12. Голякевич, Н. Д. Practical English Grammar : Morphology : учеб. пособие / Н. Д. Голякевич, С. П. Зубрий, Е. Е. Иванов. – Минск : РИВШ, 2019. – 268 с.

13. Глуханько, Л. В. Practical English Grammar: Verbals : учеб.-метод. пособие / Л. В. Глуханько, Н. Д. Голякевич, С. П. Зубрий, Е. Е. Иванов. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2017. – 168 с.

14. Иванов, Е. Е. The Etymology and History of English Proverbs : учеб. пособие / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 80 с.

Abstract. The article examines the problem of lexicographic description of English proverbs that have analogues in other languages (Germanic, Romance, Slavic). Attention is drawn to the fact that the presence of such proverbs is determined both by the linguistic factor itself (primarily linguistic borrowings) and by extralinguistic factors (commonality of mental operations, typical associations, images, etc.). Materials are provided for the dictionary of universal proverbs that are widely used in modern English. Such a dictionary will be useful to those who study English as a foreign language.

Keywords: English, proverb, universal units, dictionary, teaching a foreign language

УДК 81-114.4

О. М. Гончарова

Научный руководитель – **М. Л. Лаптева,**

д-р филол. наук, доцент

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ СТАТУС ГЛАГОЛЬНЫХ ПАРОНИМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются группы русских глагольных паронимов, различных по структуре и семантике, выделяются наиболее продуктивные из них. Поднимается проблема смешения отдельных слов внутри паронимической глагольной пары по смыслу, а следовательно, необходимости усиления методического аспекта работы над глаголами-паронимами в рамках школьного курса русского языка.

Ключевые слова: паронимия, паронимическая пара, глагольные паронимы, типы паронимов, семантика, структура.

Паронимия является одной из важнейших особенностей русского языка, и исследование данного явления позволяет расширить знания о структуре и семантике языка в целом. Различные деривационные процессы в русской лексике способствуют постоянному появлению новых пар паронимов, в связи с чем их изучение является актуальной темой. Итак, паронимия представляет собой лингвистическое явление, обозначающее в русском языке наличие слов с «частичным звуковым сходством при полном или частичном семантическом различии» [1, с. 61]. В исследованиях, рассматривающих вопросы паронимии (О. П. Антипина, Д. А. Иванова, Т. В. Веракса), отмечаются следующие признаки паронимов: фонетическое неполное сходство, семантическое неполное сходство, стилистическое использование, морфологическая близость, невозможность взаимозаменяемости в контексте. Данные черты отличают паронимию от смежных явлений русского языка – синонимии, антонимии, омонимии и паронимии.

Структурно-семантические особенности паронимов зависят от частеречной принадлежности и способа образования производной лексемы. В рамках данного исследования объектом рассмотрения стали глагольные паронимические пары. К примеру: *блистать* –

блестеть, взрыть – врыть, возбуждать – побуждать, обезлюдить – обезлюдеть. Субстантивных и адъективных паронимов в русском языке значительно больше. Нами всего было проанализировано более ста глагольных паронимов, полученных методом сплошной выборки из фразеологического словаря под ред. Л. А. Войновой.

Выделяется несколько групп глагольных паронимов.

Структура глагольных паронимических пар рассматривается с различных точек зрения: фонологической, морфемной и морфологической. Если рассматривать фонетическую структуру паронимов-глаголов, то можно дифференцировать их по признаку «степени звукового созвучия и звукового несоответствия в паронимических образованиях» [2] и назвать паронимы на вокалической основе, паронимы на консонантной основе, комбинированные паронимы. К первой группе ученые относят те пары, которые различаются гласными звуками: *обезлесеть – обезлесить, взростеть – взростить, обезножеть – обезножить.* Данная группа является наиболее продуктивной среди паронимов-глаголов. Ко второй группе относят глаголы, отличные друг от друга одним или двумя согласными звуками: *войти – взойти, воскресать – воскрешать, тряхнуть – встряхнуть, проглотить – проглотить.* Наконец, глаголы-паронимы третьей группы отличаются и гласными, и согласными звуками: *активировать – активизировать, заполнить – восполнить, выписать – подписать.*

Базовым свойством структуры паронимических пар является их морфемный состав, непосредственно связанный с их морфологическими признаками. По этому основанию различают префиксальные, суффиксальные и корневые глагольные паронимические пары. Для глаголов-паронимов основным способом словообразования является префиксация. Примером паронимической пары такого типа являются слова *надеть-одеть*, в смысловом разграничении которых наиболее часто совершают ошибки носители языка. В качестве примера назовем также пары *вдохнуть-вздохнуть, возбуждать – побуждать, различать – отличать.*

Приставки многозначны, и конкретное значение приставочного глагола зависит от сочетания приставки с конкретными корнями или лексическими группами глаголов [3, с. 145]. Глаголы могут присоединять созвучные приставки, разные по значению, к одному и тому же корню. Так, речь идет о паронимических парах с приставками *в-, вс- // вз-*. Для первой группы слов с соответствующей приставкой актуально значение ‘проникнуть внутрь чего-либо’, а вторая группа имеет значение ‘поднять или подняться наверх при помощи действия, названного мотивирующим словом’. Сравним: *вбить – взбить, вбросить – взбросить.*

Суффиксальным способом образуются так называемые словообразовательные глагольные паронимы [4, с. 73]. Например, суффиксы помогают различать значения ‘приобретение признака’ и ‘внесение признака’: *зеленеть – зеленить, синеть – синить, зажелтеть – зажелтить, веселеть – веселить.*

Продуктивной структурой глагольных паронимов, по нашим данным, являются пары с приставкой *о-* и чередующимися суффиксами *-е- // -и-*. Данное явление носит название конфиксальной паронимии: *обезлюдеть – обезлюдить, обезлесеть – обезлесить, обесплодеть – обесплодить, обессилеть – обессилить.* Пары различаются оттенками значений: ‘лишить кого-то чего-то’ и ‘лишиться самому чего-либо’.

Перечисленные выше примеры доказывают тот факт, что наиболее часто глагольными паронимами становятся слова, которые различаются не только морфемным составом, но и лексико-грамматическими характеристиками, дающими понять, что члены паронимических пар следует использовать в различных контекстах [5, с. 13].

В отношении анализа семантической специфики глагольных паронимов, непосредственно связанной с их структурой, следует отметить: с точки зрения выражаемого значения такие паронимы делятся на оттеночные и кардинальные. Оттеночные паронимы в количественном отношении преобладают и различаются лишь смысловыми оттенками: *выучить – изучить, дуреть – дурить.* Кардинальные паронимы обладают похожим звучанием, но в паре слова резко различаются по смыслу и зачастую считаются близкими к смежному лингвистическому явлению – паронимии: *преставиться – представиться, развивать – развеивать,*

взвесить – свесить, поминать – вспоминать, поедим – поедим. Необходимо учитывать и тот факт, что значение паронимов напрямую связано и с их функционально-стилевой закрепленностью или стилистической окраской. Например, *работать* (общеупотреб.) – *срабатывать* (простореч.), *сыскать* (общеупотр.) – *снискать* (книжн.).

Непонимание оттенков значений или полное незнание семантики некоторых типов паронимов провоцируют их ошибочное словоупотребление. Стали уже классическими примеры смешения паронимов *развивать – развеять, надеть – одеть, закончить – окончить, усвоить – освоить, сгибать – сгинать* (простореч.), *оплатить – уплатить* (простореч.) и др. Ошибки такого рода найдены нами и в современных средствах массовой информации:

1) *Флаг теперь будет развиваться на территории спорткомплекса «Тула-Арена»* (сайт телеканала «Первый Тульский», 28.08.2023). В данном случае необходим для словоупотребления глагол *развеиваться* в значении ‘колебаться от ветра’.

2) *За порогом ждут недобрые люди: почему 15 сентября запрещается одевать яркую одежду и обижать животных* (новостной портал «Хибины», 15.09.2023). В данном случае необходимо было использовать глагол *надеть* в значении ‘покрыть себя какой-либо одеждой’.

3) *В соседней с Белгородской области закончила школу самая маленькая девушка страны* (Сетевое издание Информационное агентство «Бел.Ру», 25.05.2023). В значении ‘пройти какой-либо период обучения, завершить его’ в русском языке употребляется только глагол *окончить*.

4) *Squid представил возможность прямого обмена токенов в EVM-сетях и Cosmos* (Интернет-журнал Forgvlog, 12.09.2023). В данном случае также наблюдаем смешение паронимов, необходимо было использовать глагол *предоставил* в значении ‘дал возможность’.

В результате анализа ошибок в употреблении глагольных паронимов сделаем вывод: только совокупные знания о специфике словообразовательной модели и значений формантов паронимической пары, а также знание общей семантики слов могут позволить носителю русского языка избежать ошибок в словоупотреблении глагольных паронимов. Для этого в школьный курс русского языка включаются упражнения на разграничение слов-паронимов, подобное задание включено в тестовую часть ЕГЭ. Однако явление паронимии освещено не во всех УМК по русскому языку, и, на наш взгляд, этой теме уделяется сравнительно мало внимания в системе обучения русскому языку в средней школе. Следовательно, необходимой является разработка системы заданий по изучению паронимов, проведение дополнительных занятий, использование разнообразных форм и методов подачи лингвистического материала.

Список использованных источников

1. Бельчиков, Ю. А. Словарь паронимов современного русского языка / Ю. А. Бельчиков, М. С. Панюшева. – Москва : АСТ, 2002. – 458 с.
2. Максудова, У. А. Паронимические отношения в русских пословицах с антропонимами (структурный аспект) [Электронный ресурс] / У. А. Максудова // *Litera*. – 2021. №5. – С. 132–139. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/paronimicheskie-otnosheniya-v-russkih-poslovitsah-s-antronimami-strukturnyy-aspekt>. – Дата доступа : 15.09.2023.
3. Якунина, Д. В. Синонимия и паронимия префиксальных глаголов в русском языке / Д. В. Якунина // *Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология*. – 2022. – №5. – С. 142–163.
4. Иванова, Д. А. Словообразовательные паронимы-прилагательные в русском и немецком языках / Д. А. Иванова. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 110 с.
5. Демидова, Е. Н. Типология паронимов в научном тексте / Е. Н. Демидова // *Челябинский гуманитарий*. – 2013. – №1(22). – С. 12–17.

Abstract. The article examines groups of Russian verbal paronyms, different in structure and semantics, and highlights the most productive of them. The problem of mixing individual words within a paronymic verb pair in meaning is raised, and, consequently, the need to strengthen the methodological aspect of working on paronymic verbs within the framework of the Russian language school course.

Keywords: paronymy, paronymic pair, verbal paronyms, types of paronyms, semantics, structure.

А. А. Горошко
Научный руководитель – **Ю. Л. Вторушина**,
канд. пед. наук, доцент

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ОНЛАЙН-ЧАТАХ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация. В данной статье анализируются гендерные аспекты онлайн-коммуникации, выявляются различия в языковом поведении мужчин и женщин в цифровой среде. Результаты исследования показывают взаимосвязь между гендерной идентичностью и выбором лексики, а также способом выражения эмоций в интернет-диалоге. В статье также рассматриваются гендерные стереотипы и тенденция к индивидуализации в языке веб-сайтов.

Ключевые слова: гендерные аспекты, социальные сети, гендерная коммуникация, интернет-коммуникация, гендерные стереотипы, языковое поведение.

Онлайн-пространство и его составляющие, такие как социальные сети и чаты, являются неотъемлемой частью современной коммуникации. Поскольку современное информационное общество претерпевает всеобщую цифровизацию, взаимодействие людей переносится в онлайн-пространство, что и делает языковые особенности интернет-коммуникации все более актуальным объектом исследования. При этом особенное значение приобретают гендерные аспекты, поскольку они оказывают особое влияние на динамику и формирование виртуальных общностей. Каждый человек сегодня сталкивается с необходимостью использования социальных сетей и онлайн-чатов, поэтому понимание того, как именно работают понятия пола и гендерного восприятия в цифровом языковом поведении является критически важным навыком для проведения онлайн-бесед и обогащает наши знания о коммуникативных динамиках.

Гендерные аспекты в цифровой языковой коммуникации являются актуальной темой для многих исследований, поскольку они не только представляют социокультурные нормы, существующие в наше время, но и оказывают существенное влияние на развитие языка в интернет-культуре. Исследование языковых особенностей в социальных сетях и онлайн-чатах с учетом гендерных факторов помогает не только расширить знание об интернет-коммуникации, но и разобраться в вопросе равенства полов и гендерной идентичности. Помимо этого, понимание работы гендера и его влияния на языковую динамику открывает возможности для создания толерантных и инклюзивных онлайн-общностей.

В условиях современной интернет-коммуникации существенное влияние на ход диалога или конференции может оказывать аспект эмоциональности, зависящий от гендерных различий. Гендер играет роль в формировании эмоциональных выражений, что влияет на сложность проведения онлайн-диалога. Для исследования эмоциональности с точки зрения гендерной позиции, необходимо изучать интернет-коммуникацию. Для анализа данной области используется компьютерно-опосредованная коммуникация – «процесс, протекающий в открытой электронной социальной среде (вербальные средства коммуникации: текста, аудио-, видеофайлы), что является особой формой самопрезентации» [1, с. 235]. Благодаря такому подходу становится возможным анализировать процесс коммуникации без ограничений по времени, где коммуникативный процесс может проходить как в режиме реального, так и отсроченного общения [2, с. 287]. Как отмечает исследователь Н. Г. Божанова, гендер существенно влияет на ход коммуникационного акта в онлайн-среде. Так, коэффициент использования смайликов в ходе общения между мужским полом – 0,7%, в то время как между женским полом – 3,4%. В смешанных парах смайлики используются в среднем в 2,3% случаев. Таким образом, в результате эксперимента определяются основные позиции использования смайликов у мужских пар (не больше 1%), и у женских пар (не ниже 2%) [2, с. 290]. Данным

результатом эксперимент доказывает, что эмоциональность диалога напрямую зависит от состава участников диалога по гендерной принадлежности.

В гендерной лингвистике четко разделяется речь «мужская» от речи «женской». В список факторов, определяющих принадлежность к той или иной группе речи, внесены «пустые» прилагательные (*милый, дорогой*), сверхэмоциональная речь, вопросительная интонация в декларативных контекстах, значительно уменьшенное использование обценной лексики, разделительные вопросы (не мог бы ты?) [3, с. 156].

Гендерная идентичность участников коммуникационного акта в онлайн-среде также различается по тематике. Например, женское речевое поведение относится больше к тематическим группам «семья» и «человеческие отношения», которые, в свою очередь, не свойственны авторам-мужчинам. На лексическом уровне выражение эмоций и структурирование текста определяют гендерную идентичность коммуниканта. Таким образом, мужское речевое поведение характеризуется использованием эмотивных междометий, повторов, эмотиконов и аббревиатур, а также написанием чисел цифрами. В женском речевом поведении наблюдаются такие особенности, как употребление эмоционально окрашенных слов и использования средств компрессии текста окказионально. В гендерно-нейтральном аспекте среди дефинитивных позиций числятся сниженная лексика, этикетный характер коммуникации, грамматические и орфографические ошибки [4, с. 409].

Гендерные аспекты в интернет-коммуникации приобретают особую специфику: при взаимодействии через цифровые средства связи наблюдаются изменения в особенностях гендерной коммуникации, которые могут проявляться отлично от традиционных коммуникативных моделей. Это может включать в себя адаптацию или сглаживание традиционных гендерных различий в общении, а также предусматривает возможность появления принципиально новых форм выражения, которые не характерны для «оффлайн» диалогов. В ходе анализа данных особенностей исследователем И. А. Якобой были выявлены определенные гендерные особенности интернет-коммуникации, которые можно сформировать в две тематические гендерные группы «особенности женской интернет-коммуникации» и «особенности мужской интернет-коммуникации» [5, с. 369]. Среди первой тематической группы были определены следующие дистинктивные черты:

- пользователи женского пола больше увлечены искусством, религией, образованием и литературой;
- речевое поведение пользователей-женщин более эмоционально;
- женские реплики и сообщения в сети короче, чем мужские;
- женщины более терпеливы в интернет-коммуникации, а также более терпимы к нежелательным контактам;
- женщины обладают более детализованной речью, а также имеют тенденцию к избеганию точной цели разговора.

Во второй тематической группе «особенности мужской интернет-коммуникации» выделяются следующие определяющие признаки:

- пользователи мужского пола больше увлечены наукой, коммерцией, цифровыми технологиями;
- в речи пользователей мужчин часто встречаются жаргонизмы [6, с. 90];
- пользователи-мужчины чаще всего выступают инициаторами новых обсуждений;
- речевое поведение мужчин в сети строится на фактах и логических аргументах, однако некоторые исследователи заявляют о повышенной вербальной агрессии представителей мужского пола в интернет-коммуникации [7, с. 17].

Помимо этого, среди интернет-аудитории на процесс формирования информационных материалов и разработку веб-сайтов влияют гендерные различия и асимметрия в интернет-аудитории, от этого также зависит выбор структуры и заголовков разделов, предназначенных прежде всего для привлечения внимания потенциальных читателей. Проведенное исследование в 2012 г. при поддержке ученых Т. Ю. Ма и В. В. Фадеевой информирует о принципе вы-

бора лексических единиц (независимо от тематической группы). Анализ включал в себя 50 англоязычных веб-сайтов, из которых 25 ориентированы на мужскую аудиторию и 25 на женскую. Сравнительный анализ проводился при поддержке сайта www.blogher.com, нацеленного на женскую аудиторию, установил следующие результаты: термин «style» использовался на 7 из 25 сайтов, «career» – на 3, «money» – на 5, «love» – на 11, «health» – на 13, в то время как термин «sports» употреблялся лишь на одном из 25 сайтов. Исследование, проводимое на сайте www.askmen.com, ориентированном на мужскую аудиторию, выявило следующие результаты: термин «fashion» применялся только на одном сайте, «money» – на 3, «dating» – на 2, «health» – на 12, «sports» – на 10, при этом отсутствие отмечено термина «power». Полученные данные указывают на тенденцию англоязычных веб-сайтов к проявлению индивидуальности в выборе лексики, при этом сохраняется использование традиционных тематических категорий («health» и «sport») [8, с. 123].

Полученные в ходе исследования результаты анализа языкового материала подчеркивают важность понимания гендера в контексте выражения эмоций, выбора лексики и построения структуры диалогов в интернет-пространстве. Таким образом, можно отметить, что гендерные факторы находят своё отражение в языковых особенностях онлайн-коммуникации. Наблюдения над языковым материалом свидетельствуют о том, что гендерная принадлежность существенно влияет на процесс коммуникационного акта, где большая эмоциональность и детализация речи относятся к пользователям-женщинам, а эмотивные междометия, апелляция к сути диалога и использование фактов присущи коммуникантам-мужчинам. Помимо этого, актуальной продолжает быть проблема гендерных стереотипов в среде русскоязычных и англоязычных сайтов.

Список использованных источников

1. Розина, И. Н. Технологии исследования и продвижения компьютерно-опосредованной коммуникации / И. Н. Розина // *Educational Technology & Society*. – 2007. – №10(2). – С. 230–244.
2. Божанова, Н. Г. Эмоциональность интернет-речи в аспекте гендерных исследований / Н. Г. Божанова // *Преподаватель XXI век*. – 2012. – №3. – С. 284–291.
3. Коатс, Дж. Женщины, мужчины и язык / Дж. Коатс // *Гендер и язык* / Московский гос. лингвистический университет; Лаборатория гендерных исследований. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – С. 150–171.
4. Горошко, Е. И. Гендерные аспекты коммуникации на примере образовательных практик Интернета / Е. И. Горошко // *Educational Technology & Society*. – 2008. – № 11 (2). – С. 388–411.
5. Якоба, И. А. Особенности интернет-коммуникации (социологический, лингвистический, гендерный аспекты) / И. А. Якоба // *Вестник ИргТУ: Гуманитарные науки*. – 2012. – № 3 (62). – С. 365–371.
6. Ерофеева, Т. И. Социолект в стратификационном исполнении / Т. И. Ерофеева // *Русский язык сегодня: сб. ст. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / отв. ред. Л. П. Крысин*. – Москва : Азбуковник, 2000. – Вып. 1. – С. 89–90.
7. Манухина, И. А. Стратегии речевого поведения в диалогах мужских и женских персонажей современной американской литературы : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / И. А. Манухина. – Барнаул, 2006. – 18 с.
8. Ма, Т. Ю. Гендерные стереотипы в материалах русскоязычных и англоязычных сайтов Интернета / Т. Ю. Ма, В. В. Фадеева // *Вестник Амурского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки*. – 2014. – № 66. – С. 118–126.

Abstract. This article is devoted to exploring gender aspects of online communication and differences in language behavior based on gender. The article also touches upon the issue of gender stereotypes and the individualization of website language based on gender.

Keywords: gender aspects, social networks, gender communication, internet communication, gender stereotypes, language behavior.

ДОМИНАНТЫ ПОЛЕЙ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению средств выражения модального значения долженствования во французском и русском языках. Исследуются доминанты лексико-грамматических полей долженствования. Во французском языке выделяются конструкции с глаголом *devoir*. В русском языке наиболее обширную группу представляют лексемы, из которых особое место принадлежит краткому прилагательному *должен*.

Ключевые слова: модальность, долженствование, доминанта, *devoir*, должен.

Необходимо не только понимать сущность модальности, но также и разбираться в способах её выражения в предложении. Особенно это важно, если модальность изучается в рамках какого-то конкретного языка, так как каждый язык индивидуален и имеет свои определённые грамматические и лексические единицы, с помощью которых может быть выражена модальность. Следовательно, категория модальности раскрывает особенности и структуру того или иного языка, что немаловажно при его детальном исследовании.

Изучение способов выражения модальности – это изучение её синтаксического аспекта. Синтаксические компоненты имеют своё морфологическое «наполнение», т. е. та или иная синтаксическая позиция заполняется теми или иными частями речи в определённых формах. Г. М. Королёва отмечает, что «не являясь структурной единицей языка, модальность не может быть однозначно соотнесена с жёстко фиксированным инвентарём средств, предназначенных исключительно для выражения тех или иных модальных значений. Языковая модальность <...> опирается в своём выражении на элементы различных средств передачи информации» [1, с. 14].

Модальные лексические значения распределяются по нескольким довольно чётко выделяемым полям (семантическим зонам). Первоначально понятие поля было создано для изучения лексических систем [2; 3].

В каждом поле можно выделить идентифицирующее слово или доминанту, с которым сопоставляются остальные компоненты поля [4, с. 129–131]. «Доминанта отличается простым семным составом, обычно ей приписывается одна сема» [5, с. 9].

Во французском языке доминантами лексико-грамматического поля долженствования являются модальные глаголы.

В группу модальных глаголов входит небольшое число глаголов, выделяющихся среди всех остальных целым рядом характерных особенностей в значении, употреблении и грамматических формах. «Эти глаголы не имеют ни одной собственно глагольной грамматической категории (вида, временной относительности, залога); у них могут быть лишь формы наклонения и времени, являющиеся показателями сказуемого» [6, с. 139].

Наиболее употребительным и стилистически нейтральным модальным глаголом долженствования во французском языке является глагол *devoir*.

Все конструкции, с глаголом *devoir* + *инфинитив*, выражают модальность долженствования. Эта конструкция выражает представление говорящего лица о характере долженствования действия, необходимость, обязанность. Он имеет два модальных значения: реального долженствования и предположительной возможности.

Первое значение – долженствования – присуще *devoir* в сочетании с инфинитивом прямо-переходного глагола. Этот признак не является самодовлеющим, так как он исключает употребление глагола *devoir* как глагола долженствования в сочетании с глаголом, не допускающим развития побудительного начала в сказуемом. В качестве дополнительного признака отмечается использование *devoir* как глагола долженствования в *présent* и в прямой речи [7, с. 324].

Е. Е. Корди подразделяет значения глагола *devoir* на четыре типа:

1. Ситуативная необходимость, необходимость совершения действия субъектом.
2. Ситуативно-оценочная необходимость – оценка события как необходимого или неизбежного.
3. Эпистемическое значение (значение высокой степени достоверности содержания высказывания).
4. Временное значение, родственное будущему в прошедшем [5, с. 39]. Синтаксическая конструкция предложения с глаголом *devoir* в его разных значениях одинакова.

Значения *ситуативной* необходимости классифицируются по источнику модальности и различаются по трём видам:

1. Долженствование, возникшее вследствие принуждения со стороны людей или общества, – субъективное долженствование или обязанность. В случаях субъективного долженствования преобладает отношение говорящего к действию, выявляется, считает ли говорящий действие вероятным, возможным, находит ли говорящее лицо, что действие следует совершить, представляется ли действие говорящему необходимым и т. п. Само долженствование возникает в этом случае в результате определённой установки говорящего лица [8, с. 221]. Например: *Evidemment, dit Christophe, je dois vous remercier. Vous auriez pu faire de mon septuor une chanson de café-concert* [9, с. 386].

2. Долженствование, возникшее вследствие стечения обстоятельств, внешних условий, – объективное долженствование. В случаях объективного долженствования указывается на действие, которое субъекту сделать пришлось или которое он сделать вынужден, например: *Antoinette accepta toutes les tâches, toutes les humiliations: elle fut institutrice dans des maisons, où on la traitait presque en domestique; elle devait escorter ses élèves en promenade, comme une bonne, trotter pendant des heures avec elles, dans les rues, sous prétexte de leur apprendre l'allemand* [9, с. 53].

3. Необходимость, вытекающая из внутренних свойств, морали субъекта, его понимания долга, – этическая необходимость или долг, сравн.: *Mais il ne lui dit pas ce qu'il ne devait pas dire: le secret qu'elle avait tu, - et que Christophe savait peut-être* [9, с. 124].

Оценочная необходимость может классифицироваться по источнику или основанию оценки и иметь значения субъективного и объективного долженствования.

1. Для глагола *devoir* распространённым является значение субъективного долженствования или обязанности, например: *Elle ne se plaignait pas. Elle savait que ce devait être ainsi* [9, с. 266].

2. Реже глагол *devoir* встречается в значении объективного долженствования (неизбежности), например: *Ils prirent dans la maison, au dernier étage, un tout petit appartement, – deux chambres mansardées, une antichambre minuscule, qui devait leur servir de salle à manger, et une cuisine grande comme un placard* [9, с. 51].

Значение неизбежности события иногда ослабляется и переходит в оценку события как запланированного, ожидаемого, прогнозируемого с высокой степенью вероятности в будущем.

В *эпистемическом* значении глагол *devoir* употребляется в проблематическом суждении и выражает оценку степени достоверности сообщаемой информации. Такие высказывания содержат обоснованное мнение о событиях, полученных путем логического вывода из известных говорящему фактов, сравн.: *M. Arnaud était seule chez elle, et tricotait, avec la tranquillité fiévreuse que Pénélope devait mettre à son fameux ouvrage* [4, с. 409].

Предложения с глаголом *devoir* обычно могут трансформироваться в близкие по значению предложения, без модального глагола, но с вводным словом *évidemment* – по-видимому или *probablement* – вероятно, например: *M. Arnaud était seule chez elle, et tricotait, avec la tranquillité fiévreuse que Pénélope probablement mettait à son fameux ouvrage* [9, с. 124].

Предложение с глаголом *devoir* в эпистемическом значении выражает оценку данной в предложении информации с точки зрения её достоверности. Значения высокой степени достоверности соответствуют эпистемической необходимости, а значения низкой степени достоверности – эпистемической возможности.

Значение сочетания *devoir* + *Vinf* приближается к *темпоральному* значению будущего в прошедшем, но является стилистически окрашенным. В этом употреблении глагол *devoir* всегда имеет форму имперфекта, подлежащее при нём выражается именем любой семантики, сравн.: *Olivier n'y pensait pas sans terreur; mais il n'osait rien dire: cette misère était sa faute; s'il avait été reçu, Antoinette n'eût pas été réduite à cette extrémité; il n'avait pas le droit de s'y opposer; de mettre en ligne de compte son proper chagrin: elle seule devait décider* [9, с. 73].

Стилистическая окраска предложений с глаголом *devoir* по сравнению с предложениями, содержащими форму будущего в прошедшем, заключается в том, что модальный глагол вносит добавочный смысл: выражаемое им долженствование получает осмысление как бы судьбы, предположения. При употреблении глагола *devoir* в темпоральном значении точкой отсчёта для прогноза события является некоторый момент прошлого, но в то же время учитывается и момент речи, когда формулируется высказывание.

Если рассматривать употребление *devoir* в отношении большей или меньшей степени грамматизации, то по мере усиления степени долженствования уменьшается степень грамматизации конструкции.

Конструкция сугубо субъективного долженствования является наиболее грамматизованной. Наименее грамматизованы случаи объективного долженствования.

В русском языке наиболее обширную группу представляют лексемы, служащие в сочетании с инфинитивом средством выражения модального значения долженствования.

«С их помощью могут быть описаны все без исключения семантические варианты данной категориальной ситуации. Большая часть этих конструкций стилистически и экспрессивно не маркирована, имеет широкую сферу использования, характеризуется частотностью» [10, с. 147].

Устройство предложений с модальными лексемами зависит от их принадлежности к той или иной части речи, принадлежности, определяющей синтаксические потенции. Конструкции с модальными лексемами различаются способом представления основных компонентов предметной ситуации, но сам набор компонентов остаётся неизменным. В каждом предложении конструктивное ядро включает элемент со значением субъекта действия, элемент, обозначающий действие, а также модальную лексему [10, с. 148].

В ряду прочих модальных лексем краткое прилагательное *должен* занимает особое место, являясь доминантой данного ряда. Когда в роли модального модификатора выступает лексема *должен* в конструкциях с прямым субъектом действия, долженствование направленность значения необходимости раскрывается более отчётливо, сравн.: *И этим самым месяцем должна я эту самую рожь сжечь дочиста* [11, с. 236].

Лексема *должен* может быть использована для передачи различных лексико-семантических вариантов:

1. Долженствования, основанного на запланированности ситуации, предписанности событий, сравн.: *Нет, нет, я с вас слово взяла, я должна умереть... ты мне обещал... ты мне сказал...* [11, с. 31].

2. Необходимости, обусловленной определённым стечением обстоятельств, сравн.: *Но на другой же день, по непредвиденным обстоятельствам, я должен был выехать из Москвы* [11, с. 168].

3. Предписанности с точки зрения внутреннего долга, сравн.: *И должен я вам сказать: сердце радуется, на них глядя: обходительны, вежливы* [11, с. 42].

4. Долженствования с точки зрения существующих социальных установлений, обязанностей, сравн.: *Всё же ты без образования, – стало быть, должна слушаться, когда тебе говорят* [11, с. 172].

Прилагательное *должен* может выступать как заменитель всех других модальных лексем, обратная замена возможна не всегда.

Значение долженствования, которое эксплицируется при помощи модальных предикативов и модальных глаголов – одно из основных способов выражения языковой модальности рассматриваемых языков.

Наиболее употребительным во французском языке в лексико-грамматическое поле долженствования является модальный глагол *devoir*.

В русском языке к центральным представителям модальных лексем, имеющим значение долженствования, относится краткое прилагательное *должен*.

Список использованных источников

1. Королёва, Т. М. Интонация модальности в звуковой речи / Т. М. Королёва. – Киев; Одесса : Высш. шк. Головное изд-во, 1989. – 147 с.
2. Trier, J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes / J. Trier. – Heidelberg, 1931. – 136 S.
3. Weisgerber, L. Zur innersprachlichen Umgrenzung der Wortfelder ('veranstalten' und 'stattfinden') / L. Weisgerber // Wirkendes Wort. – Sammelband 1. – Düsseldorf, 1962. – S. 150–155.
4. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – Москва : УРСС, 1961. – 416 с.
5. Корди, Е. Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке / Е. Е. Корди. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 168 с.
6. Бархударов, Л. С. Грамматика английского языка / Л. С. Бархударов, Д. А. Штелинг. – Москва : Высш. школа, 1973. – 342 с.
7. Гак, В. Г. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков / В. Г. Гак, Е. Б. Ройзенблит. – Москва : Высш. школа, 1965. – 378 с.
8. Шеметилло, В. Б. Глагол *devoir* + инфинитивное дополнение как частный случай выражения модальности долженствования / В. Б. Шеметилло // Вопросы грамматики французского языка. Учёные записки. – Т. 241. – Ленинград : Тип №1, 1964. – 236 с.
9. Роллан, Р. Жан-Кристоф : в 10 т. / Р. Роллан ; на французском языке. – Т. III. – Москва : Изд-во литер. на иностр. яз., 1957. – 464 с.
10. Цейтлин, С. Н. Необходимость / С. Н. Цейтлин // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Ленинград : Наука, 1990. – С. 142–156.
11. Тургенев, И. С. Записки охотника / И. С. Тургенев. – Москва : Худож. лит., 1984. – 254 с.

Abstract. The article is devoted to the consideration of the means of expressing the modal meaning of the obligation in French and Russian. The dominants of lexico-grammatical fields of obligation are investigated. The constructions with the verb *devoir* are distinguished in French. The most extensive group is represented by the short adjective *должен* in Russian.

Keywords: modality, obligation, dominant, *devoir*, *должен*.

УДК 37.016:811.161.1

А. А. Гришанова
Научный руководитель – **И. Г. Родионова**
д-р филол. наук, доцент

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СОЮЗНОГО СЛОВА *КОТОРЫЙ* В СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ПРИДАТОЧНЫМ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫМ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматривается проблема, связанная с трудностями в определении обучающимися синтаксической функции союзного слова *который* в сложноподчинённых предложениях с придаточным определительным. Обращается внимание на причины трудностей. Предлагаются приёмы и алгоритм определения синтаксической функции союзного слова *который*.

Ключевые слова: сложноподчинённое предложение, придаточное определительное, союзное слово, синтаксическая функция.

Согласно принятой в 2022 году Федеральной рабочей программе по учебному предмету «Русский язык», тема «Сложноподчинённые предложения» рассматривается в девятом классе, при этом внимание обучающихся обращается на понятие сложноподчинённого предложения, знаки препинания в нём, виды и нормы построения сложноподчинённых предложений. Рассматривается порядок синтаксического и пунктуационного анализа сложноподчинённого предложения [1, с. 22].

Изучение сложноподчинённых предложений начинается со структур с придаточным определительным. В действующих школьных учебниках по русскому языку (известно, что создание нового учебника планируется лишь в 2027 году) тема «Сложноподчинённые предложения с придаточными определительными» представлена довольно широко: даётся определение этих структур, перечисляются союзные слова, связывающие придаточную часть с главной (*который, какой, где, куда, откуда, когда, чей, что*), приводятся примеры. В учебнике под редакцией Е. А. Быстровой содержится более подробная, по сравнению с другими учебниками, информация о союзных словах: «Союзное слово *который* может стоять в начале и в середине придаточной части. Союзные слова *который, чей* стоят в том же роде и числе, что и определяемое слово. Падеж союзных слов зависит от того, каким членом предложения в придаточной части они являются» [2, с. 178]. В учебнике под редакцией А. Д. Шмелёва отмечается, что придаточные определительные части сложноподчинённых предложений являются *присловными*, поскольку относятся к одному опорному слову в главной части [3, с. 209].

К сожалению, в проанализированных нами учебниках по русскому языку не обращается внимание обучающихся на синтаксическую функцию союзных слов в сложноподчинённых предложениях с придаточным определительным, в то время как данный аспект характеристики названных синтаксических единиц является важным, поскольку союзные слова не только выступают как средства связи предикативных частей сложноподчинённого предложения, но и служат для выражения его «семантико-синтаксического плана» [4, с. 4]. Следовательно, умение школьников правильно определять синтаксическую функцию союзного слова будет обеспечивать адекватное понимание ими содержания предложения.

С целью определения уровня владения обучающимися навыками выявления синтаксической функции союзных слов в сложноподчинённых предложениях с придаточным определительным нами был проведён констатирующий эксперимент, в котором приняли участие студенты средних курсов – будущие учителя русского языка и литературы. Респондентам было необходимо выявить синтаксическую функцию союзных слов *который, чей*, наиболее часто используемых в качестве средств связи в сложноподчинённых предложениях с придаточным определительным и обладающих грамматическими признаками имени прилагательного – части речи, характеризующейся атрибутивной семантикой.

Анализ результатов эксперимента показал, что союзное слово *который* студенты часто квалифицируют как определение, вероятно руководствуясь тем, что оно присоединяет придаточное определительное и имеет морфологические признаки прилагательного, в то время как союзное слово *который* может являться другим членом предложения, а именно дополнением или обстоятельством.

Обратим внимание на то, что сложность вызвала постановка вопроса к союзному слову: часто вопрос задавался от главной части, а не от слова или словосочетания, к которому оно относится в придаточном предложении. Опыт показывает, что студенты часто допускают эти ошибки.

Чтобы не ошибиться в определении синтаксической функции союзного слова в сложноподчинённом предложении с придаточным определительным, прежде всего важно знать, какие именно функции эти союзные слова могут выполнять. В сложных предложениях, выражающих определительные отношения, наиболее общее значение определительности передаётся союзным словом *который*. Часто в предложении оно выступает в роли **подлежащего**: *Балашов не знал, что мужчина, который пришёл без зова в избу к девушке и принес ей подарок, считается, если подарок принят, её женихом* (К. Г. Паустовский, Кружевница Настя),

дополнения: *И Максим рассмеялся, поглаживая её руку, которую держал в своей* (В. Г. Короленко, Слепой музыкант), **реже – обстоятельством:** *В третьем кружке Нарышкин говорил о заседании австрийского военного совета, в котором Суворов закричал петухом в ответ на глупость австрийских генералов* (Л. Н. Толстой, Война и мир).

Если необходимо придать предмету, названному опорным существительным, дополнительный оттенок принадлежности, то используется союзное слово *чей*, которое чаще всего является **определением**, поэтому квалификация его синтаксической функции обычно не вызывает затруднений: *Во время работы, обтачивая в тисках медные валики, он, наверное, насвистывал песенку о почтальоне, чей рог поёт в туманных долинах, и девушке, собирающей хворост в горах* (К. Г. Паустовский, Жильцы старого дома).

Важнейшим приёмом, позволяющим правильно определить синтаксическую функцию союзного слова *который* в сложноподчинённых предложениях с придаточным определительным, является его замена именем существительным из главной части, с которым оно соотносится. Например, в предложении *Мурзик полез в лодку и нашёл там единственную вещь, которую можно было сжевать, – резиновую пробку* (К. Г. Паустовский, Резиновая лодка) союзное слово *которую* можно заменить словом *вещь*, задаём вопрос: *можно сжевать (что?) вещь*. Следовательно, союзное слово *которую* является прямым дополнением.

Предлагаем следующий алгоритм действий при определении синтаксической функции союзного слова в сложноподчинённых предложениях с придаточным определительным:

1. Определить границы придаточного определительного.
2. Найти и обозначить опорное слово (то слово, к которому относится придаточное).
3. Заменить этим словом союзное слово из придаточной части.
4. Задать вопрос.
5. Определить синтаксическую функцию союзного слова.

Полагаем, что использование данного алгоритма позволит обучающимся избежать ошибок при определении синтаксической функции союзного слова *который* в сложноподчинённых предложениях с придаточным определительным.

Список использованных источников

1. Федеральная рабочая программа основного общего образования по учебному предмету «Русский язык» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://eobraz.ru/wp-content/uploads/2023/08/ФРП_Русский-язык_5-9-классы.pdf – Дата доступа : 13.09.2023.
2. Быстрова, Е. А. Русский язык : учебник для 9 класса общеобразовательных организаций / Е. А. Быстрова, Л. В. Кибирева, Т. М. Воителева, Н. Н. Фаттахова ; Под ред. Е. А. Быстровой. – Москва : Русское слово, 2014. – 384 с. : ил. – (Инновационная школа).
3. Шмелёв, А. Д. Русский язык. 9 класс : учебник для учащихся общеобразовательных организаций / А. Д. Шмелёв, Э. А. Флоренская, С. Н. Митюрёв ; Под ред. А. Д. Шмелёва. – Москва : Вентана-Граф, 2017. – 397 с.
4. Гетманская, М. Ю. Синтаксический статус союзных слов в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Ю. Гетманская ; Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2004. – 20 с.

Abstract. The article deals with the problem associated with difficulties in determining by students the syntactic function of the allied word which in compound sentences with a subordinate determinative. Attention is drawn to the causes of difficulties. The techniques and algorithm for determining the syntactic function of the allied word which are proposed.

Keywords: compound sentence, subordinate determinative, conjunctive word, syntactic function.

О. Г. Дедович
 Научный руководитель – **В. Д. Стариченок**,
 д-р филол. наук, профессор

«УЧЕБНИК» КАК СФЕРА-МАГНИТ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ МЕТАФОР

Аннотация. Объект исследования – индивидуально-авторская метафора (на материале избранных трудов автора и соавтора более 100 учебников английского, немецкого, французского и русского языков Е. И. Пассова). Предмет – метафорическое моделирование денотативной области «учебник». Исследование позволит выявить спектр авторских ассоциаций и уподоблений, тем самым расширить традиционное представление о роли учебника.

Ключевые слова: Е. И. Пассов, метафорическая модель, субстантивная метафора, окказионализм, реципиентная сфера «учебник».

Метафора является важным элементом ментального пространства, посредством которого автор передаёт свои идеи [1, с. 10]. Тот, кто «дружит» с метафорой, как правило, обладает образованным, организованным, согласованным, сосредоточенным и сконцентрированным сознанием [2, с. 204]. Индивидуально-авторские метафоры стремятся выйти за пределы традиционной системы канонов и создать свою метафорическую модель видения окружающего мира [1, с. 7–8]. Однако окказионализмы не лишены таксономического принципа мышления, что позволяет их систематизировать и классифицировать.

Цель исследования – установить авторские метафорические образы реципиентной сферы «учебник», определить магистральные направления метафорической экспансии. Источниками контекстных фрагментов послужили избранные труды Е.И. Пассова, касающиеся вопросов «самого сложного жанра научной прозы» – *учебникописания* [3; 4].

Доминантными в пассовском дискурсе можно считать неожиданные уподобления, где ассоциативные связи между предметами и явлениями не всегда явно просматриваются. Семантический диапазон областей-источников в таких метафорических моделях может в определенной степени продемонстрировать схема 1.

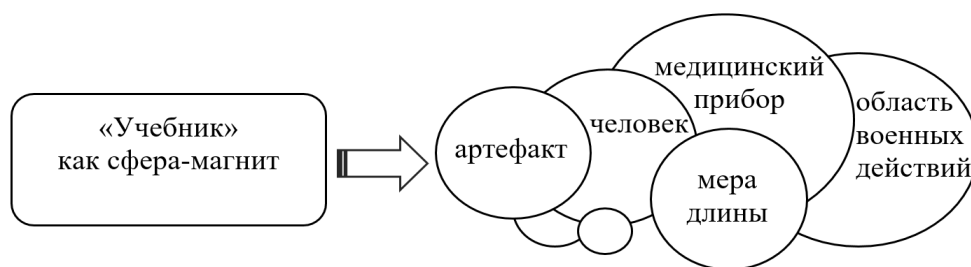

Схема 1 – Метафорическая модель учебник – это...

Интересно, что учёный прибегает к военной метафорике для того, чтобы осветить, на первый взгляд, «мирный» вопрос создания учебника. Однако в реальности перед нами острая, актуальная проблема: *Учебник – важнейший инструмент образования людей. Он стратегическое (не хочется говорить «оружие») орудие в руках общества. От того, как общество с помощью этого орудия «образует» новое поколение, зависит, каким оно станет в будущем* [3, с. 492]; *Следует помнить, что книга – не склад готовых деталей, хотелось бы, чтобы она была арсеналом* [4, с. 4]; *Учебник – стратегическое орудие в борьбе за духовность* [3, с. 493].

Учёный мастерски использует потенциальные возможности семантики слова и его контекстного окружения для отражения различных аспектов тематики: назначение учебника, его

содержание, функции, статус в обществе. Многие размышления навеяны лирикой Ф. Тютчева. Посредством приёма нанизывания метафор Е. И. Пассов создаёт гармоничный и одновременно контрастивный рисунок. Структурно-композиционная организация метафорических и неметафорических сегментов при этом укладывается в двухкомпонентную структуру. Первый компонент представлен личным местоимением *он* [местоименный заменитель субстантива «учебник»] – это сфера-магнит, тема высказывания. Второй компонент является ядром смысловой структуры, ремой высказывания [5, с. 193]). Коннектором смыслов и одновременно демаркационной линией выступает графический знак тире:

*Не то, что мните вы, учебник, –
Не слепок, не бездушный лик.
И не слуга, и не нахлебник
Тех, кто командовать привык.
Не робкий пасынок лингвиста,
Не эмпирический продукт.
Средь улюлюканья и свиста
Не вырастает этот фрукт.
Не бомж, не жалкий беспризорник,
Без роду-племени субъект.
Иль, вроде, новый разговорник,
Где виден старый трафарет.
Не общежитие-ночлежка,
Где всяких упражнений сброд
Гуртом ночуем вперемежку,
А как и с кем, – кто разберет?
Дитя Науки и Искусства,
Он – строен, молод и красив,
Он полон мысли, полон чувства,
Ответствен и трудолюбив.
Дитя сплошной самоотдачи.
Он – не эклектики дитя.
Он – ритма сердца верный датчик,
И не создать его шутя.
И ни поделки, ни подделки,
И не сплошные переделки,
Перелицовки и отделки,
И результаты гнусной сделки, –
Нам не заменят никогда
Учебника на все года.
Он – плод Любви и плод Согласья, –
Не адюльтера ловкий трюк.
И лишь тогда он будет в классе
И собеседник нам, и друг...
Умом все это не понять, –
Арином сердца нужно мерить.
Во тьме Учебник не создать,
Но... в это можно слепо верить... [3, с. 505-506].*

Как свидетельствуют результаты анализа языкового материала, метафорическому пересмыслению подвергаются наименования предметов, а также лиц по их кровному/некровному родству, социальному положению.

Смысловое наполнение субстантивов *дитя* и *плод* носит мелиоративно-возвышенный характер: *дитя сплошной самоотдачи* (внимание акцентируется на максимальном приложении усилий авторов на всех этапах создания учебника), *дитя Науки и Искусства* (подчёркивается симбиоз теоретического и творческого начал при конструировании учебника), *не эклектики дитя* (бессистемность, необдуманность, смешение разнородных стилей, взглядов, идей в учебнике недопустимы), *плод Любви и плод Согласья* (на первый план выходит сема 'гармония'). В таком случае учебник становится «и собеседником, и другом».

Сема 'некровное родство' актуализируется в образе *пасынка*, для которого «характерен мотив служебности» [6, с. 168]. Бинарное генитивное сочетание *робкий пасынок лингвиста* направляет внимание на ситуацию, когда «методику считают, например, прикладной лингвистикой, и в учебнике моделируется, главным образом, – Её Величество Лингвистика, а учитель «обучает языку», в то время как остальные аспекты методики и важнейшие аспекты иноязычного образования, кроме учебного, остаются за бортом. Этим обедняется учебник, а образование низводится до уровня обучения, т. е. дискредитируется» [3, с. 493–494]. С целью противостояния данному явлению в канву поэтического текста вводится эксплицитный атрибут отрицания (частица *не*). Семантическую линию отрицания продолжает ряд субстантивов, ядро первичных значений которых составляют пейоративные семы: учебник – это *не бомж, не жалкий беспризорник, не адюльтера ловкий трюк, не слуга, не нахлебник*.

Метафорические образы исходной артефактной сферы амбивалентны. К примеру, вторичные наименования зданий, сооружений (*общежитие-ночлежка*), дополненные антропоморфным конкретизатором (*всяких упражнений сброд*) несут яркий пренебрежительный заряд и позволяют передать точку зрения автора по поводу безответственности некоторых берущихся за написание учебника «специалистов». По мелиоративному направлению развиваются медицинские и математические индивидуально-авторские метафоры (*ритма сердца верный датчик, аршином сердца нужно мерить*), которые выполняют функцию безошибочного ориентира.

Метафорические модели реципиентной сферы «учебник» в дискурсе Е. И. Пассова отличает отношения препозитивного неметафорического (учебник) и постпозитивного метафорического сегмента широкой тематической направленности (транспонируются образы из военной, антропоморфной, артефактной, медицинской, математической сфер). Коннотативное наполнение вторичных номинаций зависит от авторской эмоциональной оценки.

Список использованных источников

1. Старычонак, В. Д. Многасмысленность слова ў беларускай мове : у 3-х кн. – Кн. 3. Другасныя намінацыі ў мастацкім дыскурсе / В. Д. Старычонак. – Мінск : Колорград, 2017. – 301 с.
2. Тарасова, О. И. Феномен метафоры и развитие функциональной неграмотности молодёжи : точки возможного пересечения / О. И. Тарасова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2012. – Т. 18. – №1. – Ч. 1. – С. 203–211.
3. Пассов, Е. И. Методика как теория и технология иноязычного образования / Е. И. Пассов. – Кн. 1. – Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2010. – 543 с.
4. Пассов, Е. И. Сорок лет спустя или сто и одна методическая идея / Е. И. Пассов. – Москва : Глосса-Пресс, 2006. – 240 с.
5. Стариченок, В. Д. Образ человека в белорусском языковом континууме : монография / В. Д. Стариченок. – Минск : Колорград, 2018. – 292 с.
6. Березович, Е. Л. К семантической реконструкции метафоры родства в славянских языках / Е. Л. Березович // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов, Минск, 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации / Ответственные редакторы А. М. Молдован, С. М. Толстая. – Москва : Индрик, 2013. – С. 163–186.

Abstract. The object of the study is an individual author's metaphor (based on the material of selected works of the author and co-author of more than 100 textbooks of English, German, French and Russian languages by E.I. Passov). The subject of study is metaphorical modeling of the denotative field "textbook". The study will reveal the range of author associations and comparisons and expand the traditional understanding of the role of the textbook.

Keywords: E. I. Passov, metaphorical model, substantive metaphor, occasionalism, recipient sphere "textbook".

УДК 811.161.1`373.2:37.091.12

Д. А. Дементьева
Научный руководитель – Е. И. Холявко,
канд. филол. наук, доцент

АТРИБУТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВА *УЧИТЕЛЬ* (на материале Национального корпуса русского языка)

Аннотация. Статья выполнена на материале Национального корпуса русского языка и посвящена анализу черт и характеристик, приписываемых учителю в речи носителей. Исследуется представление о значимости соответствующего понятия. Рассматриваются речевые характеристики ядерных показателей лексемы *учитель* в сочетании с прилагательными по определенным параметрам.

Ключевые слова: лексема, контекст, языковая картина мира, значение, слово, русский язык.

Одним из самых важных и ценных в языковой картине мира славян считается понятие, выражающееся в русском языке словом *учитель*. В каждой культуре существует идеальный образ учителя. Он отличается в разные эпохи, но необходим для успешной передачи накопленного опыта следующим поколениям, а также для эффективного педагогического взаимодействия, которое обусловлено совпадением или согласованностью понимания эталонных образов учителя и ученика на разных полюсах профессионального и личностного общения.

Рассмотрим, каким образом представлена лексема *учитель* в различных словарных изданиях.

В Библейской энциклопедии *учитель* объясняется больше как духовный руководитель, что соответствует происхождению слова. В «Современном толковом словаре русского языка» Татьяны Федоровны Ефремовой *учитель* – это человек, который ‘занимается преподаванием какого-либо предмета в школе’ и ‘оказывает влияние на развитие кого-либо’, ‘является главой, автором какого-либо учения, высшим авторитетом в какой-либо области и имеет последователей’ [1]. В словаре синонимов русского языка к слову *учитель* выстраивается целый ряд синонимов: *наставник, преподаватель, воспитатель, руководитель, гувернер, ментор, репетитор, педагог, доцент, профессор, учительница, наставница, бонна, гувернантка, репетиторша, классная дама, мадам* [2].

Таким образом, согласно приведенным языковым фактам, учителем является тот, кто способствует процессу обучения, помогает человеку получать новые знания.

На основе анализа данных Национального корпуса русского языка можно узнать, какими характеристиками наделён *учитель* в речи носителей языка. Данная система представляет язык в многообразии типов дискурса, речевых жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов. Языковой корпус характеризуется представительностью и сбалансированностью: в него включены как устные, так и письменные тексты, представленные в конкретном языке. Тексты располагаются в определенном порядке, с помощью анализа которого можно отделить контексты свободного употребления от контекстов терминологизированных. Благодаря данным языкового корпуса представляется возможным судить о частотности употребления исследуемых лексем.

Сочетание лексемы *учитель* с прилагательными были рассмотрены по следующим параметрам:

- общее число появлений в корпусе;
- частотность употребления;
- особенности употребления.

Ответ на поисковый запрос в НКРЯ [3] дает 11 226 примеров с данным сочетанием.

Сферы употребления искомым единицам преимущественно:

- публицистическая (4987 вхождений (44.42%));
- художественная (3436 вхождений (30.61%));
- учебно-научная (1280 вхождений (11.40%).

В остальных сферах употребления количество вхождений незначительное.

Рассмотрим самые частотные примеры употребления сочетания лексемы *учитель* с прилагательными.

В конце XIX века наблюдается резкий рост сочетаемости существительного *учитель* с прилагательными *простой*, *рядовой*. Словосочетание *простой учитель* не отмечается до 1855 г., *рядовой учитель* – до 1967 г.:

В нем оказались не только способности простого учителя, но он оказался еще и латинист немалый [Т. Г. Шевченко. Близнецы (1855)];

В голосе никакого почтения, как будто он разговаривает с рядовым учителем, а не с инспектором РОНО [Л. А. Гартунг. Порог (1967)].

Все эти сведения демонстрируют амбивалентность в прагматической характеристике лексемы *учитель*: высокую потребность в представителях данной профессии, а также частоту упоминания в дискурсах.

Наиболее часто встречается словосочетание *школьный учитель*:

Школьный учитель – это очень большая ответственность, ответственность перед будущим нашего народа и нашей страны [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)].

Допустим, это школьный учитель, и он – хороший человек [Полина Волошина, Евгений Кульков. Маруся (2009)].

Данные контексты отлично иллюстрируют словарную статью в «Современном толковом словаре русского языка» Татьяны Федоровны Ефремовой. Они доказывают, что деятельность учителя неразрывно связана со школой.

Сравнение контекстов со словом *учитель* в сочетании с прилагательными *молодой* и *старый* демонстрирует необходимость развития, личностного роста человека, избравшего эту «трудную и беспокойную» профессию:

Здесь были расписаны все будущие житейские, научные, общественные успехи молодого учителя, которому предстояло точно в намеченные сроки перешагивать с одной ступеньки общественной лестницы на другую, чтобы в конце концов достичь ее вершины – положения видного ученого и высокопочитаемого автора трудов в защиту либерализма [А. И. Гасанов и др. Учебник по ТРИЗ (2000)].

Но никогда не жалел старый учитель, что избрал в жизни трудную и беспокойную профессию [В. Матушкин. Знакомые из Орловки // «Крестьянка», 1956].

Пройдя этот путь, человек может смело называться профессионалом, великим учителем:

Он, несомненно, великий учитель, а его приём обучения – подвиг, не знающий примеров в нашей истории [Александр Силаев. Подлое сердце родины (2007)].

За эти годы общения с Бутлеровым Густавсон впитал в себя все лучшее, что так обильно давал окружающим этот великий ученый, великий учитель и выдающийся человек [А. Е. Арбузов. Краткий очерк развития органической химии в России (1948)].

Нередко в контекстах встречаются контрастные понятия *хороший учитель* – *плохой учитель*:

Что хороший учитель – он и в том и в другом случае будет хорош, а плохой учитель – и в том и в другом случае будет одинаково плох [Игорь Кон, Ольга Балла. Человек с птичьего полета // «Знание – сила», 2010].

На самом деле категорий только две: хороший учитель и плохой учитель (вариант: любимый и нелюбимый) [Юрий Кашкин. Валюха-горюха // «Ковчег», 2013].

В ходе исследования мы пришли к выводу, что наиболее часто слово *учитель* фигурирует в следующих сочетаниях: *школьный учитель, старый учитель, великий учитель и хороший учитель*. Такие словосочетания указывают на большой авторитет представителя данной профессии в сознании носителей русского языка.

Данная профессия требует от специалиста определённых ораторских навыков. Без коммуникации ученика и учителя образовательный процесс невозможен.

Существенными являются следующие параметры осмысления образа: «психолого-педагогическое мастерство», «наличие знаний и интеллектуальные качества», «отношение к профессиональным обязанностям», «нравственные качества».

Можно сделать вывод, что целью обучения является трансляция мировоззрения, опыта, навыков, которыми обладает учитель. В идеале современному учителю должны быть присущи педагогический талант, профессиональная компетентность, добросовестное исполнение профессиональных обязанностей. Обязательными признаками эталонного учителя современности также являются высокий уровень интеллекта, коммуникативная культура, прекрасно развитые морально-этические качества, проявляющиеся во внимательном отношении к ученикам, справедливости, терпеливости, требовательности. Обладающего такими качествами учителя любят дети. Он имеет высокий общественный авторитет.

Список использованных источников

1. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – Москва : АСТ, 2006. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/260532>. – Дата доступа : 10.09.2023.
2. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Электронный ресурс] / Н. Абрамов. – Москва : Русские словари, 1999. – 575 с. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/. – Дата доступа : 10.09.2023.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/>. – Дата доступа : 12.09.2023.

Abstract. The article is based on the material of the National Corpus of the Russian language and is devoted to the analysis of the features and characteristics attributed to the teacher in the speech of native speakers. The idea of the significance of the corresponding concept is investigated. The speech characteristics of the nuclear indicators of the teacher lexeme in combination with adjectives according to certain parameters are considered.

Keywords: lexeme, context, linguistic worldview, meaning, word, Russian language.

УДК 372.881.161.1

И. П. Джальмамбетова

ПРИЁМЫ ВКЛЮЧЕНИЯ СПОРТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В УРОК РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье представлены различные приемы работы, используемые на урочных и факультативных занятиях по русскому языку в процессе изучения фразеологии. Новизна заключается в использовании в качестве дидактического материала спортивных фразеологизмов – устойчивых сочетаний из сферы спорта, который в настоящее время популяризируется и активно пропагандируется.

Ключевые слова: спортивный фразеологизм, русский язык, прием обучения, упражнение.

Нельзя отрицать тот факт, что фразеология, являясь разделом школьного курса русского языка, обладает богатым образовательным, развивающим и воспитательным потенциалом. Употребление фразеологизмов усиливает выразительность фразы, поскольку большинству из них свойственны обобщенно-метафорический смысл, оценочность, эмоциональность, образность. При этом знание семантики и стилистической принадлежности фразеологизмов, наличие их в активном словаре и умение употреблять устойчивые единицы адекватно той или иной коммуникативной ситуации делает речь яркой, меткой, выразительной.

На наш взгляд, представленный в школьных учебниках фразеологический материал может быть значительно расширен и дополнен в связи с тем, что многое из основного корпуса фразеологии уходит на периферию языка, являясь стилистически ограниченной книжной формой речи, в то время как речевой субстандарт (профессиональная, жаргонная речь) и средства массовой информации продуцируют единицы, которые быстро входят в активное употребление современных носителей русского языка. Одной из таких сфер жизнедеятельности человека является спорт, который популяризируется, пропагандируется в настоящее время, поэтому целесообразно было бы обратиться на уроках к тем единицам языка, которые частотны и употребительны для данной сферы.

Приведем примеры упражнений, которые традиционно используются на уроках русского языка в средней школе для усвоения значения фразеологизмов. В качестве дидактического материала нами выбираются устойчивые сочетания из сферы спорта. Теоретические основы спортивной фразеологии подробно изложены в [1].

Задание 1. Распределите фразеологизмы на группы: «победа», «поражение», «ничья».

Заткнуть за пояс, обойти на повороте, прыгнуть выше головы, одержать верх, одной левой, дать сто очков вперед, дать фору, попасть в яблочко, зачехлить ракетку, сойти с дистанции, быть в ауте, победила дружба, патовая ситуация.

Задание 2. Как вы думаете, какой вид спорта можно считать источником происхождения данных фразеологизмов? Объясните свой выбор. В каких речевых ситуациях (вне спорта) возможно употребление данных фразеологизмов?

Время пошло, бежать высунув язык, наострить лыжи, во всю прыть, поймать ветер, держать удар, передать/принять эстафету, мотать круги, взять тайм-аут, второе дыхание, сделать ход конем, оказаться в цейтноте, выйти на финишную прямую.

Задание 3. Игра «Спортивный комментатор». Вспомните ситуацию в какой-либо спортивной игре, комментируя которую, уместно было бы употребить один из перечисленных фразеологизмов.

Ворота остались сухими, распечатать ворота, забить в девятку, попасть в десятку, гол престижа, реализовать большинство, снять мяч с ноги, крутить солнышко, играть белыми, слить матч.

Задание 4. «Найди лишнее». В каждом ряду найдите спортивный фразеологизм.

- 1) Нанести удар, **удар в молоко**, молочные реки, млечный путь
- 2) **Зарядить пушку**, дождь зарядил, ушки на макушке, зарядить телефон
- 3) Играть на нервах, играть первую скрипку, **играть первым номером**, на грани нервного срыва

Задание 5. Составьте с данными сочетаниями предложения так, чтобы в первом случае оно выступало как свободное, а во втором – как фразеологическое.

Сохранить пропуску (сохранить место среди участников турнира), *[громко] хлопнуть дверью [напоследок]* (выиграть в последнем матче, уже не имеющем турнирного значения), *холодный душ* (неожиданно пропущенный гол).

На факультативных занятиях следует шире использовать современные публицистические тексты, помогающие усвоить значение того или иного спортивного фразеологизма. Например:

Текст 1.

«Команда Германии выиграла в финальном матче против команды Чехии, забив золотой гол в дополнительное время. В 2000 году впервые один Чемпионат Европы принимали

две страны, Бельгия и Голландия. В финальном матче победила сборная Франции 2: 1. Чемпионат 2004 года стал единственным крупным турниром, на котором для определения победителя был применен «серебряный гол». В финале сборной Португалии, хозяйке чемпионата, противостояла Греция, которая и праздновала победу в чемпионате» (Чемпионат Европы по футболу: история и формат турнира. Справка // РИА Новости, 2008.06).

Задания по тексту:

1. Что означают выражения «золотой гол» и «серебряный гол»?
2. Почему голы в футболе получили такие определения?
3. Какие еще голы забивают в футболе, в других играх с мячом?
4. Расскажите о каком-нибудь спортивном турнире, о конкретной игре, где были забиты такие же голы.
5. Какие устойчивые выражения с компонентами «серебряный» и «золотой» вам еще известны?

Текст 2.

«С третьей попытки Марат Сафин смог взять «большой шлем» открытого чемпионата Австралии. Конечно, местные болельщики спали и видели в чемпионах своего теннисиста – Ллейтона Хьюитта, тем более в столетний юбилей этого турнира. Но Марат нарушил все радужные надежды...» (Марат Сафин: славу – России, деньги – себе... // Аргументы и факты, 2005.02).

Задания по тексту:

1. Объясните значение устойчивого спортивного выражения из текста «взять большой шлем».
2. Найдите фразеологизм во втором предложении. Объясните его значение. Уместно ли, на ваш взгляд, он употреблен в данном тексте?
3. Какая речевая ошибка в употреблении фразеологизма допущена в третьем предложении? Исправьте эту ошибку.

Кроме того, на факультативах по русскому языку интересно будет заняться подбором спортивных фразеологизмов из российской прессы, художественной литературы, кинофильмов, телепередач, определить, какие из них являются употребительными в последнее время.

Вместе с тем необходимо включать в учебный процесс упражнения, рассчитанные на запоминание фразеологизмов. Для успешного решения данной задачи можно использовать такие приемы, которые по своему существу носят грамматический, речевой, логический характер и в то же время способствуют усвоению устойчивых оборотов, запоминанию их структуры:

1. Использование фразеологизмов в качестве примеров, иллюстрирующих изучаемые правила.

Например: Найдите орфограмму в каждом из данных спортивных фразеологизмов. Объясните написание.

Играть насухо, засушенный мяч, расстрелять ворота, подносчик снарядов, попасть под раздачу.

Примечание. В предложенных фразеологизмах встречаются слова, требующие знания правил правописания наречий (*насухо*), н/нн в разных частях речи (*засушенный*), правописания приставок (*расстрелять, раздача*), суффиксов существительных чик/щик (*подносчик*).

2. Соотнесение фразеологизма и его значения

Например: Соотнесите фразеологизмы с их значениями. Объясните, как в сфере спорта появились такие неофициальные названия.

королева автоспорта
ледовый бал
пятнистый друг
чёрная таблетка
лучшая подруга вратаря
ведро без дна

футбольный мяч
штанга ворот
баскетбольная корзина
пятиборец
биатлонист
соревнования фигуристов

рыцарь пяти качеств
рыцарь двух качеств
ледовый боец
двенадцатый игрок

хоккеист
футбольные болельщики
автогонки «Формула – 1»
шайба

3. Восстановление фразеологизма.

Например: Соедините слова так, чтобы получился фразеологизм. Объясните значение получившихся сочетаний.

1) гол, глаз; 2) игра, качели; 3) держать, голодный, паёк; 4) жить, цейтнот; 5) сыграть, автомат.

Ответы: *гол с глазами, игра как на кафелях, держать на голодном пайке, жить в цейтноте, сыграть на автомате.*

4. Вставка во фразеологизм пропущенных слов-компонентов.

Например: Восстановите фразеологизм.

1) быть в..... состоянии; 2) отправить игрока в.....; 3) сохранить Сухими; 4) играть первым.....; 5) рыцарь..... качеств.

Ответы: *быть в разобранном состоянии, отправить игрока в буфет, сохранить ворота сухими, играть первым номером, рыцарь пяти качеств.*

5. Подбор фразеологизмов с данными словами.

Например: Вспомните устойчивые выражения со словами *судья, мяч, гол* или *матч*, которые употребляются в футболе.

Примечание. *Засвистать судью, золотой матч, гол престижа, серебряный мяч* и др.

С целью активизации фразеологизмов в речи используются традиционные упражнения: составление предложений с данными фразеологизмами, объяснение уместности фразеологизма в данном контексте, выбор наиболее удачного фразеологизма для данного контекста, составление предложений с фразеологизмами-синонимами и др.

Таким образом, на основе языкового материала из области спортивной фразеологии можно решить многие задачи, направленные на развитие компетенций в овладении русским языком и на повышение качества русской речи.

Список использованных источников

1. Савченко, А. В. «Спортивная фразеология» современного русского языка: общая характеристика и основные особенности / А. В. Савченко // Мир русского слова. – 2015. – № 4. – С. 31–37.

Abstract. The article presents various methods of work used in the scheduled and optional classes in the Russian language in the process of studying phraseology. The novelty lies in the use of sports phraseological units as didactic material – stable combinations from the field of sports, which is currently being popularized and actively promoted.

Keywords: sports phraseology, Russian language, training technique, exercise.

УДК 811.161.1`38:821.161.1-22*Ф.М.Достоевский

К. Е. Донцова

Научный руководитель – **Е. И. Холявко**,
канд. филол. наук, доцент

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «КРАСОТА» В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Аннотация. Статья посвящена интерпретации понятия «красота» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»; приводится характеристика персонажей романа, образы которых соотносятся с представлением о «положительно прекрасном человеке»; аргументируется гипотеза о том, что концептуальная

семантика обусловлена глубинной семантикой соответствующей базовой лексемы. Результаты выполненной работы могут быть использованы при исследовании идиостиля писателя.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, красота, семантика, лексема, архесема.

Понятие «красота» в творчестве Ф. М. Достоевского неоднократно было объектом исследования [1, с. 92–95]. О роли красоты в спасении мира написано множество работ [2; 3], источником которых стала интерпретация широко известного афоризма *Мир спасет красота*. Приведенный афоризм восходит к цитате из романа Ф. М. Достоевского «Идиот»: *«Правда, князь [Мышкин], что вы раз говорили, что мир спасет «красота»? Господа, – закричал он [Ипполит] громко всем, – князь утверждает, что мир спасет красота! Не краснейте, князь, мне вас жалко станет. Какая красота спасет мир?»* [4]

Но что же есть та самая красота, которая способна «спасти мир»? В статье мы предлагаем интерпретацию исследуемого понятия и приводим аргументы в доказательство того, что концептуальная семантика соответствующей лексемы обусловлена генетически. Как известно, замыслом романа «Идиот» было создание образа «положительно прекрасного человека». Обратим внимание на персонажей, представленных Ф. М. Достоевским в романе «Идиот».

Из уст князя Мышкина мы слышим суждение о красоте Настасьи Филипповны Барашковой. Потрясенный красотой ее портрета, князь Мышкин восклицает: *«Удивительное лицо! ... и я уверен, что судьба ее не из обыкновенных. Лицо веселое, а она ведь ужасно страдала, а? Об этом глаза говорят, вот эти две косточки, две точки под глазами в начале щек. Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра! Все было бы спасено!»* Индикатором красоты в приведённом отрывке является лицо, отражающее следы перенесённых страданий. Гордый взгляд героини свидетельствует о её характере, о силе воли, присутствии духа. Как писала Е. В. Кузнецова, «примирить этот контраст гордости и страдания способно начало добра. Но для этого необходима способность к прощению и смирению» [5, с. 152].

Н. О. Лосский отмечал, что «когда Достоевский задался целью «изобразить вполне прекрасного человека» и стал писать роман «Идиот», он особенно ярко выразил в характере своего героя, князя Мышкина, смирение». Однако для Настасьи Филипповны идеал смирения был слишком высок, именно этого ей недоставало. Жизнь героини закончилась трагически [6].

Другая сторона красоты, точнее её отсутствие, показана писателем в образе князя Мышкина. Н. О. Лосский пишет об этом так: «Мышкин наделён исцеляющей добротой и душевной красотой, но вовсе «лишён дара прозрения истины... Образ князя Мышкина чрезвычайно привлекателен; он вызывает сочувствие и сострадание, но от идеала человека он весьма далек. Ему не хватает той силы духа, которая необходима, чтобы управлять своею душевною и телесною жизнью и руководить другими людьми, нуждающимися в помощи. На чужие страдания он может откликнуться лишь своим страданием и не может стать организующим центром, ведущим себя и других сообща к бодрой жизни, наполненной положительным содержанием» [6]. Сочетая в себе такие прекрасные качества, как смирение и способность страдать, он не имел достаточной моральной силы для того, чтобы жить и влиять на своё окружение.

Таким образом, можно увидеть, что ни Настасья Филипповна, ни князь Мышкин не имеют в себе той красоты, которая является спасительной и преображающей.

Еще одной героиней романа, с образом которой соотносится понятие «красота», является Аглая Ивановна Епанчина. Ее имя в переводе с греческого трактуется как «ликующая» или «блестящая». В одном из первых описаний девушки Ф. М. Достоевский говорит, что она была красива, начитанна, и сестры ее считали, что ей предназначена судьба земного рая. На судьбу младшей дочери Епанчиных никогда не выпадало никакого горя. Она выросла в тепле, довольстве и благополучии. Любимица семьи, она ничего не знала о страдании. В образе Аглаи Ивановны ярким огнем выделяется решительный, свободолюбивый характер. Однако, несмотря на своенравие и напористость, в девушке все же присутствуют какая-то есте-

ственность, детская доверчивость, которые могли бы стать задатками смирения: «В каждой гневливой выходке Аглаи (а она гневалась очень часто) почти каждый раз, несмотря на всю видимую ее серьезность и неумолимость, проглядывало столько еще чего-то детского, не терпеливо школьного и припрятанного» [4].

Однако вопрос красоты спасительной все еще остается открытым. Как мы можем увидеть, ни один из рассмотренных нами персонажей не подходит вполне под Достоевское понятие настоящей красоты. В письме к племяннице С. А. Ивановой, говоря о желании своем «изобразить положительно прекрасного человека», Ф. М. Достоевский пишет, что эта задача безмерна, поэтому все писатели всегда перед нею пасовали. «На свете есть одно только положительно прекрасное лицо – Христос, но он есть «бесконечное чудо» [7, с. 343]. Видимо, уже тогда писатель осознавал тщетность своей попытки найти эталон красоты в человеке.

В «Дневнике писателя» за 1873 год в главе «Старые люди», а затем в письме к А. В. Алексееву 1876 года Федор Михайлович идеал красоты прямо связывает с образом и Заветом Христа: «Если... не будет жизни духовной, идеала Красоты, то затоскует человек, умрет, с ума сойдет, убьет себя или пустится в языческие фантазии. А так как Христос в Себе и в Слове своем нес идеал Красоты» то и решил: лучше вселить в души идеал Красоты; имея его в душе, все станут один другому братьями и тогда, конечно, работая друг на друга, будут и богаты... Но если дать и Красоту и Хлеб вместе? Тогда будет отнят у человека труд, личность, самопожертвование своим добром ради ближнего – дним словом, отнята вся жизнь, идеал жизни» [8, с. 9].

Ф. М. Достоевский считал красоту одной из главных потребностей человека. В одной из статей об искусстве он высказал идею о том, что потребность в красоте и творчестве, воплощающей ее, есть такая же потребность, как есть и пить, и без нее человек не захотел бы жить на свете. Красота для Ф. М. Достоевского – прежде всего нравственная категория. Она включает в себя понятия доброты, взаимопомощи, духовного подвига.

Базовая лексема, выражающая исследуемое понятие, в словаре языка произведений Ф. М. Достоевского отсутствует [9]. Можно было бы сослаться на словарь В. И. Даля как более близкий эпохе Ф. М. Достоевского, но слово *красота* там не зафиксировано.

В современном литературном языке лексема *красота* является многозначной: ‘свойство по значению прилагательного *красивый*’; ‘всё красивое, прекрасное’; ‘красивая, привлекательная внешность’; ‘красавица’; ‘красивые места; то, что производит впечатление своим красивым видом’; ‘удивительно, поразительно’ [10, с. 123]. Современная разветвленная семантическая структура сложилась не сразу. Вторичные значения развились на основе предшествующих: ‘яркий, красочный’, ‘цветущий, зрелый’, ‘приятный’, ‘чистый, мытый’ ‘правильный’, ‘хороший, подходящий’, ‘благообразный’, ‘крепкий, сильный, мощный’.

Красота характеризуется экспрессивной семантикой во всех славянских языках. Этим объясняется неизбежность ослабления выразительности и эволюция семантики этой лексемы, а также метафорический способ формирования семантики базового корня.

Слово *красота* образовано от прилагательного *красивый*. Генетически корень связан с глаголами **kresati* ‘высекать искру’ и **krěsiti* ‘оживлять, воскрешать’, ‘сверкать, искриться’. Истоки семантики обнаруживаем и в **krasa* ‘жар, блеск’ [11, с. 100, 96]. Таким образом, архесема огня является доминирующей.

Широко распространенными являются древние верования о божественном происхождении огня. Очищающая и разрушительная трансформирующая сила стихии огня препятствовала возможности думать иначе.

Но семантика корня со временем изменялась. Показательно, что свойственное слову значение ‘доброта’ является сейчас устаревшим. Это свидетельствует о переходе восприятия понятия красоты как внутреннего проявления качеств к внешним.

Принимая во внимание семантику лексемы *красота*, ее соответствия в других славянских языках, предлагаем выделить три семантических признака, по которым определяется красота в романе Ф. М. Достоевского: страдание, смирение, внутренний огонь.

По нашему мнению, этим критериям не соответствует ни один из охарактеризованных нами выше персонажей, но все критерии красоты соотносятся с образом Христа:

«Так написано, и так надлежало пострадать Христу...» (Ев. Луки 24:46) – страдание.

«Смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Фил. 2:7) – смирение.

«Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь» (Евр. 2:18) – внутренний огонь, способность к помощи.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что красоту не человеческого, а Высшего Идеала имел в виду Ф. М. Достоевский, когда говорил о том, что «мир спасет красота».

Список использованных источников

1. Манукян, Г. В. Концепт КРАСОТА (на материале произведений Ф. М. Достоевского : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Г. В. Манукян ; Московский гос. областной ун-т. – Мытищи, 2021. – 187 с.
2. Шараков, С. Л. Мотив красоты в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» / С. Л. Шараков // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2022. -- № 2(18). – С. 40–53.
3. Ткаченко, А. Г. Смысл слов Ф. М. Достоевского «Мир спасёт красота» в лекциях нобелевских лауреатов А. И. Солженицына и И. А. Бродского / А. Г. Ткаченко // Interdisciplinaritate și dialog (Междисциплинарность и диалог) : рецензируемый журнал науч. работ молодых исследователей / Кафедра славистики «Петру Караман» Ясского университета «Ал. И. Куза» (Румыния); редкол. : Н. Маноле [и др.]. – 2022. – № IV. – С. 182–184.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 25.10.2023.
5. Кузнецова, Е. В. Неоднозначность образа Настасьи Филипповны в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» [Электронный ресурс] / Е. В. Кузнецова // Наука и современность – 2015 : сборник материалов XXXV Междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 18 февраля 2015 г. / Под общ. ред. канд. экон. наук С. С. Чернова. – Новосибирск, 2015. – С. 149–154. – Режим доступа : <https://docviewer.yandex.by/view/0/?page=149&>. – Дата доступа : 25.10.2023.
6. Лосский, Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание [Электронный ресурс] / Н. О. Лосский. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953. – 411 с. – Режим доступа : <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/losskij-hristianskoe-miroponimanie/index.htm>. – Дата доступа : 25.10.2023.
7. Достоевский, Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. [Электронный ресурс] / Ф. М. Достоевский. – Т. 15 : Письма 1834–1881. – Ленинград : Наука, 1996. – 1131 с. – Режим доступа : <https://tvb.ru/dostoevski/01text/vol15/01text/468.htm>. – Дата доступа : 25.10.2023.
8. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя. 1873 [Электронный ресурс] / Ф. М. Достоевский. – Мюнхен : IMWERDENVERLAG, 2007. – 153 с. – Режим доступа : <https://docviewer.yandex.by/view/>. – Дата доступа : 25.10.2023.
9. Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / Российская академия наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; Гл. редактор чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов – Москва : Азбуковник, 2001. – 538 с.
10. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. – Москва : Рус. яз., 1985–1988. – Т. 2 : К–О, 1986. – 736 с.
11. Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд ; Под ред. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – Вып. 12 : **koultьkъ* – **kroma*/**kromъ*. – Москва : Наука, 1985. – 187 с.

Abstract. The article is devoted to the interpretation of the concept of «beauty» in F. M. Dostoevsky's novel «The Idiot»; the characteristics of the characters of the novel whose images correspond to the idea of a «positively beautiful person» are given; the hypothesis that conceptual semantics is due to the deep semantics of the corresponding basic lexeme is argued. The results of the work performed can be used in the study of the writer's idiosyncrasy.

Keywords: F. M. Dostoevsky, beauty, semantics, lexeme, archeseme.

Д. А. Дроздова, А. А. Мухина
 Научный руководитель – А. А. Аксёникова-Бирюкова,
 магистр филол. наук

ОБ ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ КИТАЙСКИХ ИЕРОГЛИФОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ТЕЛО И ЧАСТИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается история появления китайской письменности, связь концепции понимания мира людьми с символизмом частей тела. Исследуется этимология некоторых иероглифов, обозначающих части тела человека.

Ключевые слова: иероглифы, китайское письмо, культурные особенности, человек, тело.

Китайские иероглифы являются неотъемлемой частью китайской культуры. Это не просто символы, они представляют собой одну из самых загадочных, интересных и сложных форм письменности. Китайская иероглифика – уникальная языковая система, в которой знания закрепляются в сознании человека не только звуковым, визуальным и семантическим кодом, но и символическим. Данная символическая система представляет собой отображение с помощью знаков внутреннего мира человека, окрашенного познавательной составляющей, изучение которой позволит лучше понять ценности, представления, приоритеты и культурную среду китайского этноса. В китайской традиционной историографии считается, что древнейшей формой китайской письменности было узелковое письмо, которое представляло собой горизонтальную нить, с подвешенными тонкими веревочками и завязанными на них узелками. Размер узелков и расстояние между ними передавали необходимую информацию. Изначально подобное использовалось в ритуальных целях, но позже это «письмо» преобразовалось в способ передачи информации. Однако «писать» и расшифровывать такие послания мог узкий круг лиц [1].

Согласно древней легенде, создателем китайской письменности, а именно набора пиктограмм, стал Цан Цзе, придворный историограф императора Хуан-ди (ок. 2700 г. до н. э.). По преданию, во время прогулки Цан Цзе наблюдал за следами птиц и животных, по которым он смог понять, кому они принадлежат. Тогда он сделал вывод, что все предметы и явления можно изобразить в виде символов. Для этого необязательно точно их рисовать, достаточно использовать условные обозначения. Так и появились графемы, которые явились основой для возникновения иероглифов. Это привело к отказу от узелкового письма. Цан Цзе создал первый «словарь» китайских иероглифов, в который вошли 540 базовых знаков – *вэнь* 文 [2].

Китайское письмо – сложная система знаков, которая берет начало в XVIII веке до н. э. и продолжает развиваться в настоящее время. В течение почти четырех тысяч лет иероглифика реформировалась и преобразовывалась. Китайское письмо преодолело длинный путь от *цзягувэнь* (гадательных надписей на костях) до современного образа, оставив визуальные отсылки о своих истоках.

Познание человеком мира начинается с самого себя, с собственного тела, его функций, при этом осмысление «себя в теле» ведет к его метафорическому осмыслению, к тому, что части тела обретают некий символизм. Для китайцев тело – не просто материя или механизм. Человек и человеческий организм является связующим звеном триады *тхень* 天 небо – *жэнь* 人 человек – *ди* 地 земля. Это представление о единстве макро- и микрокосма выразилось и в мифологии о происхождении мира и людей. [3] Согласно китайским мифам, первоначально во Вселенной был бесформенный хаос. Со временем в нем образовалось вселенское яйцо, из которого появился Пань-гу, являющийся первым человеком, мифическим первопредком. Считается, что взмахом топора Пань-гу отделил Инь от Ян и создал мутную часть – землю (Инь) и светлую часть – небо (Ян) [4]. Чтобы Инь и Ян не соединились, он каждый день от-

талкивал небо от земли. Когда Пань-гу убедился, что земля и небо не нуждаются в том, чтобы он их подпирал, он умер. Здесь представлена версия происхождения всего существующего из тела умершего Пань-гу: вздох стал ветром и облаками, голос – громом, левый глаз – солнцем, правый – луною, туловище с руками и ногами – четырьмя странами света и пятью горами, кровь – реками, жилы – дорогами, плоть – почвою, волосы на голове и усы – звездами, кожа и волосы на теле – травами, цветами и деревьями, зубы и кости – металлом, костный мозг – нефритом, пот – капельками дождя и росы. Люди произошли из паразитов, ползавших по телу Пань-гу [4].

Специалисты в области китайского языкознания отмечали, что в процессе конструирования концепций понимания мира людьми важную роль играет символизм частей тела. Эти значения употребляются для выражения национальной культуры и национальных культурных особенностей.

Иероглиф *шэнь* 身 ‘тело’ представляет собой наклоненного человека с большим животом. В словаре «Шовэнь цзецзы» сказано: «身 означает тело в поклоне, тело человека». Первоначально иероглиф изображал беременную женщину с большим животом, внутри которого была точка и означал ‘забеременеть’. Тело беременной женщины тяжелое, поэтому ей приходится нагибать поясницу, что напоминает начертание иероглифа *шэнь* 身 [5, с. 77].

После периода Пяти династий (907–960) пожилые женщины называли себя *лаошэнь* 老身, что имеет отношение к первоначальному значению иероглифа *шэнь* 身, так как только женщины вынашивают ребенка.

Иероглиф *шоу* 首 ‘голова’ представляет собой изображение глаза и трех волосков. Интерес представляет происхождение выражения *шоуцзи* 首级 – *голова убитого врага*, которое связано с учрежденной в ходе реформ Шан Яна системы воинских заслуг, когда за добытые на войне головы врагов полагалось вознаграждение – пожалование титулов. Ранг первого разряда давался за одну голову, второго – за две и так далее. Позже выражение *и шоу и цзи* 一首一级 – *одна голова – один ранг* было сокращено до *шоуцзи* 首级 – *голова убитого врага*. Данная система пожалований рангов в обмен на головы врагов существовала до периода эпохи Северная Сун (960–1127), после чего она была отменена.

Верховный правитель в древности и глава государства в настоящее время называются *юаньшоу* 元首, где знак *юань* 元 также означает голову. Все, что находится ниже головы, с помощью выражения *зугун* 股肱 ‘бедро и плечи’ обозначает верных помощников, министров.

Выражение *шоуцун* 首丘 – *голова к кургану*, которое используется для обозначения тоски по родине и желания быть похороненным в родных краях, связано со словами *ху сы шоуцун* 狐死首丘 – *лиса умирает головой к норе*. По древнекитайским представлениям, лиса никогда не забывает, где ее нора и, даже умирая, она всегда поворачивается к ней головой [6, с. 77].

В изображении иероглифа *шоу* 首 ‘голова’ – в верхней части представлены волосы, а в нижней – глаз. Иероглиф *му* 目 ‘глаз’ входит в состав обоих иероглифов современного слова *юаньцзин* 眼睛 ‘глаза’.

Китайцы считают, что для того, чтобы понять, красив человек или нет, надо посмотреть ему в глаза. Например, выражение *цян янь* 抢眼 – *привлекающий внимание* в значении ‘бросаться в глаза’. Существует китайская поговорка о любви *гэ хуа ху гэ юань* 各花入各眼 – *красота в глазах смотрящего* [7, с. 98]

Самым сложным в традиционной китайской живописи считалось нарисовать глаза. По легенде, один художник изобразил на стене храма четырех драконов, не нарисовав им зрачки. Он сказал людям, что драконы улетят, если он сделает это. Люди не поверили ему, и тогда художник дорисовал зрачки двум драконам, которые после этого взмыли в небо, а два других остались на стене. Эта легенда вошла в историю по названию *хуалун дяньцзин* 画龙点睛 – *Нарисовав дракона, пририсовать ему зрачки*. Позже это выражение стало использоваться для того, чтобы сказать, что к словам или произведению был добавлен решающий штрих.

Если к ключу 目 сверху добавить *шоу* 手 ‘рука’, то получится иероглиф *кань* 看 ‘смотреть’. Люди прикрывают глаза рукой, если смотрят куда-то при ярком солнце. Изначально значение иероглифа *кань* 看 – *смотреть вдаль*. Сегодня этот иероглиф используется в таких выражениях как *каньшу* 看书 – *читать*, *кань дяньши* 看电视 – *смотреть телевизор*.

Иероглиф *фа* 发 ‘волосы’ – один из самых многозначных в китайском языке. Он появился в результате преобразования двух иероглифов 發 (fā) и 髮 (fà). Все переносные значения иероглифа, которые возникли из основного смысла ‘бросать, пускать, метать’, произносятся первым тоном – *fā*. Основное значение иероглифа 髮 – *волосы на загривке у собаки*.

Супруги, вступившие в брак первый раз зовутся *молодожены*, дословно ‘муж и жена, связавшие волосы’. Отрезанные волосы мужа и жена связывали в пучок, что символизировало вечную любовь и единодушие [6, с. 58].

Иероглиф *чи* 齿 ‘зуб’ изначально представлял собой пиктограмму. В период Чжаньго он превратился в фонограмму путем добавления фонетика *чжи* 止 над иньским знаком. В древности передние зубы назывались *чи* 齿, а задние *я* 牙 [6, с. 214].

Считалось, что такое чувство, как ненависть, может выражаться с помощью зубов: *яоя* 齧 咬牙切齿 – *скрежетать зубами* [7, с. 344].

Так как состояние зубов человека часто связано с его возрастом, то и иероглиф 齿 означает ‘возраст’; в переносном смысле им называются предметы, выстроенные, подобно зубам, в ряд. В дальнейшем знак приобретает глагольное значение ‘расставлять по порядку’.

Таким образом, становится понятно, что иероглифы – намного большее, чем просто набор графем и черт, в них отражаются особенности менталитета китайцев. Китайская письменность – это искусство. В каждый знак вкладывается большее, расширенное значение, чем в просто слово. Иероглифика – некая философия Китая. Части тела имеют символическое значение и отражают национальные культурные особенности.

Список использованных источников

1. Арекеева, Ю. Е. Основы иероглифического письма : учеб. пособие / Ю. А. Арекеева. – Ижевск : Издательский центр «Удмуртский университет», 2020. – 88 с.
2. Бескова, И. А. Телесность как эпистемологический феномен / И. А. Бескова. Москва : Ифран, 2009. – С. 147–161.
3. Одинцова, М. П. Человек как вселенная : образ «целого» и «части» в языковой картине мира / М. П. Одинцова // Человек. Культура. Слово : мифопоэтика древняя и современная : Межвуз. сб. науч. тр. / Омский гос. ун-т. – Вып. 2. – Омск : ОмГУ, 1994. – С. 73–80.
4. Ежов, В. В. Мифы древнего Китая / В. В. Ежов ; [Предисл. и коммент. И. О. Родина]. – Москва : ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 496 с.
5. Ши Динго, Ло Вэйдун. Мудрость китайских иероглифов / Динго Ши, Вэйдун Ло ; Пер. с кит. А. А. Матвеевой, Д. А. Чунюкина. – Москва : ООО Междунар. издат. компания «Шанс», 2022. – 215 с.
6. Сюй, Хуэй Этимология китайских иероглифов. Сто самых красивых китайских иероглифов, которые должен знать каждый / Хуэй Сюй ; Пер. с кит. Д. Е. Куликова, А. А. Никитиной, А. О. Фиалковской. – Москва : ООО Международная издательская компания «Шанс», 2020. – 407 с.
7. Готлиб, О. М. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений / О. М. Готлиб, Му Хуаин. – 2-е изд., стереотип. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. – 596 с.

Abstract. The article examines the history of the emergence of Chinese writing, the connection between the concept of people understanding the world and the symbolism of body parts. The etymology of some hieroglyphs denoting parts of the human body is explored.

Keywords: hieroglyphs, Chinese writing, cultural characteristics, person, body.

С. В. Думаренок
Научный руководитель – **Е. Е. Иванов**,
д-р филол. наук, профессор

КРЫЛАТЫЕ СЛОВА ИЗ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВЫХ ИСТОЧНИКОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются крылатые выражения и афоризмы, которые употребляются в современном английском языке и заимствованы в него из различных языков (французского, немецкого, испанского, итальянского и др.). Такие крылатые выражения и афоризмы происходят из текстовых источников на иностранных языках: поэзии, прозы, драматургии, публичной речи, философии, эпистолярных текстов, научных и научно-популярных произведений, названий, публицистики, биографий, анонимных произведений, текстов массовой коммуникации – девизов и слоганов, песен, кинодискурса, фольклора, граффити, юридических текстов. Приводятся материалы к учебному словарю крылатых выражений и афоризмов из иноязычных текстовых источников (для тех, кто изучает английский язык как иностранный).

Ключевые слова: английский язык, фразеология, афористика, крылатые слова, иноязычные заимствования, учебный словарь

В английском языке функционирует очень много крылатых выражений и афоризмов, которые восходят к разным иноязычным текстовым – литературным и фольклорным – источникам (французским, немецким, испанским, итальянским и др.) [1]. Крылатые афоризмы такого рода часто утрачивают ассоциативную связь с источником своего происхождения и начинают функционировать в речи как пословицы [2; 3]. Крылатые выражения и афоризмы, восходящие к разным иноязычным текстовым источникам, целесообразно выделять в специальную категорию сверхсловных единиц, которые должны рассматриваться отдельно при преподавании лексики и грамматики английского языка как иностранного [4; 5; 6; 7] и при сопоставлении его с родным языком [8; 9]. Особенно сравнение крылатых афоризмов и пословиц литературного происхождения в английском и белорусском языках, еще недостаточно изученных на данный момент [10; 11; 12; 13; 15].

В современных англоязычных СМИ нами было зафиксировано свыше 500 крылатых выражений и афоризмов из иноязычных текстовых источников XIX–XX вв. (по уменьшению их представленности: поэзии, прозы, драматургии, публичной речи, философии, эпистолярных текстов, научных и научно-популярных произведений, названий, публицистики, биографий, анонимных произведений, текстов массовой коммуникации – девизов и слоганов, песен, кинодискурса, фольклора, граффити, юридических текстов). Языками-донорами являются (по уменьшению количественной представленности): французский, немецкий, русский, испанский, итальянский, норвежский, новогреческий, китайский, португальский, датский, арабский, чешский, польский.

Крылатые выражения и афоризмы в современном английском языке, которые восходят к иноязычным текстовым источникам целесообразно описать в специальном учебном словаре (по аналогии с описанием крылатых выражений и афоризмов немецкого языка [16]). В словарной статье необходимо отразить форму крылатого выражения или афоризма на английском языке и на языке оригинала, название текстового источника и его автора, примеры употребления, иллюстрирующие широкое функционирование данной единицы в современном английском языке. Словарная статья имеет следующий вид.

Silence alone is the sovereign contempt. (< French: *Le silence seul est le souverain m'èpris*). «Mes Poissons», Charles-Augustin Sainte-Beuve (1804–1869). *For the fact is that it is not words alone that convey information, but silence as well. Silence can speak – not ... «Silence is the sovereign contempt (le silence est le souverain me'pris)» wrote Sainte-Beuve («Studies in*

Philosophical Anthropology» by Nicholas Rescher). *Silence is not always golden. Charles Augustin Sainte-Beuve called silence «sovereign contempt» («Is this Divorce Really Necessary?» by Robert Lofton Hudson).*

To jealousy, nothing is more frightful than laughter. (< French: *Rien n'est plus affreux que le rire pour la jalousie*). «La Chamade» (1965) ch. 9, Françoise Sagan (1935–2004). ...*As a special treat for the kids, saying, «Perhaps we've time to have a look ... To jealousy, nothing is more frightful than laughter» («The Mammoth Book of Comic Quotes» by Geoff Tibballs). Over one image of people hanging from ropes is a juxtaposed quote that further suggests a critical literacy practice: «To jealousy, nothing is more frightful than laughter» («Boys, Girls, and the Myths of Literacies and Learning» by Roberta F. Hammett, Kathy Sanford).*

Believe me! The secret of reaping the greatest fruitfulness and the greatest enjoyment from life is to live dangerously! (< German: *Glaukt es mir! – das Geheimniss, um die grösste Fruchtbarkeit und den grössten Genuss vom Dasein einzuernten, heisst: gefährlich leben!*). «Die fröhliche Wissenschaft» (1882) bk. 4, sect. 283, Friedrich Nietzsche (1844–1900). *The advice given by him to reveal the secret of joy is this: «Believe me! The secret of reaping the greatest fruitfulness and the greatest enjoyment from life is to live dangerously!» («Celebration of Ignorance A Miscellany of 30 Essays to Entertain and Inform» by P. E. S. Kartha). Friedrich Nietzsche (1844–1900), philosopher and existentialist, believed the «secret of reaping the greatest fruitfulness and the greatest enjoyment from life is to live dangerously» («Listen to Your Kids: Solutions for Distraught Teachers and Parents» by Thomas Harvey).*

Pure and complete sorrow is as impossible as pure and complete joy. «War and Peace» (1868–1869) bk. 15, ch. 1, Leo Tolstoy (1828-1910). *To quote Tolstoy, «Pure and complete sorrow is as impossible as pure and complete joy («Off the Clock: Feel Less Busy While Getting More Done» by Laura Vanderkam). Pure and complete sorrow is as impossible as pure and complete joy. A gruff male voice said... («Seaweed in the Soup» by Stanley Evans).*

Civilization is nothing more than the effort to reduce the use of force to the last resort. (< Spanish: *La civilización no es otra cosa que el ensayo de reducir la fuerza a ultima ratio*). «La Rebelión de las Masas» (1930) in «Obras Completas» (1947) vol. 4, p. 191, José Ortega y Gasset (1883-1955). *José Ortega y Gasset (1883-1955) defined civilization as» nothing else than the attempt to reduce force to being the last resort («Living Buddhism», vol.7). Civilization is nothing more than the effort to reduce the use of force to the last resort («The United Nations Secretariat and the Use of Force in a Unipolar World: Power V. Principle» by Ralph Zacklin).*

The good, the bad, and the ugly. (< Italian: *Il buono, il brutto, il cattivo*). Title of film (1966), Age Scarpelli et al. «*The Economics of the Good, the Bad and the Ugly: Secrets, Desires, and Second-Mover Advantages*» (Title of the book by Manfred J. Holler). *Let yourself finally step down from that stressful tightrope you've been walking between the good, the bad and the ugly, onto safer, more comfortable, solid ground («The Good, the Bad & the Ugly Paramedic» A Book for Growing the Good, Breaking the Bad & Undoing the Ugly in Paramedicine» by Tammie Bullard).*

But good God, people don't do such things! (< Norwegian: *Men, gud sig forbarme, – sligt noget gir man da ikke!*). «Hedda Gabler» (1890) act 4, Henrik Ibsen (1828-1906). «*But good God! People don't do such things!*» gasps Judge Brack, «prostrated» in his chair. *Hedda has left this small stage of fools for an even smaller one of her own making («Fangs Of Malice: Hypocrisy Sincerity And Acting» by Matthew H Wikander). When Brack discovers Hedda has killed herself, Ibsen points up his false propriety to end the play: «Good God – But – people don't do such things» («A Companion to Satire: Ancient and Modern» by Ruben Quintero).*

Описание в учебном словаре иноязычных крылатых выражений и афоризмов, широко употребительных в современном английском языке, будет способствовать более эффективно-му усвоению сверхсловных единиц при его изучении как основного иностранного на лингвистических специальностях.

Список использованных источников

1. The Oxford Dictionary of Quotations / Ed. by E. Knowles. – 2th ed. – New York : Oxford University Press, 2014. – 1768 p.
2. Ivanov, E. E. Etymology of English Proverbs / E. E. Ivanov, Ju. A. Petrushevskaja // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – Vol. 8. – No. 5. – Pp. 864–872.
3. Иванов, Е. Е. The Etymology and History of English Proverbs : учеб. пособие / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 80 с.
4. Василенко, Е. Н. English. Developing Speaking and Writing Skills : учеб. пособие : в 2 ч. / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернева. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – Ч. 1. – 348 с. ; Ч. 2. – 232 с.
5. Василенко, Е. Н. English. Developing Speaking and Writing Skills : учеб. пособие / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернева. – Минск : РИВШ, 2023. – Ч. 1. – 292 с.
6. Глуханько, Л. В. Practical English Grammar: Verbals : учеб.-метод. пособие / Л. В. Глуханько, Н. Д. Голякевич, С. П. Зубрий, Е. Е. Иванов. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2017. – 168 с.
7. Голякевич, Н. Д. Practical English Grammar: Morphology : учеб. пособие / Н. Д. Голякевич, С. П. Зубрий, Е. Е. Иванов. – Минск : РИВШ, 2019. – 268 с.
8. Романова, Н. К. Типы межъязыковых сходств и различий паремиологических единиц / Н. К. Романова, Е. Е. Иванов // Acta albaruthenica, rossica, polonica – VII / под ред. А. М. Мезенко. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2006. – С. 161–164.
9. Ivanov, E. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology / E. Ivanov, V. Feldman // Acta Germano-Slavica. – 2007. – Vol. 1. – Pp. 85–97.
10. Крылатыя выразы ў беларускай мове: з іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст. : тлумачальны слоўнік. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2004. – 136 с.
11. Іваноў, Я. Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э.–XX ст. : тлумачальны слоўнік / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2011. – 164 с.
12. Петрушэўская, Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы : беларуска-іншамоўны слоўнік / Ю. А. Петрушэўская. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2020. – 316 с.
13. Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / пад рэд. Я. Я. Іванова. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2009. – 240 с.
14. Іваноў, Я. Я. Англійскія эквіваленты беларускіх прыказак (лексікаграфічны аспект) / Я. Я. Іваноў, В. А. Максімава // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – 2015 : сб. науч. статей. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – С. 191–196.
15. Иванов, Е. Е. Различия в семантике и структуре белорусских и английских пословиц / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь : сб. науч. статей. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2011. – С. 213–215.
16. Tepljakowa, A. Über den Aufbau des Wörterbuchs der geflügelten Worte der modernen deutschen Schriftsprache (für Belarussen, die Deutsch als Fremdsprache studieren oder lernen) / A. Tepljakowa // Językoznawstwo. – 2020. – No. 1(14). – S. 107–128.

Abstract. The article discusses catchphrases and aphorisms that are used in modern English and borrowed from various languages (French, German, Spanish, Italian, etc.). Such catchphrases and aphorisms come from text sources in foreign languages: poetry, prose, drama, public speech, philosophy, epistolary texts, scientific and popular science works, titles, journalism, biographies, anonymous works, mass communication texts (mottos, slogans), songs, film discourse, folklore, graffiti, legal texts. Materials are provided for the educational dictionary of catchphrases and aphorisms from foreign language text sources (for those who study English as a foreign language).

Keywords: English, phraseology, aphorism, catchwords, foreign borrowings, educational dictionary

У. О. Евтихеева

Научный руководитель – А. А. Аксёникова-Бирюкова,
магистр филол. наук

ЖЕРТВЕННЫЕ СОСУДЫ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ: ЯЗЫКОВОЕ ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности ритуалов жертвоприношения в Древнем Китае, а также использование жертвенных сосудов как части ритуальной символики. Исследуется происхождение названий некоторых из них.

Ключевые слова: Китай, религия, сосуды, вино, жертвоприношения.

На протяжении всей истории своего существования человечество обращалось к религии. Каждая формировала свои догматы и манеру поклонения выбранному божеству или целому пантеону. В древнем Китае религия в европейском понимании этого слова в принципе не возникла: не было священного писания, подобного Новому Завету, Корану или Торе, четкого понятия «бог», осознания особенности собственной религии по сравнению с другими, поскольку на территории Поднебесной до появления там в I в. н. э. или немногим ранее буддизма их попросту не было. Однако это не означает отсутствие там вообще всяких элементов верований в высшие силы и потусторонний мир и в связи с этим отсутствие, пусть своеобразной, религиозной жизни. Древние китайцы верили в Небо, Землю, Душу, обожествляли Императора, чтили культ предков и имели божественных существ, не столько считавшихся богами, сколько душами с божественной силой. Так формировалось множество культов и приуроченных к ним ритуалов.

Все отношения между китайцами издавна были подчинены сложному ритуалу, имеющему мировоззренческое значение. И, как отмечено в книге «Цзо чжуань» «左传», комментариях к хронике «Чуньцю» «春秋» «Весны и осени», написанных Цзо Цюмином 左丘明 около IV в. до н. э.: «Ритуал основан на постоянном движении неба, порядке явлений на земле и поведении народа. Ритуал – это устой в отношениях верхов и низов, основа и уток неба и земли. Он дает жизнь народу» [1].

Большую часть ритуалов Древнего Китая составляли жертвоприношения, при этом совершали их высокопоставленные чиновники. Император также мог вести церемонию, если это давало ему возможность укрепить свою власть и продемонстрировать божественную силу. Такие ритуалы являли собой само благословение Небес.

Жертвоприношения были важным ритуалом для всех аспектов жизни древних китайцев: погода, урожай, благословение любого важного решения или событий, рождение и смерть. Например, во времена династии Чжоу (1045–256 гг. до н. э.) было главное празднество – го – шэ (земли). Это был всеобщий праздник, на который приглашались и правители соседних царств. Обряд шэ проводил правитель царства или всего Китая. За пять дней до начала весны чжоуский ван (правитель) вместе с помогавшими ему чиновниками – жрецами отправлялся в «покои воздержания», где несколько дней постился и совершал обряды. В день начала весны ван выходил на ритуальное поле, на котором происходило жертвоприношение и ритуальное возлияние вина в честь шэ, и собственноручно проводил на поле первую борозду. После него на поле выходили сановники и чиновники. Заканчивали обрабатывать это поле крестьяне. Считалось, что после такой вспашки божество земли шэ поселялось на полях, а осенью возвращалось к своему алтарю [2].

Бином *цзиси* 祭祀 ‘жертвоприношение’ представляет собой два иероглифа: *цзи* 祭 ‘жертвоприношение земным духам’ и *си* 祀 ‘жертвоприношение небесным духам’.

Иероглиф *цзи* 祭 ‘жертвоприношение земным духам’ состоит знаков *жшоу* 肉 ‘мясо’ и *ю* 又 ‘правая рука’. Написание иероглифа напоминает человека, который правой рукой осуществляет жертвоприношение.

Иероглиф *си* 祀 ‘жертвоприношение небесным духам’ состоит из двух элементов: ‘алтарь’ и ‘человек’. Он символизирует моление человека перед алтарем предков [3, с. 298].

В связи с наличием большого количества ритуалов жертвоприношения посуда для каждого из них должна была быть особенной. Так, во время правления династий Шан (1554–1046 гг. до н. э.) и Чжоу (1045–256 гг. до н. э.) появилось большое разнообразие жертвенных сосудов. Наиболее известным и распространённым был сосуд *дин* 鼎.

Специфичное изображение сосуда с двумя ушками в Цзягувэнь и выделение его как отдельный иероглиф было связано с предназначением данного сосуда не только для приготовления пищи, но и для жертвоприношений, а также казни через сварение. В современном китайском языке данный иероглиф может иметь значение ‘опора престола’ или ‘высокий пост’.

Иероглиф *дин* 鼎 входит в состав фразеологизма: *ню дин пэн цзи* 牛鼎烹鸡 – *Варить курицу в котле, предназначенном для быка* [4, с. 367]. Это выражение используется, когда человеку, обладающему большим талантом или исключительными способностями, поручают пустяковую работу.

Первые сосуды были керамические. С развитием бронзолитейной технологии, бронзовый сосуд *дин* 鼎 стал считаться символом власти и статуса, и делился на два вида: триподы – круглые, с тремя ножками, и тетраподы – квадратные или прямоугольные, с четырьмя ножками *фан дин* 方鼎.

Так как иероглиф *дин* 鼎 имело общее значение ‘сосуд’, то появился иероглиф *и* 彝 со значением ‘жертвенный сосуд’. Первоначально иероглиф *и* 彝 означал ‘держит двумя руками птицу, приносит жертву предкам и божествам’. В «Шовэнь цзецзы» сказано, что *и* 彝 – постоянный сосуд в храме предков. Но вскоре он приобретает обобщающее понятие «жертвенный сосуд» [3, с. 285].

Пик использования сосудов *дин* 鼎 пришёл на эпоху Шан. В это время они использовались как для приготовления и хранения пищи, так и в ритуальных целях. Некоторые сосуды были огромные по своему размеру, что свидетельствует о том, что в них могли быть принесены в жертву целые животные или даже человек.

С сосудами *ди* 鼎 связано предание о создании Китая. Когда легендарный китайский правитель Юй 禹 (2123 – 2025 гг. до н. э.) усмирил потоп и основал Ся, он разделил ее территорию на девять областей *цзючжоу* 九州 и приказал собрать с них дань бронзой. После сбора дани были отлиты девять бронзовых сосудов весом более шести тонн. Было решено, что каждый из них будет символизировать свою область, а все вместе демонстрировать полную власть правителя, дарованную Небом. Поэтому на каждом сосуде было выгравировано название области, количество дани, местоположение и пейзаж местности. В них имелся первый иероглиф, указывающий на само название, а второй отмечал, что это часть Ся: *Янчжоу* 扬州, *Цзинчжоу* 荊州, *Лянчжоу* 梁州, *Юнчжоу* 雍州, *Сюйчжоу* 徐州, *Юйчжоу* 豫州, *Цинчжоу* 青州, *Яньчжоу* 兗州, *Цзичжоу* 冀州. На данный момент все эти области являются провинциями, регионами или городами Китая [2].

На протяжении всей истории за эти сосуды шла ожесточенная война. Например, когда к власти пришел Чжоуский У-ван (правил в 1401–1374 гг. до н. э.), уничтоживший государство Шан, он продемонстрировал все девять сосудов, но в конечном итоге они были утеряны уже после династии Цинь (221–206 гг. до н. э.).

Кроме этого было еще очень большое количество утвари для жертвоприношений. Только для вина существовало более двадцати видов всевозможных сосудов. Но при этом все сосуды для жертвенного вина можно разделить на две группы: сосуды для подношения: *цзюэ* 爵 – кубок, *сань* 散 – бокал, *чжи* 觶 – винный сосуд, *цзюэ* 角 – рог и емкости для хране-

ния жертвенного напитка: *фоу* 缶 – глиняная амфора, *ху* 壺 – чайник, *вау* 瓦甗 – кувшин с крышкой, *лэй* 罍 – амфора, *сицзунь* 牺尊 – деревянный кубок для вина в форме жертвенного быка и *сянцзунь* 象尊 – винный сосуд в форме слона [3, с. 287].

Рассмотрим иероглиф *цзюэ* 爵. В Цзягувэнь было изображение сосуда с тремя ножками, относящими иероглиф к сосудам типа «триподы». Эту утварь использовали во время значительных церемоний, таких как рождение детей или свадьба. В современном китайском языке *цзюэ* 爵 используется в значении ‘кубок’ или ‘титул’, но это достаточно редкое употребление, в остальных случаях он входит в состав фраз или слов. Есть упоминание данного иероглифа в пословице: *жэнь ши жэнь цун цзюэ чжи* 任事然从爵之 – *Сначала поручи ему исполнение дел, затем возведи в титул* [4, с. 195].

Для обозначения жертвенного вина, приготовленного из проса и душистых трав, существовал иероглиф *чан* 鬯. Это ключ, который используется достаточно редко.

Особенными были жертвенные вазы для ритуального подношения плодов, злаков и блюд из мяса – *бянь* 筮, *доу* 豆 и *люйгуй* 饌簋. Посуда изготавливалась из бронзы, дерева, глины, нефрита. Вазы для продуктов могли быть сделаны из бамбуковых прутьев [3, с. 288].

Из перечисленных ваз хотелось бы выделить *доу* 豆 – *деревянная чаша*, т. к. данный иероглиф в современном китайском языке встречается достаточно часто [3, с. 288]. Особенность этого сосуда заключалась в том, что он был достаточно небольших размеров и предназначался исключительно для бобовых или рассыпчатых круп. Интересный факт, но в современном китайском языке 豆 – действительно переводится как бобы. Использовали данную утварь даже в повседневных ритуалах.

Жертвоприношения как ритуал занимали особое место в Древнем Китае, подкрепляя власть правящих семей. Этимология названий утвари для жертвоприношений отражает существующий в нем культ предков. Некоторые из них были призваны демонстрировать полную власть правителя, дарованную Небом.

Список использованных источников

1. Люй, Бувэй. Весны и осени господина Люя / Бувэй Люй [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.rulit.me/books/vyosny-i-oseni-gospodina-lyuya-lyujshi-chuncyu-read-411519-1.html>. – Дата доступа : 15.09.2023.
2. Кейдун, И. Б. Ритуальная атрибутика в древнем Китае / И. Б. Кейдун [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.synologia.ru/a/> – Дата доступа : 17.09.2023.
3. Сюй, Хуэй Этимология китайских иероглифов. Сто самых красивых китайских иероглифов, которые должен знать каждый / Пер. с кит. Д. Е. Куликова, А. А. Никитиной, А. О. Фиалковской. – Москва : ООО Междунар. издат. компания «Шанс», 2020. – 407 с.
4. Готлиб, О. М. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений / О. М. Готлиб, Му Хуаин. – 2-е изд., стереотип. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. – 596 с.

Abstract. The article discusses the features of sacrifice rituals in Ancient China, as well as the use of sacrificial vessels as part of ritual symbolism. The origin of the names of some of them is explored.

Keywords: China, religion, vessels, wine, sacrifices

Е. А. Епифанова
Научный руководитель – О. А. Димитриева,
канд. филол. наук, доцент

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА *ДЕЛИТЬ ШКУРУ НЕУБИТОГО МЕДВЕДЯ* В МЕДИАДИСКУРСЕ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу функционирования фразеологизма *делить шкуру неубитого медведя* в медиадискурсе, особое внимание уделяется трансформации данной фразеологической единицы. В статье рассматриваются трансформации фразеологизма с заменой одного из компонентов, с расширением состава и усечением устойчивого выражения.

Ключевые слова: трансформация фразеологизма, фразеологическая единица, *делить шкуру неубитого медведя*, медиадискурс, семантическая трансформация, структурная трансформация.

Данная работа посвящена изучению трансформации фразеологизма *делить шкуру неубитого медведя* в публицистических текстах. Рассмотрим понятие «трансформации». Трансформация – «любое отклонение от общепринятой нормы, закрепленной в лингвистической литературе, а также импровизированное изменение экспрессивно-стилистических целях» [1, с. 7].

Общепринятая классификация трансформации фразеологизмов была предложена Н. М. Шанским в его работе «Фразеология современного русского языка» [2]. Н. М. Шанский выделяет 8 типов трансформации фразеологизмов, основанных на семантических, структурных и структурно-семантических изменениях фразеологических единиц. Т. С. Гусейнова вслед за Н. М. Шанским выделяет два основных типа: семантическая и структурная трансформации [1, с. 8].

Изучение трансформации фразеологизмов продолжает быть актуальным для многих лингвистов, таких как В. В. Горлов [3], В. Н. Вакуров [4], Э. Д. Головина [5], Т. П. Куранова [6].

Предметом рассмотрения нашего исследования является фразеологизм *делить шкуру неубитого медведя* и его функционирование в медиадискурсе; при этом особое внимание уделяется трансформации данной языковой единицы. Материалом для исследования послужили статьи ежедневной общественно-политической газеты «Коммерсантъ» за период с 01.01.1991 по 07.03.2023, а также данные «Газетного корпуса» Национального корпуса русского языка [7]. Всего проанализировано 52 фразеологические единицы (далее – ФЕ). Исходное значение фразеологизма – это «преждевременно оценивать результаты какого-либо дела, распределять прибыль от еще не осуществленного предприятия, начинания» [8, с. 179]. В словаре дается с пометой «ироничное».

Рассмотрим, во-первых, трансформации фразеологизма с заменой одного из компонентов, во-вторых, с расширенным составом, в-третьих, с усечением.

Замена одного из компонентов ФЕ: а) изменение причастия *неубитый* другим в сочетании с расширением состава ФЕ; б) замена компонента *медведь* другим существительным; в) замена глагола *делить* однокоренным существительным или другой лексемой.

а) Наиболее часто заменяемым лексическим компонентом во фразеологизме *делить шкуру неубитого медведя* является причастие *неубитый*. Замену данной части ФЕ мы можем обнаружить в следующих примерах: *делить шкуру убитого медведя* [Коммерсантъ (далее – КТ) №33 от 29.02.2008], *делят шкуру убежавшего медведя* [КТ №196 от 26.10.1999], *делят шкуру непобитого медведя* [КТ от 26.03.2005], *делить шкуру северного медведя* [Н. Н. Брешко-Брешковский. Дикая дивизия (1930)]. В данных примерах структурные изменения сопровождаются добавлением новых семантических оттенков. Например, ФЕ *делить шкуру убитого медведя* употребляется автором статьи для характеристики неблагоприятных кадровых перестановок в «Оборонпроме»; посредством ФЕ *делят шкуру убежавше-*

го медведя [КТ №196 от 26.10.1999] описываются депутаты, которые занимаются разделом продуктов нефтепромышленности. В статье КТ от 26.03.2005 греческие волейболисты *делят шкуру непобитого медведя*, т. е. верят в свою гарантированную победу над российскими спортсменами.

Расширение фразеологизма за счет введения добавочных компонентов в виде усиленных слов *даже, еще* можно проследить в следующих примерах: *делить шкуру даже неубитого медведя* [КТ №49 от 15.12.2003], *делить шкуру еще неубитого медведя* [КТ №109 от 16.06.1994].

б) В публицистических статьях можно также найти лексическую трансформацию с заменой фразеологического компонента *медведь*: *деля шкуру неубитого тигра* [КТ №180 от 26.09.2012], *делить шкуру неубитого дедушки* [КТ от 06.11.2008, стр. 21], *делить шкуру неубитого Ельцина* [КТ №59 от 12.12.1992].

В некоторых фразеологических оборотах замена компонента *медведь* сопровождается отсутствием или изменением причастия *неубитый*: *делит шкуру Асада* [КТ №31 от 06.08.2012], *делят шкуру затонувшей «Булгарии»* [КТ №164 от 03.09.2011], *делят шкуру недобитого «Тибета»* [КТ №49 от 18.03.1995], *делить шкуру неубитого... простите, неиспытанного «Матиза»* [М. Колодочкин. Автоматизм // «За рулем», 15.02.2004]. Замена компонента *медведь* другим словом или словосочетанием носит контекстуальный характер. Ччаще всего на место «медведя» ставятся те лица, явления и предметы, на которые автор хочет обратить особое внимание. Например, ФЕ *деля шкуру неубитого тигра* употребляется в статье о фильме «Белый тигр», режиссер которого надеется на продвижение его фильма в мировом прокате; ФЕ *делить шкуру неубитого дедушки* относится к героям фильма «Технология», которые хотят получить Нобелевскую премию за научное открытие своего деда. В статье КТ №31 от 06.08.2012 сирийская оппозиция *делит шкуру Асада*, т. е. пытается сместить действующего президента Сирии – Башара Асада.

В прессе также можно встретить случаи паронимической аттракции, или паронимазии. Паронимическая аттракция придает тексту выразительность и образность, нередко используется при создании каламбура. Примеры паронимазии в анализируемом нами языковом материале: *делит шкуру Медведева* [КТ №7 от 27.01.1999], *шкура неубитой Медведицы* [КТ №40 от 09.10.2006]. В данных ФЕ компонент *медведь* заменен на однокоренные слова *Медведев* и *Медведица*, вследствие чего возникает каламбур, основанный на паронимической аттракции.

Замена лексического компонента *медведь* во фразеологических единицах, функционирующих в публицистических статьях, может сопровождаться усечением ФЕ: происходит сокращение состава фразеологизма, благодаря которому выражение становится более емким и наполняется новыми оттенками значения. Так, например, в следующих выражениях – *шкура неубитого писателя* [КТ от 13. 05. 2015], *шкура неубитого Зорро* [КТ № 32 от 15.08.2005], *шкура неубитого зверя* [КТ №57 от 31.03.1994] – опущен глагол *делить*.

В прессе можно найти и такие примеры усечения ФЕ, как *делить шкуру* [КТ 07.03.2023], *делит шкуру* [КТ №178 от 02.10.2014]. Авторы используют сокращение фразеологизма для создания эффекта усиленного ожидания с помощью незавершенной конструкции: в памяти читателя ФЕ восстанавливается до первоначального варианта. При этом смысл высказывания не меняется. Первый пример взят из статьи о специальной военной операции на Украине, повествующей о том, что не стоит заранее говорить о взятии Бахмута, т. е. «делить шкуру». Второй пример функционирует в статье о корпорации «Орелнефть», которая планирует привлечь инвесторов к проекту строительства в Орловской области нефтеперерабатывающего завода, т. е. просит вложить деньги в еще не реализованный проект.

в) Лексическая трансформация фразеологизма *делить шкуру неубитого медведя* выражена и в замене глагола *делить* однокоренными существительными или другой лексемой. В отобранном материале встречаются следующие примеры: *дележка шкуры неубитого медведя* [Радио «Ъ FM jп 05. 05.2020], *дележа шкуры неубитого медведя* [КТ от 20.12.2004],

разделявали шкуру неубитого медведя [КТ от 27.10.2001], *обещали шкуру неубитого медведя* [КТ №214 от 15. 12. 1999], *раздела шкуры неубитого медведя* [КТ №31 от 20.09. 1993], *в распределении шкуры неубитого медведя* [КТ №16 от 15.04.1991].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что трансформации фразеологизма *делить шкуру неубитого медведя* широко представлены в медиадискурсе. Нами были выявлены лексические трансформации, подразумевающие замену одного из компонентов ФЕ: а) изменение причастия *неубитый*; б) замена компонента *медведь* другим существительным; в) замена глагола *делить* однокоренным существительным или другой лексемой. Кроме того, мы проанализировали фразеологизмы с расширенным составом, выделили случаи с усечением ФЕ.

Список использованных источников

1. Гусейнова, Т. С. Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии : На материале центр. газет 1990–1996 гг. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. С. Гусейнова ; Дагестанский пед. ун-т. – Махачкала, 1997. – 188 с.
2. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – СПб. : Специальная литература, 1996. – 192 с.
3. Горлов, В. В. Фразеологизм как средство выразительности на страницах газет / В. В. Горлов // Русский язык в школе. – 1992. – № 5–6. – С. 35–37.
4. Вакуров, В. Н. Фразеологический каламбур в современной публицистике / В. Н. Вакуров // Русская речь. – 1994. – №6. – С. 40–47.
5. Головина, Э. Д. Виснет ли брань на воротах? Как мы коверкаем фразеологизмы / Э. Д. Головина // Русская речь. – 2003. – №5. – С. 61–65.
6. Куранова, Т. П. Способы трансформации фразеологических единиц в современных газетных заголовках (на материале печатных изданий «Аргументы и факты», «Правда») / Т. П. Куранова // Верхневолжский филологический вестник. – 2023. – № 2(33). – С. 97–105.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 22.09.2023.
8. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – Москва : Астрель, АСТ, 2008. – 878 с.

Abstract. This article is devoted to the analysis of the functioning of the phraseological unit "to divide the skin of an unkillable bear" in the media discourse, special attention is paid to the transformation of this phraseological unit. The article discusses the transformation of phraseology with the replacement of one of the components, with the expansion of the composition and truncation of a stable expression.

Keywords: transformation of phraseology, phraseological unit, dividing the skin of an unkillable bear, media discourse, semantic transformation, structural transformation.

УДК 811.161.1

М. С. Жавнерович
Научный руководитель – **С. В. Рудакова**,
д-р филол. наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей использования фразеологизмов в педагогическом дискурсе. В работе рассматриваются фразеологизмы, которые могут быть использованы учителями в общении с обучающимися и могут помочь в реализации различных функций педагогической деятельности.

Ключевые слова: фразеологизмы, педагогическая деятельность, воспроизводимость фразеологизмов, функции педагогической деятельности.

Под педагогической деятельностью подразумевается обучающее и воспитывающее воздействие педагога на ученика, которое направлено на его умственное, личностное, социальное и духовное развитие, а также на самосовершенствование [1, с. 62]. Можно выделить несколько основных функций педагогической деятельности: социальную (выполнение требований социума по уровню подготовки ученика), воспитательную (ориентир на самоконтроль и самодисциплину), эмоционально-оценочную (оценка деятельности обучающегося, которая создает у него определенный эмоциональный фон), информационную (анализ причин неудачных результатов и нахождение решения по устранению проблемы), функцию управления (выявление ошибок в педагогической деятельности и их корректировка с установленной обратной связью между педагогом и обучающимся) [2, с. 198].

Стоит отметить, что проблемы, связанные с педагогической деятельностью и ее функциями, в динамично развивающемся социуме всегда будут оставаться актуальными. Так, данная деятельность помогает обществу стабильно развиваться и совершенствоваться, а также способствует формированию преемственности поколений [3, с. 222]. Как отмечает Е. И. Хачикян, важной педагогической характеристикой учителя является «сотворчество в общении, поиск новых задач и способов взаимодействия с обучающимися» [4, с. 139], а общение напрямую связано с процессами познания [5].

Примечательно, что в процессе коммуникации между учителем и обучающимся функции педагогической деятельности могут осуществляться с помощью фразеологизмов – устойчивых неделимых словосочетаний, смысл которых не может определяться значением отдельных компонентов. Эти единицы языка обладают свойством воспроизводимости. Кроме того, фразеологизмы способны придать речи человека образность, яркость, красочность, эмоциональность, позволяют кратко и точно выразить мысли и чувства [6, с. 191]. Эти особенности данных языковых единиц помогают педагогу в его деятельности.

Рассмотрим некоторые фразеологизмы, которые могут использовать учителя в своей работе, и проанализируем, как они влияют на осуществление функций педагогической деятельности.

Интересно для анализа устойчивое выражение *от «а» до «я»*, которое означает ‘от самого начала до самого конца’ [7, с. 11]. Учителя могут использовать данное словосочетание, когда хотят донести до обучающихся, что им необходимо детально, основательно изучить определенный материал, который имеет особую важность. Такой фразеологизм легко запоминается обучающимися, заставляет обращать внимание на качественное выполнение задания. Можно сказать, что это устойчивое словосочетание помогает реализовать воспитательную функцию педагогической деятельности, так как оно ориентирует обучающихся на самодисциплину в изучении информации. Кроме того, фразеологизм *от «а» до «я»* помогает педагогам выполнять социальную функцию: общество требует от обучающихся соответствующего уровня знаний, значит, необходимо качественно изучать материал, целостно, системно, то есть *от «а» до «я»*.

Обратим внимание и на фразеологизм *бить баклуши* ‘праздно проводить время; бездельничать’ [7, с. 23]. Некоторые учителя используют данное устойчивое словосочетание для неодобрительной оценки поведения обучающихся, выражая недовольство по поводу бездействия учеников во время урока или при подготовке домашнего задания. Таким образом, фразеологизм *бить баклуши* способствует реализации эмоционально-оценочной функции педагогической деятельности. Данное устойчивое выражение способно вызвать сильные эмоции у обучающихся, мотивировать их активную деятельность, чтобы изменить оценку учителем их работы.

В реализации информационной функции и функции управления, помимо социальной, воспитательной и эмоционально-оценочной, может помочь фразеологизм *разжевывать каждое слово*. Данное устойчивое выражение означает ‘произнося слова медленно, с паузами’ [7, с. 560]. Используя такой фразеологизм, учитель ориентирует школьников на качественное усвоение информации (социальная функция), на то, чтобы они стали более дисциплинированными при изучении сложного материала (воспитательная функция); учитель хочет оценить, насколько тяжело/легко и медленно/быстро ученики осваивают материал (эмоционально-

оценочная функция). Кроме того, педагог этим фразеологизмом может обратить внимание на то, как он сам преподносит материал. Возможно, что обучающиеся не способны усваивать новые знания с той скоростью, с которой требует от них учитель, в чем заключается причина низкой успеваемости. Решением может стать более медленный процесс объяснения обучающимся нового материала (информационная функция). Из этого можно сделать вывод, что в данном случае педагог вынужден корректировать свою деятельность в процессе обучения (функция управления).

Представляют интерес фразеологизмы, в составе которых есть компонент *голова*. Например, учителя, характеризуя способности учеников, могут использовать следующие выражения: *ясная голова* 'ясно, логично мыслящий человек', *светлая голова* 'способный четко мыслить', *с головой* 'умный человек' [7, с. 146]. Данные фразеологизмы помогают осуществлять эмоционально-оценочную функцию педагогической деятельности и характеризуют обучающегося, его интеллектуальные способности положительно. Имеются также устойчивые словосочетания *пустая голова* 'несообразительный, духовно ограниченный человек' и *без головы* 'глупый человек' [7, с. 148]. Эти фразеологизмы, напротив, негативно характеризуют деятельность обучающихся и способны вызвать у них сильные эмоции, поскольку данные единицы языка обладают ярко выраженной экспрессивностью.

Эмоционально-оценочную функцию выполняет и устойчивое словосочетание *хватать на лету*, которое означает 'быстро и легко усваивать информацию' [7, с. 719]. С помощью такого фразеологизма педагоги хвалят учеников, имеющих успехи в учебе и с легкостью понимающих материал любой сложности. Сходную семантику отражает и другое выражение, содержащее в себе компонент *хватать*, – *хватать звезды с неба* 'отличаться выдающимися способностями и талантом' [7, с. 719]. Данный фразеологизм тоже способствует реализации эмоционально-оценочной функции, вызывая у обучающихся, о которых так отзываются, положительные чувства.

В заключение можно сделать вывод, что многие фразеологизмы, которые используются в речи учителей, способствуют осуществлению эмоционально-оценочной функции педагогической деятельности. Кроме того, есть устойчивые выражения, помогающие учителям выполнять социальную, информационную, воспитательную функции и функцию управления. Поэтому следует заключить, что фразеологизмы могут быть связаны со всеми сферами педагогической деятельности. Важным оказывается и то, что устойчивые словосочетания легко усваиваются, воспринимаются и воспроизводятся обучающимися, потому что такие языковые единицы выразительны, обладают образностью и экспрессивностью. По этой причине педагогу как коммуникатору проще воздействовать на обучающегося как на реципиента в процессе образовательного процесса с помощью фразеологизмов.

Список использованных источников

1. Андрусякова, И. П. Педагогическая деятельность, ее аспекты и структура / И. П. Андрусякова, Н. Ю. Сирота, И. Н. Карпова, И. В. Маслова, И. Ю. Мартынова // Вопросы науки и образования. – Белгород : ООО «Олимп», 2018. – С. 61–65.
2. Сайгушев, Н. Я. К вопросу о функциях педагогической деятельности / Н. Я. Сайгушев, О. А. Веденеева, А. С. Валеев // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 64-4 – С. 196–199.
3. Руденко, М. Б. Об актуальности педагогической деятельности в условиях цифровизации образования / М. Б. Руденко, Ю. Э. Голодков, А. В. Голодкова // Образование и право. – 2023. – №3. – С. 221–224.
4. Хачикян, Е. И. Педагогическое общение в профессиональной деятельности учителя литературы / Е. И. Хачикян // Libri Magistri. – 2017. – №4. – С. 139–144.
5. Speech communication in terms of cognition / S. A. Pesina, S. V. Kiseleva, S. V. Rudakova [et al.] // Revista de Investigaciones Universidad del Quindío. – 2022. – Vol. 34. – № S3. – P. 82–89.
6. Челпанова, М. Е. Функции фразеологизмов в русском языке / М. Е. Челпанова // Молодежь – наука : Образование, творчество, традиции : сборник трудов по материалам Междунар. науч.-практ.

конф., Ставрополь, 23–25 ноября 2022 г. ; под ред. И. В. Атанова. – Ставрополь : ООО «Секвойя», 2022. – С. 190–193.

7. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. – М. : Астрель, АСТ, 2008. – 878 с.

Abstract. The article is devoted to the meaning of phraseological units in the implementation of the functions of pedagogical activity. The term "phraseology" is analyzed. The paper considers phraseological units that can be used by teachers, and is analyzed from the point of view of the implementation of the functions of pedagogical activity. The conclusion is made about the influence of the teacher on the student with the help of phraseological units.

Keywords: phraseological units, pedagogical activity, reproducibility of phraseological units, functions of pedagogical activity.

УДК 366.636+398

Жолдошали уулу Канатбек
Научный руководитель – **В. К. Сабирова**,
д-р филол. наук, профессор

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ (на материалах печати)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности использования произведений устного народного творчества в современном медиапространстве. Описана теоретическая база исследования, выявлена роль фольклора в средствах массовой коммуникации.

Ключевые слова: медиапространство, медиасреда, устное народное творчество, фольклор, средства массовой коммуникаций, печать.

Если астроном каждый вечер в телескопе видит космическое пространство, края которого нет, журналист за столом компьютера, подключенного к интернету, видит медиапространство, которое не уступает космическому пространству астронома. Это говорит о том, что объем представленной информации в современном медиапространстве достаточно большой.

По мнению И. М. Дзялошинского, понятия «медиапространство», «медиасреда», «медиаполе», «медиасфера» возникли в российском дискурсе сравнительно недавно, не имеют отчетливого смыслового наполнения и часто используются как синонимы. Термин «медиапространство» относительно новый, ранее использовалось словосочетание «информационное пространство» [1, с. 69].

Впервые понятие «медиапространство» (Media space) стало использоваться в англоязычной литературе с 1980 годов в исследованиях Р. Стултса и С. Харрисона. Суть данного понятия связана с обозначением «электронных условий», в которых группы людей работают вместе, даже если они не находятся в одном и том же месте в то же время. Согласно представлениям исследователей, в медиапространстве люди могут создавать в реальном времени визуальные и звуковые среды, которые охватывают физически распределенные площади. Более того, они смогут управлять записью, иметь доступ к изображениям с возможностью воспроизведения звуков в этих окружениях [2, с. 33].

Н. Б. Кириллова в вводной части своей книги «Медиасреда российской модернизации» дает определение синониму термина медиапространство- медиасреде. «Медиасреда – это то, что нас окружает повседневно. Это совокупность условий, в контексте которых функционирует медиакультура, то есть сфера, которая через посредничество массовых коммуникаций (печать, радио, ТВ, видео, кино, компьютерные каналы, Интернет и др.) связывает человека с окружающим миром, информирует, развлекает, пропагандирует те или иные нравственно-эстетические ценности, оказывает идеологическое, экономическое или организационное воздействие на оценки, мнения и поведение людей. Словом, влияет на социализацию личности» [3, с. 11].

В современных реалиях невозможно представить человека, полностью отрезанного от информации медиапространства. В эпоху новых технологий на смену привычному чтению книг приходят новые формы репрезентации народного фольклора: электронные книги, интернет-порталы, социальные сети, Ютуб каналы и др.

В науке существует значительное количество определений фольклора. Обратимся к толкованию этого понятия, предложенному «патриархом русской отечественной фольклористики» XX в. В. П. Аникина [4, с. 7]: «Устное народное творчество, или фольклор – это сохраняемые в быту обряды, обыкновение по-особому отмечать годовые праздники, справлять свадьбы, оплакивать умерших, приметы, снотолкования, гадания, пляски. Говоря о фольклоре как об устных, словесных произведениях, имеют в виду былины, исторические песни, сказки, пословицы, предания, легенды, духовные стихи – все виды подобного старинного творчества» [5, с. 5].

Как известно, произведения устного народного творчества в дописьменную эпоху передавались из уст в уста. Основоположник теории русской фольклористики, филолог Александр Афанасьевич Потебня (1835–1891) так описал сущность творческого процесса в фольклоре: фольклор возникает «из памятных источников», то есть передается по памяти из уст в уста, насколько хватает памяти; однако источники непременно проходят «сквозь значительный слой народного понимания» [5, с. 10].

По замечанию Э. Ф. Шафранской, фольклор – это «вид культуры, носителем которой является каждый человек; фольклор слагается стихийно, никем не контролируется, не управляется. Фольклорные тексты безавторские. Все, что пели и поют, рассказывали и рассказывают в устойчивых формах, а также все короткие фразы, шутки в виде формульных (клишированных) текстов и еще много другого входит в поле фольклора» [4, с. 5].

Большое количество произведений устного народного творчества находит своё распространение в современном медиапространстве: в печати, на радио, телевидении, в Интернет и др. Устное народное творчество создавалось в старину стихийно и является отражением культурно-исторического развития народа, а медиапространство – это пространство информации, для передачи которой используются новые электронные технологии, которые свидетельствуют о высокотехнологическом развитии человечества. Произведения устного народного творчества могут передаваться через средства массовой коммуникации, образуя медиапространство, посредством которого человек может получить информацию о фольклоре, познавая свою культурную идентичность в эпоху электронного чуда XX века.

Из всех видов средств массовой коммуникации печать является самым первым. К примеру, благодаря клинописи, то есть ранней печати, мы узнали о существовании античного шумерского эпоса «Гильгамеш» [6]. В древней Руси, по мнению Ф. С. Капицы, существовало множество различных типов литературных сборников, таких как: хронографы, летописи, папи, патерики, прологи, цветники, златоусты, азбуковники и прочие сборники, объединявшие большое количество произведений [7, с. 673].

Активное отражение фольклора в русской периодике началось в XIX в. благодаря таким журналам и продолжающимся изданиям, как «Библиотека для чтения», «Вестник Европы», «Вестник Императорского Русского Географического общества» и т. д. [8, с. 29].

В Советской России история устного народного творчества делится на два основных этапа развития: первый этап длился с 1917 г. приблизительно до середины 30-х годов; известно как время постепенного формирования особенностей поэтического творчества советских народов, развивающих национальные традиции фольклора.

Второй этап связывается с проведением индустриализации, коллективизации, осуществлением культурной революции; это время развития новых форм поэзии, сочетающих традиции коллективного и индивидуального творчества [9].

В России около 14 тыс. журналов выходили в печать в 2008 году, одни постоянно, в значительном объеме отражая устное народное творчество (фольклор содержащие), другие лишь изредка обращались к пословицам, поговоркам, приметам, сказкам, песням, частушкам и произведениям иных жанров, реагируя на конкретные календарные поводы [8, с. 27].

По данным Роспечати в 2020 году, количество газет и журналов сократилось на 40 %, что было связано с развитием новых технологий, платформ (агрегаторы новостей, социальные сети, мессенджеры и пр.), которые являются серьезными конкурентами для прессы [10]. Действительно, с появлением глобальной сети интернет устное народное творчество обрело новую обитель. В глобальной сети представлен огромный массив произведений устного народного творчества в различных электронных форматах, начиная от текстов и заканчивая звуковыми, графическими и видео форматами. В последнее время идет отмечается тенденция внедрения искусственного интеллекта в глобальную сеть интернет, вследствие чего ранее известные нам понятия и образы героев устного народного творчества могут быть переосмыслены и генерированы нейросетью. Данное новое направление является актуальной и перспективной темой для исследования, которая требует дальнейшего изучения.

Список использованных источников

1. Дзялошинский, И. М. Медиапространство России : коммуникационные стратегии социальных институтов : монография / И. М. Дзялошинский. – Москва : Издательство АПК и ППРО, 2013. – 479 с.
2. Дзялошинский, И. М. Медиаобразование : работа с текстами или умение ориентироваться в медиапространстве? / И. М. Дзялошинский // Медиаобразование 2013 : сб. трудов Междунар. форума конф. «Медиаобразование 2013», Москва, 31 октября – 2 ноября 2013 г. ; под ред. И. В. Жилавской. – Москва : РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2013. – С. 28–47.
3. Кириллова, Н. Б. Медиасреда российской модернизации / Н. Б. Кириллова. – Москва : Академический Проект, 2005. – 400 с. – («Технологии культуры»).
4. Шафранская, Э. Ф. Устное народное творчество : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Э. Ф. Шафранская. – Москва : Издат. центр «Академия», 2008. – 352 с.
5. Аникин, В. П. Русское устное народное творчество : учеб, для вузов / В. П. Аникин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Высш. шк., 2004. – 735 с.
6. Эпос о Гильгамеше (lgaki.info) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http:// lib.lgaki.info](http://lib.lgaki.info). – Дата доступа : 01.09.2023.
7. Герменевтика древнерусской литературы. – Сб.13 / Ин-т мировой литературы РАН; Об-во исследователей Древней Руси; Отв. ред. Д. С. Менделеева. – Москва : Знак, 2008. – 880 с.
8. Панкеев, И. А. Фольклоросодержащие печатные СМИ / И. А. Панкеев // Вестник Московского университета. – Сер.10. Журналистика. – 2008. – №1. – С. 27–38.
9. Условия развития советского фольклора и его периодизации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http:// bibliotekar.ru](http://bibliotekar.ru). – Дата доступа : 01.09.2023.
10. Число газет и журналов в России за десятилетие сократилось на 40% [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http:// www.interfax.ru](http://www.interfax.ru). – Дата доступа : 08.09.2023.

Abstract. The article examines the features of the use of works of oral folk art in the modern media space. The theoretical basis of the research is described, the role of folklore in the media is revealed.

Keywords: media space, media environment, oral folk art, folklore, mass communications, printing

УДК 81-114.4

В. С. Журавлева
Научный руководитель – **М. Л. Лаптева**
д-р филол. наук, доцент

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье предпринята попытка классификации фразеологизмов, объективирующих положительные межличностные отношения, по семантическим и структурным признакам.

Ключевые слова: фразеологическая объективация, межличностные отношения, семантическая группа, эмотивная сема, коммуникативная функция, семантическая категория.

Лингвистами доказано, что фразеологизмы составляют важнейший фрагмент языковой картины мира. Фразеологический фонд русского языка содержит большое количество единиц, отражающих специфику отношений между людьми. Изучение фразеологизмов, объективирующих межличностные взаимоотношения, имеет как научную традицию, так и перспективы дальнейшего исследования.

Под межличностными отношениями как семантической категорией понимается «особый вид отношений, отличающийся от общественных наличием эмоциональной основы», соответственно имеющих общую сему «эмоции» [1, с. 43].

В рамках данной статьи обратимся к анализу фразеологизмов, отражающих специфику межличностных отношений и обладающих при этом положительной коннотацией.

Материалом для анализа послужила картотека фразеологизмов с общей семой «положительные отношения». Всего нами проанализировано более ста единиц, полученных методом сплошной выборки из [2].

В результате по различным основаниям нами выделены наиболее продуктивные в количественном отношении фразеологизмы:

1. По базовой эмоциональной семе обозначим группы фразеологизмов, которые выражают:

– любовь: *влюбиться по уши, вскружить голову, поразить стрелой Амура, крутить роман; отдать руку и сердце, жить душа в душу* и др.;

– дружбу: *в одну дуду дудеть, одной веревочкой связаны, одним миром мазаны, а также быть на одной волне, съесть не один пуд соли, водой не разольешь* и др.;

– уважение друг к другу: *снимать шляпу, преклонить колено, отдавать должное, вспомнить добрым словом, возносить до небес* и др.;

– покровительственные отношения: *брать под крыло, брать под патронаж, замолвить словечко, стоять за спиной* и др.;

– впечатление при знакомстве: *производить впечатление, покорить сердце (душу)* и др.

2. По семантическому признаку «цель установления межличностных отношений» можно назвать следующие группы фразеологизмов, объективирующих

– семантику согласованных, гармоничных действий друг с другом, или направленность одного объекта на другой: *души не чаять, покорить сердце, потерять голову от любви, как голубки, умирать от любви, жить душа в душу* и др.;

– установление или возобновление контакта: *встретить с хлебом-солью, произвести впечатление, войти в одну реку дважды, растопить лед, лед растаял, встречать с распростертыми объятиями* и др.;

– поддержку, одобрение кого-либо: *протянуть руку помощи, прийти на выручку, подставить плечо, поставить на ноги, войти в положение, примерить на себя, встать горой* и др.

Отметим, что ряд исследователей выделяет три семантические субкатегории фразеологизмов, выражающих межличностные отношения [3, с. 110]:

– деятельность. Данную категорию образуют процессуальные фразеологизмы, отражающие разнообразные действия субъекта (лица) по отношению к объекту межличностных отношений. Например, *зажег искру, пронзил стрелой Амура, находить общий язык, прийти к консенсусу, протянуть руку помощи, вставать на сторону, гладить по голове, идти в огонь и в воду (за кем-то), отдать руку и сердце, лить воду на мельницу*.

– состояние. Данная категория формируется фразеологизмами, означающими нахождение субъекта в том или ином состоянии, связанном отношением к кому-либо [4, с. 284]: *готов хоть в воду, до глубины души, дышать одним воздухом, сходить с ума от любви, сгорать от любви*.

– отношение. Данную субкатегорию образуют фразеологизмы, выражающие те или иные отношения между субъектами-лицами и субъектами-предметами: *плыть в одной лодке, быть на одной волне, одним миром мазаны, прийти на выручку, носить на руках*.

Структурная дифференциация фразеологизмов, объективирующих межличностные отношения, позволяет говорить о следующих видах устойчивых единиц с точки зрения частеречной принадлежности стержневого компонента:

– наибольшую по количеству единиц группу образуют фразеологизмы процессуальной семантики: *идти на край света за кем-либо, вскружить голову, вытащить за уши, пуд соли съест, крутить роман, составить партию* и др.;

– субстантивные фразеологизмы, где ядерный компонент – имя существительное характеризует объект отношений с положительной коннотацией: *два сапога пара, одного поля ягода, дама сердца, шерочка с машерочкой, сестра по оружию* и др.;

– адъективные фразеологизмы, выражающие признаки отношения к какому-либо человеку или качество самих отношений: *медовый месяц, на дружеской ноге, на седьмом небе от счастья, нежный пол* и др.

Итак, мы видим, что фразеологическая объективация межличностных взаимодействий в русском языке представлена обширной группой единиц, которые можно классифицировать по ряду различных семантических и структурных признаков. Однако вне зависимости от значения того или иного фразеологизма, все они отражают специфику разнообразных неконфликтных человеческих отношений. Каждая единица помогает образно передать спектр эмоций, чувств, отношений между людьми, а также служит определенным коммуникативным задачам. В этом проявляется коммуникативная функция подобных единиц. Например, использование фразеологизма *быть на одной волне* может помочь подчеркнуть понимание и согласие между коммуникантами. Например: *Я рад, что мы на одной волне по поводу этого проекта и имеем подобные взгляды на его реализацию* (из устной речи).

В заключение подчеркнем, что проведенный анализ семантики и структуры фразеологизмов, отражающих специфику межличностных отношений, показал, что подавляющее их большинство нацелено на характеристику – оценку человека и его взаимоотношений с окружающими. Чаще всего исследуемые нами единицы образуют синонимические ряды с такими семантическими доминантами, как «любовь», «уважение», «дружба», «взаимопомощь», поскольку именно эти категории отражают положительные результаты межличностной коммуникации. В целом взаимоотношения как семантическая категория во фразеологии представляет собой широкое поле для дальнейшего исследования, в том числе с точки зрения стилистической, волюнтаривной и директивной функций.

Список использованных источников

1. Гудзенко, Д. В. Процессуальные фразеологические единицы категории «межличностные отношения» со значением контакта / Д. В. Гудзенко // Филология и лингвистикам: проблемы и перспективым: материалы II Междунар. науч. конф., Челябинск, апрель 2013 г. – Челябинск : Два комсомольца, 2013. – С. 43–46.

2. Фразеологический словарь русского языка: [свыше 4000 слов] / сост. Л. А. Войнова [и др.]; под ред. А. И. Молоткова. – Санкт-Петербург: Вариант, 1994. – 544 с.

3. Соколова, А. А. Выражение отношений содействия процессуальными фразеологизмами современного русского языка / А. А. Соколова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. –2020. – №2 (27). – С. 109–113.

4. Федорова, К. Л. Семантические особенности процессуальных фразеологизмов с компонентами-метеонимами в русском языке / К. Л. Федорова // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2015. – №4. – С.282–287.

Abstract. The article attempts to classify phraseological units that objectify positive interpersonal relationships according to semantic and structural characteristics.

Keywords: phraseological objectification, interpersonal relationships, semantic group, emotive seme, communicative function, semantic category.

Я. Г. Зейдина
Научный руководитель – Е. Е. Иванов,
д-р филол. наук, профессор

КРЫЛАТЫЕ ДЕВИЗЫ И СЛОГАНЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В статье рассматриваются популярные в английском языке цитаты, которые восходят к девизам и рекламным слоганам. Определяется место таких популярных цитат в составе крылатых выражений и афоризмов, которые функционируют в английском языке. Обращается внимание на семантические и прагматические свойства в речи крылатых девизов и слоганов. Определяются принципы лексикографического описания и приводятся материалы к словарю крылатых девизов и слоганов, которые широко употребляются в современном английском языке (для изучающих его как иностранный).

Ключевые слова: английский язык, крылатые цитаты, девизы, слоганы, словарь, преподавание языка как иностранного

В составе популярных крылатых цитат в современном английском языке функционируют единицы, источниками которых являются тексты массовой коммуникации, прежде всего девизы и рекламные слоганы [1]. Часть цитат такого происхождения стали настолько популярны, что даже вошли в состав пословиц английского языка [2; 3]. Крылатые девизы и слоганы составляют самостоятельную группу среди клишированных цитат в английском языке и имеют особенности своей лексической и грамматической организации, поэтому выделяются в отдельную категорию устойчивых единиц как при изучении лексико-фразеологической и грамматической подсистем английского языка как иностранного [4; 5; 6; 7], так и при сопоставлении его с родным языком [8; 9].

Клишированные цитаты в английском языке могут происходить из разных источников: книг, песен, фильмов, высказываний известных людей. Некоторые цитаты становятся настолько популярными, что становятся частью языка и переходят в обиходную речь. Например, цитата *To be or not to be, that is the question* из пьесы У. Шекспира «Гамлет» стала наиболее известной и широко используется как символ внутреннего конфликта или выбора. Популярные цитаты, восходящие к текстам массовой коммуникации, подразделяются на три основных типа: цитаты из различных граффити, цитаты из рекламы и цитаты-девизы. Популярная цитата может использоваться в речи для утверждения общей точки зрения, ссылки на авторитет ее автора, для создания эмоциональной связи с аудиторией. Прагматика популярных клишированных цитат может предполагать или детерминировать использование определенной тональности речи.

Клишированные девизы основаны на эмоциональной привлекательности и яркости выражения мысли. Это обычно краткие изречения или предложения, которые легко запоминаются и повторяются в речи. Например, знаменитый девиз *Nike Just do it* (Просто сделай это) стал очень популярным как в массовой культуре, так и в повседневной жизни людей, став символом решительности и активности. Еще один девиз, который стал широко известным, *Yes we can!* (Да, мы сможем!), был использован Бараком Обамой в своей первой победной речи на выборах в 2008 г. Этот девиз стал символом надежды и возможности для многих чернокожих людей, особенно в США.

Общими для всех клишированных рекламных слоганов являются такие характеристики, как простота языковых средств, эмоциональная тональность, информативность и доказательность, оригинальность и неповторимость. В рекламном слогане преобладают простые предложения, так как наличие любых осложненных синтаксических конструкций сделают слоган неэффективным и незапоминающимся, например: *Every picture tells a story (Advertisement for*

Doan's Backache Kidney Pills), *Top people take The Times* (Advertising slogan for *The Times* newspaper from Jan).

Актуальным является сопоставление крылатых девизов и слоганов в английском и белорусском языках, особенно в плане их проникновения из английского языка в белорусский язык [10; 11], а также в аспекте процессов паремиологизации таких цитат в английском языке, что важно учитывать как в двуязычных словарях пословиц [12; 13], так и при контрастивном сравнении паремий английского и белорусского языков [14; 15].

Лексикографическое описание крылатых девизов и слоганов стандартно (опирается на традицию словарной репрезентации крылатых выражений и афоризмов из литературных источников [16]) и предполагает фиксацию их формы, ссылку на первоисточник, лингвокультурологический комментарий [17]. Словарная статья в учебном словаре крылатых девизов и слоганов английского языка содержит соответствующие зоны и имеет следующий вид.

Beanz meanz Heinz. Advertising slogan for Heinz baked beans circa 1967, in Nigel Rees *Slogans* (1982) p. 13. «*I had my layout pad with me and, fiddling with it, came up with 'Beanz Meanz Heinz'», Drake says. Not only did he invent the great line, but «I also came up with the jingle 'A million housewives every day, open a can of beans and say Beanz Meanz Heinz'».*

It's morning again in America. Slogan for Ronald Reagan's election campaign, 1984, in *Newsweek* 6 Aug. 1984. *The name «Morning in America», is a 1984 political campaign television commercial, known for its opening line, «It's morning again in America». The ad was part of that year's presidential campaign of Republican Party candidate Ronald Reagan. It featured a montage of images of Americans going to work, and a calm, optimistic narration that suggested that the improvements to the U.S. economy since the 1980 election were due to Reagan's policies.*

Progress through technology. Advertising slogan for Audi cars, from 1986. *Audi has always been on the cutting edge of technology. From the brands' inception in 1899 through the entire twentieth century, Audi has strived to deliver a continued advancement through technology. With a new decade upon us, we must look at progress. We must keep moving forward, but sustainably. That is the way. Progress through technology. This advertising slogan was introduced in 1971 that has since become the key message underlining the expertise of the company: «Vorsprung durch Technik».*

Tell Sid. Advertising slogan for the privatization of British Gas, 1986, in Philip Kleinman *The Saatchi and Saatchi Story* (1987). *British Gas's 'Tell Sid' campaign urged the public to snap up privatisation shares – 25 years on, their value has soared. Consumers who are cash-strapped in the runup to Christmas may find that Santa Claus comes in an unusual guise – Sid. Twenty-five years ago, British Gas was privatised following a long advertising campaign which used the slogan «If you see Sid ... Tell him». Sid – meant to represent the man on the street – was definitely interested. About 1.5 million individuals bought shares, and although many sold or «staged» those shares in the first week, some 600,000 people still own holdings worth less than £250.*

War will cease when men refuse to fight. Pacifist slogan, from circa 1936 (often “Wars will cease...”): see *Birmingham Gazette* 21 Nov. 1936, p. 3, and *Peace News* 15 Oct. 1938, p. 12 [OQD: 1.43]. *In the late 1960s and early '70s, John Lennon began to actively endorse a wide variety of progressive and radical political causes. He championed the anti-war movement as well as Native and African-American rights while demonstrating a deepening interest in feminism. «War will cease when men refuse to fight,» went the 1930s British Pacifist slogan. The bed-in protest could be said to endorse a loving stasis, a playful passivity over dynamic violence. The protest was intended as an amusing political happening, a stunt with a serious message.*

Всего в словаре крылатых девизов и слоганов нами описано свыше 100 единиц, которые входят в корпус наиболее популярных цитат в современном английском языке.

Список использованных источников

1. The Oxford Dictionary of Quotations / Ed. by E. Knowles. – 2th ed. – New York : Oxford University Press, 2014. – 1768 p.

2. Ivanov, E. E. Etymology of English Proverbs / E. E. Ivanov, Ju. A. Petrushevskaja // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – Vol. 8. – No. 5. – Pp. 864–872.
3. Иванов, Е. Е. The Etymology and History of English Proverbs : учеб. пособие / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 80 с.
4. Василенко, Е. Н. English. Developing Speaking and Writing Skills : учеб. пособие : в 2 ч. / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернева. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – Ч. 1. – 348 с. ; Ч. 2. – 232 с.
5. Василенко, Е. Н. English. Developing Speaking and Writing Skills : учеб. пособие / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернёва. – Минск : РИВШ, 2023. – Ч. 1. – 292 с.
6. Глуханько, Л. В. Practical English Grammar: Verbals : учеб.-метод. пособие / Л. В. Глуханько, Н. Д. Голякевич, С. П. Зубрий, Е. Е. Иванов. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2017. – 168 с.
7. Голякевич, Н. Д. Practical English Grammar: Morphology : учеб. пособие / Н. Д. Голякевич, С. П. Зубрий, Е. Е. Иванов. – Минск : РИВШ, 2019. – 268 с.
8. Романова, Н. К. Типы межъязыковых сходств и различий паремиологических единиц / Н. К. Романова, Е. Е. Иванов // Acta albaruthenica, rossica, polonica – VII / под ред. А. М. Мезенко. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2006. – С. 161–164.
9. Ivanov, E. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology / E. Ivanov, V. Feldman // Acta Germano-Slavica. – 2007. – Vol. 1. – Pp. 85–97.
10. Крылатыя выразы ў беларускай мове : з іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст. : тлумачальны слоўнік. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2004. – 136 с.
11. Іваноў, Я. Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э.–XX ст. : тлумачальны слоўнік / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2011. – 164 с.
12. Петрушэўская, Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы : беларуска-іншамоўны слоўнік / Ю. А. Петрушэўская. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2020. – 316 с.
13. Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / пад рэд. Я. Я. Іванова. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2009. – 240 с.
14. Іваноў, Я. Я. Англійскія эквіваленты беларускіх прыказак (лексікаграфічны аспект) / Я. Я. Іваноў, В. А. Максімава // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – 2015 : сб. науч. статей. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – С. 191–196.
15. Иванов, Е. Е. Различия в семантике и структуре белорусских и английских пословиц / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь : сб. науч. статей. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2011. – С. 213–215.
16. Tepljakowa, A. Über den Aufbau des Wörterbuchs der geflügelten Worte der modernen deutschen Schriftsprache (für Belarussen, die Deutsch als Fremdsprache studieren oder lernen) / A. Tepljakowa // Językoznawstwo. – 2020. – No. 1(14). – S. 107–128.
17. Бредис, М. А. Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов // Вопросы лексикографии. – 2022. – №26. – С. 5–29.

Abstract. The article examines popular quotes in English that go back to mottos and advertising slogans. The place of such popular quotes in the catchphrases and aphorisms that function in the English language is determined. Attention is drawn to the semantic and pragmatic properties of popular mottos and slogans in speech. The principles of lexicographic description are determined and materials are provided for the dictionary of catchphrases and slogans that are widely used in modern English (for those studying it as a foreign language).

Keywords: English, popular quotes, mottos, slogans, dictionary, teaching a foreign language

Е. С. Каминская, Е. А. Новикова
 Научный руководитель – **А. А. Аксёникова-Бирюкова**,
 магистр филол. наук

О КЛАССИФИКАЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются группы заимствованных слов в китайском языке, анализируются новые виды заимствований, характерные для периода конца XX–начала XXI века. Приводятся их преимущества и недостатки.

Ключевые слова: китайский язык, фонетические заимствования, семантические заимствования, буквенные заимствования, гибриды.

Заимствование слов – это один из способов введения новшеств, которые возникают в языке под влиянием различных социальных факторов. Во время введения такого новшества образуются новые слова или словосочетания иноязычного происхождения.

Специфика китайского языка заключается в том, что из-за иероглифической письменности иностранные заимствования имеют меньше шансов войти в лексику китайского языка, так как они не могут быть легко адаптированы к системе иероглифов [1].

Китайский язык является одним из древнейших языков в мире. Он имеет богатую историю и разнообразную лексику, включающую также заимствования из других языков. Заимствования являются неотъемлемой частью естественного языкового развития и играют важную роль в обогащении словаря китайского языка. В китайском языке термин *цзе цы* 借詞 ‘заимствованное слово’ состоит из двух иероглифов: *цзе* 借 ‘брать взаймы’ и *цы* 詞 ‘слово’ [2].

В период с начала XX века до настоящего времени в китайский язык из европейских языков вошли термины из различных сфер науки, культуры и экономики:

– В связи с развитием информационных технологий и интернета, китайский язык заимствовал большое количество терминов из английского языка, например: *хуляньван* 互联网 – ‘интернет’, *дяньцзы юцзянь* 电子邮件 – ‘электронная почта’, *шоуцзи* 手机 ‘сотовый телефон’, *软件* – ‘программное обеспечение’.

– В деловом китайском языке стали общепринятыми многие заимствования в области бизнеса и экономики, например: *цзинцзи* 经济 – ‘экономика’, *шичан* 市场 – ‘рынок’, *тоуцзи* 投资 – ‘инвестиции’, *цзинчжэн* 竞争 – ‘конкуренция’.

– Развитие науки и технологии также внесло в китайский язык множество заимствованных терминов, например: *цзинь* 基因 – ‘ген’, *тайкун* 太空 – ‘космос’, *хэнэн* 核能 – ‘ядерная энергия’.

– Китайский язык также заимствовал культурные термины из иностранных языков, например: *шишан* 时尚 – ‘мода’, *люсин иньюэ* 流行音乐 – ‘поп-музыка’ [3].

Заимствования в китайском языке можно разделить на две группы: фонетические и семантические.

При фонетическом способе передается звучание оригинала, но запись осуществляется согласно нормам китайского языка. Возможна полная адаптация звучания, например:

кафэй 咖啡 – ‘кофе’, от английского слова *coffee*;

Дума 杜吗 – ‘Дума’, от русского слова *Дума*;

модэн 摩登 – ‘современный’, от английского *modern*.

Однако чаще встречается неполная адаптация звучания, например:

леба 列巴 – ‘хлеб’, от русского слова *хлеб*;

байто 白脱 – ‘масло’, от английского слова *butter*;

цзябидань 伽必丹 – ‘капитан’, от английского слова *captain*;

пицзяке 皮夹克 – ‘пиджак’, от английского слова *pea-jacket* [1].

Преимущество фонетических заимствований состоит в том, что оно облегчает общение между представителями разных культур. Недостаток таких заимствований заключается в трудности их воспроизведения.

Семантические заимствования состоят из китайских лексических элементов:

юэши 月食 – ‘лунное затмение’ (юэ 月 – ‘луна’ и ши 食 – ‘затмение’);

жэньбэньсюэ 人本学 – ‘антропология’ (жэнь 人 – ‘человек’, бэнь 本 – ‘корень’, сюэ 学 – ‘наука’) [1].

Преимуществами данного типа заимствований являются легкость произношения и запоминания. К недостаткам можно отнести неудобство в использовании таких слов в межкультурном общении.

Существует также фонетико-семантический способ заимствований. В таких словах одна часть представляет собой фонетическую имитацию части заимствованного слова, другая – буквальный перевод.

Например: слово сэлаю 色拉油 – ‘майонез’ включает фонетический компонент сэла 色拉 – от итальянского *salato* – ‘салат’ и семантический компонент ю 油 – ‘масло’. Слово иньханка 银行卡 – ‘банковская карточка’ состоит из китайского слова иньхан 银行 – ‘банк’, представляющего собой семантический компонент и ка 卡 – фонетической записи английского слова *card* – ‘карточка’ [4].

В конце XX–начале XXI вв. в китайском языке появились буквенные заимствования *字母词*.

Существует несколько видов таких заимствований.

– Аббревиатура:

PC – Personal Computer – ‘персональный компьютер’.

– Полное написание заимствованного слова латиницей:

Kiss – ‘поцелуй’.

Party – ‘вечеринка’.

– Аббревиатура, включающая буквы и цифры:

B2C – business to customer – ‘бизнес для потребителя’.

– Слова, в состав которых входят иероглифы и буквенные заимствования, так называемые хуньсюэ эр 混血儿 – ‘гибриды’:

IT шидай IT时代 – ‘эпоха информационных технологий’ [5].

Большое количество новых слов в китайском языке образовано в результате словосложения, когда к буквенной аббревиатуре присоединяется знаменательная основа или слово китайского языка, например:

Слово VIP卡 – ‘випкарта’ получено сложением VIP и ка 卡 – ‘карта’.

Слово IT界 – ‘мир информационных технологий’ образовалось сложением IT и цзэ 界 – ‘мир’.

Таким образом, несмотря на своеобразие письменности, фонетических ограничений и типологических особенностей, современный китайский язык является языком-реципиентом большого количества иностранных заимствований, Источником заимствований являются такие языки, как японский, французский, немецкий, русский, однако большая часть иностранных слов входит в китайский язык из английского. Иностранные заимствования встречаются в самых различных сферах: в политике, экономике, культуре, медицине, в повседневной жизни.

Список использованных источников

1. Novotna, Z. Linguistic factors of the low adaptability of loan-words to the lexical system of modern Chinese [Электронный ресурс] / Z. Novotna // Monumenta Serica. – 1967. – Vol. 26. – P. 103–118. – Режим доступа : <https://www.jstor.org/stable/i40032809>. – Дата доступа : 14.10.2023.

2. Борисова, О. С. Пути и источники заимствования в китайском языке / О. С. Борисова // Альманах современной науки и образования : в 2-х ч. – 2008. – № 8 (15). – Ч. 1. – Тамбов : Грамота, 2008. – С. 21–25.

3. 岑麒祥. 汉语外来语词典. 北京: 商务印书馆, 2015 = Цэнь Цисян. Словарь иностранных заимствований китайского языка. – Пекин : Шанъу иньшугуань, 2015. – 352 с.

4. Хаматова, А. А. Влияние глобализации на лексику современного китайского языка / А. А. Хаматова // Россия–Восток–Запад. Проблемы межкультурной коммуникации : тезисы 2-ой регион. науч.-практ. конф., Владивосток, 22 апреля 2005 г. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2005. – С. 58–59.

5. Хаматова, А. А. Тенденции развития лексики китайского языка в начале XXI в. / А. А. Хаматова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 4 (21). – С. 9–13.

Abstract. The article examines groups of borrowed words in the Chinese language, analyzes new types of borrowings characteristic of the period of the late 20th – early 21st centuries. Their advantages and disadvantages are given.

Keywords: Chinese language, phonetic borrowings, semantic borrowings, letter borrowings, hybrids.

УДК 811.16.1

А. Е. Катышева
Научный руководитель – **С. Л. Михеева**
канд. филол. наук, доцент

СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ *АБЬЮЗЕР, АБЬЮЗИВНЫЙ, ТОКСИЧНЫЙ*

Аннотация. В статье исследуется семантико-словообразовательное освоение таких иноязычных слов, как *абьюзер, абьюзивный, токсичный*. Фиксируется происхождение и употребление иноязычных слов в СМИ и их переход в повседневный лексикон человека. Приводятся примеры использования освоений в составе языка-реципиента.

Ключевые слова: семантическое освоение, заимствования, абьюз, абьюзер, токсичный.

Семантическое освоение заимствований в русском языке – это включение их в лексико-семантическую систему принявшего языка, в разнообразные ряды и цепи зависимостей, свойственных словарному составу языка-реципиента [1]. В русском языке освоение включает в себя адаптацию заимствования к грамматическим, фонетическим и орфографическим нормам языка, а также его семантическое развитие и расширение сферы употребления [2; 3].

При семантическом освоении заимствования оно может менять свое первоначальное значение или приобретать новые оттенки смысла, становиться более универсальным или специализированным, приспосабливаться к контекстам, в которых оно используется, и т. д. Благодаря этому заимствования становятся частью основного лексического состава языка, и их использование в различных коммуникативных ситуациях становится более регулярным.

После включения иноязычного слова в словарный состав языка-реципиента в большинстве случаев происходит процесс словообразования при помощи суффиксов. Например, суффикс *-ер-* (суффикс действующего лица) выделяется в заимствованиях (*абьюз – абьюзер*); а суффикс *-ивн-(ый)* при добавлении к основе существительных (обычно иноязычного происхождения) образует качественные и относительные имена прилагательные со значением способности мотивирующего слова (*абьюз – абьюзивный*) [4].

В настоящее время в русском языке все более распространенным становится заимствованное из английского языка слово *абьюз* (англ. *abuse* ‘злоупотребление, насилие, жестокое обращение’). Более полное определение данного слова отмечено в словаре англицизмов А. И. Дьякова [5]: *абьюз* (англ. *abuse* ‘оскорбление, жестокое обращение’). редк. разг. ‘плохое,

жестокое отношение к кому-либо’, сравн.: *моральный абьюз и как с ним бороться*; псих. ‘насилие в отношениях, в том числе психологическое, эмоциональное, вербальное, физическое и пр.’ В некоторых источниках слово *абьюз* определяется как неологизм [6].

У заимствованного слова также образуются производные – *абьюзивный* и *абьюзер*. Прилагательное *абьюзивный* определяется как ‘насильственный, имеющий насильственный характер’, сравн.: *абьюзивные отношения в семье*. Производное *абьюзер* (англ. *abuser* ‘оскорбитель, насильник; нарушитель’) отражает следующие значения: редк. соц. ‘человек, практикующий психологическое, физическое, вербальное или эмоциональное насилие по отношению к другому человеку’: *Женищина преувеличивает позитивные черты характера абьюзера и фокусирует на них своё внимание*; интерн. ‘пользователь интернета, который выходит за рамки допустимого в какой-то теме и занимается нарушением правил сообщества, например, оскорбляет всех, спамит’ [5].

Слово *абьюзивный* сочетается со многими словами, которые характеризуют межличностные отношения, например: *абьюзивные отношения, абьюзивное поведение, абьюзивная тактика, абьюзивный человек, абьюзивное общество* и др.

В ходе исследования мы обратились к Интернет-ресурсу «Национальный корпус русского языка» [7]. На запрос по словам *абьюз* и *абьюзер* в основном корпусе такие употребления не фиксируются, но зафиксировано одно употребление слова *абьюзивный*: *Когда на горизонте появляется наконец обеспеченный и любящий ее москвич Герберт, Ольга бросает его ради прозрачной надежды построить отношения с Вадимом. Мы видим бесхитростную романтизацию абьюзивных отношений. На экран переносятся все самые нелепые штампы народной мудрости: «бьет – значит любит», «плохонький, но свой», «одной жить неприлично»* [Асса Новикова. Работать, строить и не ныть. Как советская культура формировала представление о женском счастье, 03.2019].

Но при поиске в газетном корпусе фиксируется больше употреблений. Зафиксирован 21 пример употребления слова *абьюз*, сравн.: *В эпоху, когда об абьюзе как феномене стали говорить громче, чаще и откровеннее, мало какая музыка подходила больше к этому дискурсу, чем извращенные, поломанные, страшные сочинения Ли, от которых буквально стынет кровь в жилах.* [Олег Соболев. Aaron Dilloway – Modern Jester, 2012 // lenta.ru, 28.12.2019]. Лексема *абьюзивный* отмечена в 12 примерах словоупотребления, сравн.: *По мнению судей Федерального верховного суда, условия пользования являются «абьюзивными», потому что пользователям не дают право выбрать – соглашаться на персонализацию, с которой он будет отдавать компании данные, которыми он делится при пользовании лишь Facebook.com [принадлежит Meta, которая признана экстремистской и запрещена в России – А. К.], или соглашаться на персонализацию с полной передачей в ее нынешней форме для полного персонализированного опыта.* [Немецкий суд разрешил ограничить Facebook в сборе данных пользователей // РИА Новости, 23.06.2020]. Слово *абьюзер* отмечено в 17 текстах и 22 примерах употребления: *Унижая сотрудников, начальник-абьюзер (от английского abuse – насилие) преследует чаще всего не рабочие, а личные интересы.* [Какие новые должности создают российские компании // Ведомости, 30.01.2019].

Слово *абьюз* и его производные берут свое начало в Интернет-коммуникации и постепенно переходят в лексикон Интернет-пользователей, становясь все более распространенными. Сейчас ежемесячные запросы на сайте Яндексa дают такие результаты: *абьюзивный* – 16518 показов в месяц, *абьюз* – 85961 показов, *абьюзер* – 289045 показов [данные на 24.09.2023]. Эти слова так часто использовались в сети, что в итоге перешли и в повседневный словарный запас человека.

На современном языковом срезе расширяет свою семантику слово *токсичный*. В словаре Т. Ф. Ефремовой [8] исходное значение данного слова определяется следующим образом: ‘соотносящийся по знач. с сущ. токсина, связанный с ним’, ‘способный вызвать отравление; ядовитый’.

В современном русском языке у слова *токсичный* появилось новое значение, относящееся к человеку, сравн.: *токсичный человек* 'трудный, тяжелый человек' (в смысле психологического воздействия). Выражение *токсичное общество* используется для того, чтобы описать общество, которое характеризуется негативной атмосферой, грубостью, злобой и неуважением. В таком обществе люди зачастую подавляют других, создают конфликты.

В Национальном корпусе русского языка [7] на запрос в главном корпусе по слову *токсичный* фиксируется 660 примеров. Большая часть из них относится к слову в исходном значении, однако отмечаются и примеры использования новых значений: *Токсичный в новом значении – способный отравить жизнь кому-либо* [Ксения Туркова. Токсичный рыбакагейт и ихтамнет-2, 16.02.2018 // «Сноб», 2018]; *Судя по тому, что вместе с Сосниным ему досталось место в предпоследнем ряду, он не принадлежал к числу токсичных участников форума, скорее наблюдатель* [Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019].

В газетном корпусе зафиксировано 4417 примеров употребления слова *токсичный*: *Токсичное комьюнити – распространенное явление в популярных онлайн-развлечениях*. [Виртуальная помощь: видеоигры могут снизить стресс в период пандемии // Известия, 29.12.2020]; *«Токсичный климат, который привел к тому, что демократия, права человека, верховенство закона и плюралистическая риторика превратились в исламофобию и примитивный расизм, перестал быть единичным примером и приобрел законность и распространение с помощью глав государств и некоторых западных политиков», – отмечается в заявлении*. [Турецкие партии выступили с совместным заявлением против Макрона // РИА Новости, 27.10.2020].

Ежемесячные запросы в Яндексе по слову *токсичный* составляют 141574 показов [данные на 26.09.2023]. Преимущественно ищут запросы *токсичный человек* (23249 показов), *токсичные отношения* (9311 показов), *токсичные родители* (5085 показов).

Таким образом, семантико-словообразовательное освоение иноязычных слов отражает взаимодействие между культурами и народами. Многие термины из иностранных языков проникают в повседневную жизнь через Интернет-коммуникацию, что и было подтверждено в ходе исследования. Иноязычные слова *абьюзер*, *абьюзивный* и *токсичный* активно используются в русском языке не только в Интернет-пространстве, но и в обычной жизни.

Список использованных источников

1. Фролова, О. А. Семантическое освоение заимствований [Электронный ресурс] / О. А. Фролова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2010. – №12. – С. 283–286. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskoe-osvoenie-zaimstvovaniy>. – Дата доступа : 23.09.2023.
2. Голикова, Т. А. Лингвокультурологический словарь заимствований русского языка / Т. А. Голикова. – Москва : Директ-Медиа, 2019. – 420 с.
3. Голикова, Т. А. Заимствование как способ межкультурной коммуникации / Т. А. Голикова // Межэтническое взаимодействие в поликультурном образовательном пространстве : проблемы языкового взаимодействия и межкультурной коммуникации : Всероссийская науч.-практ. конф., Чебоксары, 26–27 ноября 2018 г. – Чебоксары : ЧГПУ, 2018. – С. 27–33.
4. Лопатин, В. В. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. – Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2016. – 812 с.
5. Дьяков, А. И. Словарь англицизмов русского языка [Электронный ресурс] / А. И. Дьяков. – Москва : Флинта, 2021. – 1384 с. – Режим доступа : <http://anglicismdictionary.ru/Slovar>. – Дата доступа : 22.09.2023.
6. Словарь синонимов русского языка – онлайн подбор [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://sinonim.org>. – Дата доступа : 25.09.2023.
7. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 25.09.2023.
8. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка : Ок. 1900 словообразоват. единиц / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд., испр. – Москва : Астрель : АСТ, 2005. – 636 с.

Abstract. The article examines the semantic and word-formation development of such foreign words as abuser, abusive, toxic. The origin and use of foreign words in the media and their transition into the everyday lexicon of a person are recorded. Examples of the use of mastering as part of the recipient language are given.

Keywords: semantic mastering, borrowings, abuse, abuser, toxic.

УДК 821.161.1

П. А. Киреева

Научный руководитель – **М. Л. Бедрикова,**

канд. филол. наук, доцент

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ГИБРИДЫ В РУССКИХ ФЭНТЕЗИ 2000–2020-х ГОДОВ: ГЕНЕАЛОГИЯ

Аннотация. В статье исследуется феномен гибридности в фантастической литературе на материале жанра фэнтези. Автор обнаруживает истоки гибридности в мифологии, анализирует пересозданных на основе мифологии гибридных персонажей – героев фэнтези в сериях книг Милены Зайвойчинской и Елены Никитиной.

Ключевые слова: русская фантастическая литература XXI в., фэнтези, мифологические образы-гибриды, М. Завойчинская, Е. Никитина

Проблема гибридности затрагивает такие области в гуманитарных исследованиях и в повседневной жизни, которые рождены в переходные историко-культурные периоды. Современники переломных времен воспринимают и остро переживают ситуацию «перехода», приход новых явлений, а в процессе вживания в нарождающуюся другую культурную среду (на этапах её восприятия) в сознании людей, по-видимому, и рождаются «пограничные» – гибридные феномены. Тем не менее гибриды и их проявления можно найти в каждой эпохе на протяжении всей истории человечества. Нередки проявления гибридности и в фольклоре разных народов мира. В наши дни исследователи фиксируют «гибриды» не только в культуре, но в широком спектре науки и производства – от генетики до машиностроения. Поверхностный взгляд не сразу улавливает этот феномен. А ведь под гибридом можно понимать и многообразие смешанных форм в культуре в их разнообразии – в лексическом фонде языка, в смещениях на уровне жанровой структуры литературного произведения, в мифологическом концепте, в социальной и художественной практиках и др. [1, с. 2].

В древнейших культурах также можно найти интересные гибридные образы. Так, в древнеегипетской мифологии есть множество примеров слияния нескольких божеств в одно, что, на наш взгляд, можно рассматривать как форму гибридности. Например, Менхит, богиня предводительница египетской армии, и Шесемтет, богиня магии, отождествлялись с богиней-львицей Сехмет [2, с. 248], покровительствующей войнам и врачеванию. Сехмет, в свою очередь, часто отождествляют с Бастет, богиней радости, веселья и любви. Согласно некоторым источникам, Баст имела два облика, что запечатлелось в её изображениях: женщина с головой кошки – это добрая ипостась, а с головой львицы – агрессивная. Примечательно, что добрый облик возник после одомашнивания животных из семейства кошачьих. Поскольку львы ассоциировались у египтян с войной, то, с течением времени, практически все богини-львицы начали отождествляться с Сехмет. Иногда передавались их качества, а иногда они растворялись в ней. Упоминания о таких божествах-гибридах сохранились в письменных памятниках, в том числе, они увековечены на стенах самых древних гробниц.

Существует несколько трактовок известного мифа, в котором Ра, бог солнца, решил покарать людей за их грехи. Согласно легенде, Ра отправляет свою дочь наказывать египтян, и в этот момент начинаются расхождения. Для выполнения божественной воли на Землю спускается или Тефнут, или Бастет, или Хатхор – и все принимают образ львицы. То есть они становятся Сехмет.

В индийской мифологии обнаруживаются формы гибридности: Девы – богиня-мать и женское воплощение Бога в индуизме. В многообразии воплощений, в положительных формах она может быть Гаурией («Светлая, Благая»), Лалитой – «Играющая», Бхавани («оживляющая»), а в отрицательных – Кали («Чёрная»), Чанди (Чанда, «Гневная»), Дурга («Неприступная») [2, с. 266].

В славянской мифологии, на первый взгляд, непросто отыскать мифологические образы-гибриды, так как большинство образов цельны (бог Неба – Отец, мать – Земля, во все времена – Земля-Матушка). Современные русские писатели обращаются к мифологии, чтобы художественно воплотить замысел произведения в сказочных мотивах. Часто встречаются гибридные персонажи в массовой литературе: фантастике, фэнтези или альтернативной истории.

Так, в серии книг Милены Завойчинской «Высшая школа библиотекарей» [3, с. 221] встречаются Змей Горыныч (*Чешуя блестящая, зеленая. Хвост длинный с костяным сердечком на кончике. Голов – три, все они разговаривали разными голосами и периодически выдыхали огонь* [3, с. 221]), Чудо-Юдо (*Зеленый волосатый шар с одним глазом и большой зубастой пастью весело скакал и клацал зубами* [3, с. 222]), *Водяной*, *Кикимора* и другие.

Эти образы послужили адептке Кире Золотовой основой для создания фантомов, чтобы получить заветный зачет. Каждый из персонажей индивидуализирован: наделён характером, интеллектом (умел свободно говорить на любые темы и сочинять частушки). Таким образом, неискушенный читатель знакомится с персонажами-гибридами, пришедшими из русских народных сказок.

В серии книг «Огненный путь Саламандры» Елены Никитиной [4, с. 3] персонажи-гибриды из мифов русского народа совмещены с мифами других славян. Так, знаменитый Змей Горыныч выступает в образе халы, многоглавого болгарского дракона, и по совместительству он является правителем обширных земель. Внешность – обычного человека. Имеет способность из человека превращаться в огромного крылатого ящера. В человеческом облике царь Долины любит покрасоваться: *Он был при полном параде: поверх торжественного царского наряда, плохо скрывающего нарощенное всевозможными излишествами брюшко, накинута длинная темно-красная мантия, богато отороченная мехом норнии... Под ней виден расширенный золотом и камнями широкий пояс с подвязанным к нему ритуальным мечом, а на голове немного помятая, но начищенная до ослепительного блеска корона* [4, с. 34]. В своей же природной многоглавой ипостаси Змей предпочитает появляться в основном на пиршествах, чтобы произвести неизгладимое впечатление: по его мнению, это более внушительно и авторитетно [4, с. 34].

Еще один герой книг Е. Никитиной – Великий Полоз, несложно представить ипостаси его внешности, а вот характер во всех обликах – змеиный: *Змеиное обличье дает им неуязвимость, ловкость, силу и потрясающую интуицию, позволяющую безошибочно чувствовать и находить через толщу земли новые месторождения...* [4, с. 4]. О его человеческом облике сказано: *Янтарная полоска чешуек на висках, глаза, как и у отца, без белков, цвета расплавленного золота с вертикальными зрачками...* [4, с. 6].

В фэнтезийном мире Е. Никитиной немало примеров гибридности расовой. Пожалуй, одним из самых интересных персонажей можно признать мальчика-либе, он же эльфырь. Ведь либе – это крайне редкая раса, притом искусственно выведенная путем скрещивания эльфа, оборотня и вампира. Вот портрет эльфыря: *Длинные острые ушки настороженно торчали... Если бы за его спиной не маячили слегка опушенные крылышки, очень похожие на малооперившиеся птички, да не поблескивающие в лунном свете жуткие длинные клыки...* [4, с. 274].

Мы привели отдельные примеры из книг Е. Никитиной, в то время как фэнтезийная вселенная этой писательницы густо населена гибридными персонажами.

Обычно исследователи русских фэнтези объясняют подобные особенности сильным влиянием западной массовой литературы. Однако в русской литературе XX в. существует и фантастическая ветвь. В первой половине прошлого столетия наблюдался подлинный расцвет отечественной фантастики. Так, в научно-фантастическом романе «Человек-амфибия»

А. Беляев главный герой Ихтиандр сочетает в себе, казалось бы, не самые сочетаемые качества [5, с. 5]. Как известно, это человек с акульими жабрами, способный дышать под водой. А. Беляев пишет: «Тело неизвестного сверкало синевато-серебристой чешуей ... Жаберные щели начинают ритмически двигаться, – человек превратился в рыбу» [5, с. 452–453]. Свои произведения А. Беляев создавал в те годы, когда рождалась советская культура, устремленная в будущее, научные открытия рождались вследствие дерзких экспериментов. Этот роман «Человек-амфибия» основан на реальных событиях, точнее эксперименте, который и стал источником для писателя в создании художественного образа-гибрида (сюжеты А. Беляева есть результат фантазии писателя, опирающейся на рассказы некоторых очевидцев проводимых подобных «опытов»).

С указанной эпохой перемен совпадает и творчество знаменитого автора уральских сказов П. Бажова. В сказах Бажова встречаются различные персонажи, которых можно назвать гибридами [6, с. 61]. Великий Полоз – змей с человеческой головой, владеющий и управляющий золотоносными жилами. Где прошёл Полоз, там появляется драгоценный металл. Полоз может отвести золото в сторону в месте, где была ссора или даже драка. Внешность Полоза, как и его способности, гибридна, так как персонаж сочетает в себе разные качества. Малахитница, более известная как Хозяйка Медной горы, способна оборачиваться ящеркой, с короной на человеческой голове. Так же, как и Великий Полоз, она является духохранителем, только не злата, а малахита. Хозяйка способна также перемещаться в пространстве. Вспомним в сюжете П. Бажова все ее внезапные появления и исчезновения. Итак, эта пара персонажей пополняет ряды образов, обладающих гибридностью внешности и магическими талантами.

Таким образом, в фантастическом виде современной русской литературы мифологические гибриды уже не являются редкостью, экзотикой. Более того, гибридность воспринимается как обычное явление в фэнтезийном мире. Проявления гибридности в русских фэнтези нуждаются в специальных исследованиях.

Список использованных источников

1. Бедрикова, М. Л. Русская фантастическая литература XXI века : рождение гибридов : сб. статей / М. Л. Бедрикова, П. А. Киреева // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2023 : материалы междунар. студ. науч.-практ. конф., Магнитогорск, 28–31 марта 2023 г. : науч. издание / гл. ред. А. Г. Иванов; отв. ред. Е. А. Макаренко; ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова». – Магнитогорск : ФГБОУ ВПО «МГТУ», 2023. – С. 300–303.

2. Женщины-легенды. Мифические богини и библейские жены. Прекрасные и мудрые, карающие и милосердные... / Сост. Л. М. Мартянова. – Москва : Центрполиграф, 2018. – 383 с.

3. Завойчинская, М. Высшая школа библиотекарей– [Электронный ресурс] / М. Завойчинская // Книга онлайн [сайт]. – Режим доступа : <https://biblioteka-online.info/book/vysshaya-shkola-bibliotekarey-magiya-knigokhodtsev/>. – Дата доступа : 12.06.2023.

4. Никитина, Е. Огненный путь Саламандры [Электронный ресурс] / Е. Никитина // Книга онлайн [сайт]. – Режим доступа : <http://book-online.com.ua/read.php?book=6360>. – Дата доступа : 12.06.2023.

5. Беляев, А. Человек-амфибия [Электронный ресурс] / А. Беляев // Книга онлайн [сайт]. – Режим доступа : <https://libreed.ru/chelovek-amfibiya.html>. – Дата доступа : 12.06.2023.

6. Бажов, П. П. Биография писателя [Электронный ресурс] / П. П. Бажов. – Режим доступа : <https://www.culture.ru/persons/12393/pavel-bazhov>. – Дата доступа : 12.06.2023.

Abstract. The article examines the phenomenon of hybridity in science fiction literature based on the fantasy genre. The author discovers the origins of hybridity in mythology, analyzes hybrid characters recreated on the basis of mythology – fantasy heroes in the series of books by Milena Zavoichinskaya and Elena Nikitina.

Keywords: Russian fantastic literature of the 21st century, fantasy, mythological hybrid images, M. Zavoichinskaya, E. Nikitina.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВА И УНИКАЛЬНАЯ ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА

Аннотация. В работе рассматривается вопрос о взаимосвязи между такими характеристиками слова, как его стилистическая маркированность и уникальность внутренней формы слова. Анализ субстантивных семантических коррелятов русского и белорусского языков позволил установить, что корреляции между уникальностью внутренней формы слова и его стилистической характеристикой не существует.

Ключевые слова: внутренняя форма слова, семантические корреляты, стилистическая характеристика слова, русский язык, белорусский язык.

Внутренняя форма слова (далее – ВФ) является выразителем национально-специфического взгляда на объект номинации, поскольку хранит в себе знания носителей языка о названном словом явлении. Перспективным направлением в изучении ВФ в сопоставительном аспекте является анализ ВФ семантически коррелятивных слов нескольких языков, который позволяет выявить, как по-разному носители данных языков «видят» одно и то же явление.

На основании учета совпадения / несовпадения ВФ семантических коррелятов в языках сопоставления выделяются уникальные ВФ – такие, которые свойственны наименованиям некоторого объекта в одном из языков сопоставления и отсутствуют в другом. Например, для наименования куска, отрезанного от непочатого края хлебобулочного изделия, в русском языке используются такие имеющие ВФ слова, как *горбушка* и *краюха*, в белорусском языке – *акраец*. Сопоставление ВФ перечисленных слов показывает, что ВФ рус. *краюха* и бел. *акраец* совпадают, уникальной ВФ в рамках данных языков сопоставления обладает лишь рус. *горбушка*, указывающее на форму хлебного куска через его подобие горбу.

При изучении ВФ в сопоставительном аспекте внимание исследователей привлекают отдельные ЛСГ (лексико-семантические группы), например, наименования лиц [1], животных [2], птиц [3], рыб [4], головных уборов и обуви [5], предметно-бытовая лексика [6]). На фоне уже существующих исследований, посвященных определенной ЛСГ, интересным представляется при изучении ВФ сместить фокус внимания с описания определенной темы на характеристики самой ВФ. Например, известно, что ВФ отражается на сочетаемости и стилистическом употреблении синонимичных слов в разных контекстах [7, с. 120]. Однако взаимосвязь между стилистическими характеристиками слова и его ВФ в обратном направлении – влиянии стилистической характеристики слова на его ВФ, а именно ее уникальность – специально еще не изучалась.

В рамках данного исследования были проанализированы семантически коррелятивные существительные, извлеченные методом сплошной выборки из Русско-белорусского [8] и Белорусско-русского словарей [9]. На основании сопоставления ВФ русских и белорусских номинаций были выделены уникальные в рамках языков сопоставления ВФ. Сфокусированность на стилистической характеристике слова поставила перед исследованием вопрос о том, принадлежат ли слова с уникальными ВФ к определенному стилистическому пласту или же уникальной ВФ могут обладать единицы с различными стилистическими характеристиками.

В научной литературе сама ВФ не получила однозначной трактовки. В данном исследовании под ВФ мотивированного слова будем понимать семантику его мотивирующего, ВФ мотивированного ЛСВ – мотивирующий его ЛСВ. Например, ВФ белорусского мотивированного слова *сардэчнік* ‘шматгадовая травяністая меданосная расліна сямейства губакветных, якая ўжываецца ў медыцыне пры сардэчна-сасудзістых і нервовых захворваннях’ – это значение слова *сэрца* ‘цэнтральны орган кровавароту, які мае выгляд мускульнага мяшка’; таким образом, во ВФ лексемы отражается использование данного растения для лечения сердца. ВФ непервичного ЛСВ русского слова *юбка 2* ‘боковые стенки

(или нижняя часть их) какого-либо цилиндрического изделия’ – это ЛСВ слова *юбка 1* ‘женская одежда, облегающая фигуру от талии книзу’ (покрывает его с боков)’.

Анализ уникальных ВФ семантически коррелятивных существительных русского и белорусского языков, извлеченных из Русско-белорусского и Белорусско-русского словарей, позволяет заключить, что уникальность ВФ слова не определяется его стилистической характеристикой. Уникальные ВФ свойственны

1) стилистически немаркированным словам:

бел. *бацькі* ‘бацька і маці ў адносінах да сваіх дзяцей’ – ВФ *бацька*;

бел. *кураня* ‘птушаня курыцы’ – ВФ *курыца*;

рус. *воротник* ‘деталь одежды – полоса из ткани, меха и т. п. разной формы, пришитая или пристегивающаяся к вороту’ – ВФ *ворот*;

рус. *взятка* ‘в карточной игре – карта, карты, взятые старшей картой или козырем’ – ВФ *взять*;

2) разговорно-бытовым словам:

бел. *лежань* разм. ‘чалавек, які любіць доўга спаць, ляжаць; лодар’ – ВФ *ляжаць*;

бел. *булава 2* лаянк. ‘някемлівы, неразумны чалавек’ – ВФ *булава 1* ‘гимнастичная прылада, якая мае выгляд бутэлькі з патаўшчэннем на вузкім канцы’;

рус. *барышник* разг. ‘тот, кто занимается перепродажей ради барыша; перекупщик’ – ВФ *барыш*;

рус. *закоперщик 2* прост. ‘тот, кто затевает какое-либо дело; зачинщик’ – ВФ *закоперщик 1* ‘рабочий, руководящий забиванием свай в грунт при помощи копра’;

рус. *ублюдок 2* бранн. ‘недостойный, неполноценный, никчемный человек’ – ВФ *ублюдок 1* ‘непородистое, нечистокровное животное’;

рус. *нахлестка* проф. ‘утолщение, узел или иной дефект в нити основы’ – ВФ *нахлестнуть* ‘набросить, накинуть веревку одну на другую’;

3) книжным словам:

бел. *адорвень* спец. ‘адарваная глыба горнай пароды, прынесена ледавіком’ – ВФ *адарваць*;

бел. *гоні 2* паэт. ‘прастор, зямля’ – ВФ *гоні 1* ‘вялікая, доўгая ніва’.

бел. *чыннік* кніжн. ‘фактар’ – ВФ *чыніць* ‘рабіць, учыняць, тварыць’.

рус. *раздув* спец. ‘утолщение (в пласте горной породы)’ – ВФ *раздуться*.

рус. *землепашец* стилиз. ‘тот, кто занимается земледелием’ – ВФ *пахать, земля*.

Как заметно из представленных выше иллюстраций, уникальными ВФ обладают слова с различными стилистическими пометами, в том числе и специальная лексика.

Общее число проанализированных единиц с уникальной ВФ в русском языке – 673, в белорусском – 625. Среди единиц с уникальной ВФ преобладают межстилевые единицы, общая доля разговорно-бытовых слов и ЛСВ составляет 17,6 %, книжных – 2,8%. Более детальное отображение стилистического распределения лексики представлено на рисунке 1.

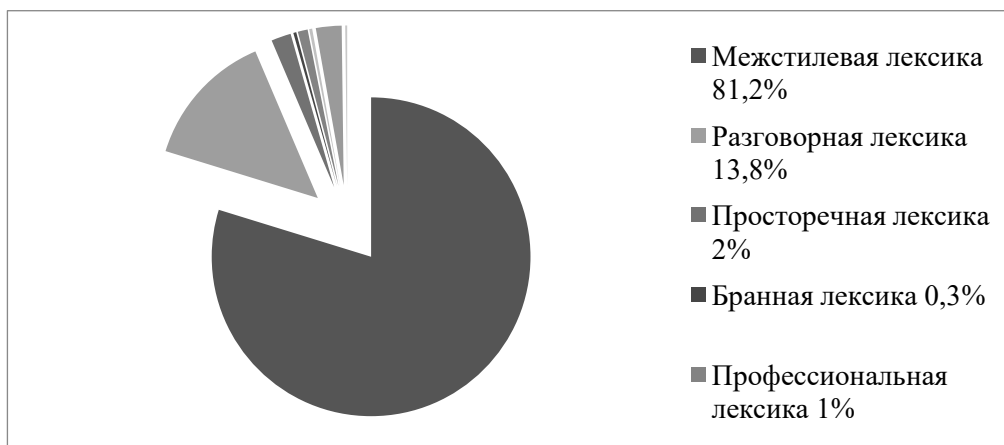

Рисунок 1 – Стилистическое распределение лексики

Таким образом, корреляции между отнесенностью слова к определенной стилистической группе и уникальностью его ВФ нет. Среди слов с уникальной ВФ на материале русских и белорусских субстантивных семантических коррелятов преобладает межстилевая лексика, значительное число единиц составляют слова разговорно-бытовые, книжная лексика (в том числе и специальная) также может отличаться уникальной ВФ.

Список использованных источников

1. Зайнетдинова, И. Р. Анализ внутренней формы наименований лица в английском и французском языках : дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20 / И. Р. Зайнетдинова. – Уфа, 2004. – 163 л.
2. Шевчик, А. В. Комплексное мотивологическое исследование зоонимов русского языка : автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / А. В. Шевчик ; Национальный исследовательский Томский государственный университет.– Томск, 2011. – 20 с.
3. Дробаха, Л. В. Національно-культурна специфіка назв птахів в українській та німецькій мовах: дис. ... канд. філ. наук: 10.02.17 / Л. В. Дробаха. – Кіровоград, 2002. – 187 арк.
4. Швець, Н. В. Мотиваційна основа іхтіонімів в англійській, французькій та українській мовах : дис. ... канд. філ. наук: 10.02.17 / Н. В. Швець. – Київ, 2016. – 207 арк.
5. Даукаева, Г. Р. Сопоставительный анализ наименований головных уборов и обуви в английском, немецком и татарском языках : дисс... канд. фил. наук: 10.02.20 / Г. Р. Даукаева. – Уфа, 2004. – 208 л.
6. Чижик, Н. А. Мотивационно-сопоставительный аспект предметно-бытовой лексики русского языка : дисс... канд. фил. наук: 10.02.01 / Н. А. Чижик. – Томск, 2005. – 218 л.
7. Иванникова, Е. А. О роли мотивированности значения в синонимических отношениях слов / Е. А. Иванникова // Лексическая синонимия. – Москва : Наука, 1967. – С. 104–120.
8. Русско-белорусский словарь : в 3 т. / под ред. А. А. Лукашанца. – 10-е изд., перераб. и доп. – Минск : БелЭн імя Пётруся Броўкі, 2012.
9. Беларуская-рускі слоўнік : у 3 т. / пад рэд. А. А. Лукашанца. – 4-е выд., перапрац. і дап. – Минск : БелЭн імя Пётруся Броўкі, 2012.

Abstract. The article examines the interaction between stylistic feature of word and inner form of word. Substantive Russian and Belarusian semantic correlates analysis revealed, that there is no correlation between inner form of word uniqueness and stylistic feature of word.

Keywords: inner form of word, semantic correlates, stylistic feature of word, russian language, belarusian language.

УДК 811.161.1'373.612.2:2-185

Е. А. Ковальчук
Научный руководитель – **О. Н. Мельникова**
канд. филол. наук, доцент

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ ЛЕКСЕМЫ *ЖИЗНЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются метафорические сочетания с компонентом *жизнь*. Предметом исследования являются особенности образного осмысления данной лексемы (на материале текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка).

Ключевые слова: лексема, семантика, образ, метафора, персонификация, сочетаемость.

Образная составляющая концепта «Жизнь» которых находит своё воплощение в ряде метафор. Рассмотрим особенности метафорического употребления ключевой лексемы концепта на материале текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка [1].

Как свидетельствует рассмотренный нами языковой материал, *жизнь* регулярно выступает в метафорической роли одушевленного существа и наделяется антропоморфными при-

знаками, сравн.: *Всюду смеялась жизнь, проснувшись после бурной ночи* [В. Г. Короленко. Мгновение]; *Иной скажет, что бесчеловечно искать вдохновение в смерти, но жизнь всегда беременна смертью, а он – не Мурильо, и ангелочков не пишет* [Святослав Логинов. Мастерская Иосифа]; *Мне немного смешно: у жизни свои планы, их не предусмотреть* [Булат Окуджава. Новенький как с иголочки]. В большинстве примеров жизнь выступает в роли субъекта действия: *Жизнь повернула на литературу. Литературная учеба, хоть и с запозданием, сложилась для Михаила Асламова удачно* [Валентина Катеринич. Двойной портрет. К юбилеям М. Ф. Асламова и Л. И. Миланич // «Дальний Восток», 2019]; *Чувствуй, что сердце чистое живет в одной сродной жизни, а когда жизнь природная наша встречает нас не славно, но подло, тогда обычай, сделав ее сладкою, сделает и славною* [Григорий Скворода. Толкование из Плутарха о тишине сердца].

Закономерной в рассматриваемом отношении представляется сочетаемость рассматриваемой лексемы с глаголами, отражающими перемещение в пространстве: *Является мне тень любви напрасной, И жизнь опять бежит во мгле январской Замерзшею волной на берег прекрасный* [И. А. Бродский. Стрельнинская элегия]; *Жизнь отходит назад дальше, чем это можно представить!* [В. Б. Кривулин. Натюрморт].

В большинстве рассмотренных нами примеров жизнь предстает в персонифицированной роли активно действующей силы, распоряджающейся человеком, что отражается в виде следующих метафорических образов. Так, в ряде контекстов жизнь выступает в роли учителя, сравн.: *Я мирился с этим, потому что жизнь научила меня не в еде находить смысл повседневного существования* [Александр Солженицын. Матренин двор]; *Нелегко проститься с юношескими грезами, но жизнь обламывает тебя, она тебя «учит», нельзя же все время быть сопливым теленком* [В. С. Аксакова. Дневник]; *Впрочем, он еще очень молод, ему 21 год. Жизнь научит и укрепит. Мы все говорим ему откровенно наше мнение и делаем ему замечания насчет его характера и т. д* [В. С. Аксакова. Дневник]. Отмечаются примеры словоупотребления, в которых актуализируется метафорический образ «Жизнь – судья», сравн.: *Но до того, как жизнь рассудит, Судьбу назвав, какая чья, Любой из тысяч этих судеб И так и так обязан я* [А. Т. Твардовский. За далью – даль]. Выделяется также ряд примеров, в которых жизнь выступает в роли агрессора: *Это был Иоанн Креститель – постаревший, полысевший, изрубленный жизнью* [И. Грекова. Хозяева жизни]; *Видно по всему, что жизнь лупцует, опрокидывает, морочит, как и всех прочих, кто живет рядом с ними* [Второе пришествие Рюрика // «Культура», 2002].

С другой стороны, в рассматриваемом языковом материале можно выделить группу примеров, в которых жизнь выступает в роли подчиненной: *Здесь каждый из нас, из центров вселенной, чувствует себя не только господином жизни, но и ее солнцем, ее единственным, лучезарным и даже как-то неумеренно благотворным солнцем* [И. Ф. Анненский. Вторая книга отражений]; *Она не знала, кто приехал, но по сигналам было ясно, что кто-то из хозяев этой жизни* [Аркадий Мацанов. Мастер и подмастерье // «Ковчег», 2015]; *Главное же – пойми то, что на тебе, как на человеке, находящемся в самом сильном возрасте жизни, на хозяйне или хозяйке дома, руководителе жизни, лежит обязанность руководить жизнью твоих семейных* [Л. Н. Толстой. Богу или Маммоне?]; *Он утверждал, что, путешествуя в глубины сознания, вступил в контакт с организацией космических существ, которая управляет жизнью на земле и готовит человека к будущей борьбе с искусственным интеллектом* [Петр Талантов. Пионеры психонавтики: как ученые ставили эксперименты с психоделиками на себе].

Метафорический образ одушевленного существа в ряде примеров наделяется признаками птицы: *Жизнь, которая так хотела всего лишь летать, как птица* [Е. В. Сафронова. Союз Евтерпы и Харона. Неразрешённые вещи // «Волга», 2015]; *Настоящая жизнь пролетела мимо, радостно трубя и сверкая лаковыми крыльями* [Борис Жеребчук. Эмигрантская литература: миф или реальность? // «Менестрель», 2014].

Отмечается также ряд воспроизводимых в рассматриваемом нами языковом материале концептуальных метафор, не связанных с отражением свойств одушевленного существа.

Так, жизнь может уподобляться дороге, сравн.: *Из-за травмы позвоночника она выброшена из большого спорта на обочину жизни* [Наталья Елизарова. Экранизации художественных произведений о школе // «Менестрель», 2014]; *А тот барин, из-за которого поворот жизни случился, все еще на земле пыхтел да отдувался* [П. П. Бажов. Хрупкая веточка]; *Как странно идти по прямому, стрелой выстреленному коридору, а жизнь такая путаная, тропка, овраги, болотца, ручейки, степная пыль, несжатый хлеб, продираешься, обходишь, а судьба прямая, струночкой идешь, коридоры, коридоры, в коридорах двери...* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3].

В рассмотренном нами языковом материале выделяются примеры, репрезентирующие метафорический образ «Жизнь – вода»: *Есть вещи годные лишь для юных, тех, чья жизнь льется через край, кто меняет дни, не замечая их неповторимой ценности* [Ольга Басюк. Осколки жизнью / Цветочница // «Ковчег», 2015]; *Ведерников на своей навороченной коляске размером с мини-трактор прежде не заруливал в мебельные теснины этой комнаты, пышной и душиной, всегда наполненной испарениями жизни* [О. А. Славникова. Прыжок в длину]. Однако чаще всего данный образ выступает в виде реки или – шире – водоёма, сравн.: *Жизнь сама собой стекает в отведенные ей берега* [А. М. Титов. Общежитие писателей // «Волга», 2015]; *Водоворот жизни, в котором весны всегда возвращаются, и опять из вековой темноты и непа прорываются к свету цветы, в которых дышит «тепло сердечной простоты»* [Эльвира Кочеткова. Запомним: Павел Васильев // «Дальний Восток», 2019]; *Нам надо перестать бояться жить полноценной жизнью в эпоху бытовых и прочих неурядиц, как Пушкин, окунаясь в источники жизни, а не скулить потому, что народные рейтинги зашкаливают* [Виктор Ерофеев. Ссылка в красоту // «Огонек», 2014].

Отмечены примеры словоупотребления, отражающие метафорический образ «Жизнь – книга», сравн.: *Так возникли омская, рязанская, новосибирская и другие страницы его жизни* [Эльвира Кочеткова. Запомним: Павел Васильев // «Дальний Восток», 2019]; *Эх, много бы я дал, чтобы прочесть эту папочку... " И, с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклиная, и горько жалеюсь, и горько слезы лью, но строк печальных не смываю!.. " Вот именно!* [Даниил Гранин. Зубр].

В ряде случаев жизнь метафорически уподобляется пище, сравн.: *Клубника, как самый нежный продукт, мечтает подсахарить жизнь поэтам и влюбленным* [Игорь Муханов. Виват, Поэзия // «Дальний Восток», 2019]; *В терпком букете вина я ощущал привкус почвы, где рос виноград, и пот растивших его рук, и запах дождя и солнца, и вкус самой жизни человека, что принимал нас с таким радушием* [Роман Романов. Вот саминхо, или Пилигримуши на Пути Святого Иакова // «Дальний Восток», 2019]; *Именно здесь нам не надо было лгать и изворачиваться, чтобы просто выжить, распахивать локтями и топтать ближних, дабы урвать себе в жизни кусок пожирнее* [Игорь Вольский. Пропасть им. Пантюхина: будет ли новый мировой рекорд?].

Рассмотренный нами языковой материал позволяет также выделить метафорический образ «Жизнь – растение», сравн.: *Мамочка всевластна. Как она скажет, так и будет. А он – поздний ребенок, маленький комочек, оплошность природы, обсевок, обмылок, плевел, шелуха, предназначавшаяся к сожжению и случайно затесавшаяся среди своих здоровых собратьев, когда Сеятель щедро разбрасывал по земле полнокровные зерна жизни.* [Татьяна Толстая. Ночь (1983)] (617. Татьяна Толстая. Ночь (1983)]; *Семена жизни носятся по рождающимся Вселенным, цепляясь за что удастся* [Виктор Бирюлин. Семена жизни // «Ковчег», 2014].

Таким образом, персонифицированный образ жизни в подавляющем большинстве рассмотренных нами контекстов выступает как субъект действия. Метафорическая сочетаемость лексемы *жизнь* преимущественно отражает представления о роли существа, наделённого силой и властью, свободного и независимого. В отношениях «жизнь – человек» жизнь влияет на человека, двигает им, изменяет его, иногда оказывает ему помощь, является судьёй, учителем, агрессором; человек в этих отношениях пассивен и, как правило, вынужден подчиниться жизни. Рассмотренный нами языковой материал позволяет также выделить ряд метафорических образов, не связанных с антропоморфными признаками.

Список использованных источников

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/> – Дата доступа: 05.10.2023.

Abstract. The article discusses metaphorical combinations with the component life. The subject of the study is the peculiarities of the figurative interpretation of this lexeme (based on the material of texts presented in the National Corpus of the Russian Language).

Keywords: lexeme, semantics, image, metaphor, personification, compatibility.

УДК 811.111

К. В. Кодинцева

Научный руководитель – **Е. Е. Иванов**,
д-р филол. наук, профессор

ПЕРЕВОД МЕТАФОР В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

Аннотация. В статье рассматриваются способы и приемы перевода метафор в художественном тексте с английского языка на русский на материале романа У. С. Моэма «Театр». Выделяются основные приемы в рамках разных способов переводческих трансформаций: лексической (добавление, опущение, конкретизация, генерализация), грамматической (синтаксическое членение, замена, перестановка), лексико-грамматической (компенсация, антонимическая замена). Обращается внимание на то, что способы и приемы перевода метафор должны быть адаптированы к специфике конкретного художественного текста.

Ключевые слова: английский язык, русский язык, художественный текст, метафора, способы и приемы перевода

Метафора, как известно, представляет собой одно из самых стилистически и семантически эффективных средств языка, которое наиболее разнообразно используется в художественных текстах. Метафора позволяет достичь высокой степени эмоциональной и эстетической выразительности, позволяет передавать тонкие оттенки авторской мысли. Метафорические образы передают не только фактические события и обстоятельства, но и настроение, эмоции и чувства, создают цельную картину мира. Метафора помогает читателю лучше понять и оценить содержание художественного текста, обогащает его восприятие. Если произведение переводится на другой язык, то основной задачей переводчика является максимально полно сохранить своеобразие авторской метафористики.

Существуют различные способы перевода метафор. Так, Л. С. Бархударов выделяет грамматические трансформации (перестановки, замены, опущения) и комплексно лексико-грамматические замены [1, с. 98]. А. Л. Семёнов выделяет всего три типа переводческих трансформаций: лексические (дифференциация, конкретизация и генерализация значения, содержательное разветвление, антонимический перевод, описательный перевод), грамматические (замена, изменение порядка слов, словосочетаний, предложений и т. п.) и семантические (генерализация, конкретизация, добавление, опущение) [2, с. 45]. Т. А. Казакова предлагает такие способы перевода метафор, как полный перевод (который применяется для метафорических единиц в том случае, если в языке оригинала и перевода совпадают как правила совместимости, так и традиции выражения эмоционально-оценочной информации, которую несет в себе данная метафора), добавление / опущение (используются в тех случаях, когда мера предположения сходства в языке оригинала и перевода различная, и требуют, соответственно, или экспликации, или импликации содержания переводимого текста), замена (применяется в случаях лексического или ассоциатив-

ного несоответствия между элементами метафоры в языке оригинала и перевода), структурная перестройка (которая применяется при разногласиях традиций грамматического оформления метафоры в языках оригинала и перевода) [3, с. 76].

Знание основных лексических и грамматических, а также комбинированных способов перевода лексических единиц (прежде всего метафорической) входит в перечень необходимых языковых компетенций специалиста и соответствует современным требованиям к качеству лингвистической подготовки в области иностранных языков [4] и межкультурной коммуникации [5]. Основы перевода метафоры требуют специальной подготовки и отражаются в современных учебных пособиях по практике речи и практической грамматике английского языка как иностранного для студентов лингвистических и филологических специальностей университетов [6; 7; 8; 9]. Важно при этом обращать внимание на наличие универсальных и специфических метафор [10].

Исследование показало, что в переводе на русский язык романа У. С. Моэма «Театр» применяются такие лексические трансформации при переводе метафор, как добавление, опущение, конкретизация, генерализация.

Приём добавления – это способ, при котором переводчик добавляет поясняющие элементы в языке перевода, которые он считает необходимыми для правильного понимания текста, например: *When she thought of it her heart leaped* – Когда он пришел Джулии в голову, сердце подскочило у нее в груди; *He went scarlet* – Том покраснел до корней волос; *I like having it thrown in my face that even my tips have to be given me* – Мне, конечно, приятно, когда мне бросают в лицо упрек, что даже чаевые и те я не могу сам заплатить; *Charles stepped forward and sinking to his knees took that broken woebegone body in his arms* – Чарльз сделал шаг вперед и, опустившись на колени, заключил сломленное горем, безутешное существо в свои объятия; *She felt a sudden pang* – Сердце ее пронзила внезапная боль. Как видим, добавляются лексемы *у нее в груди, до корней волос, упрек* и т. д. Таким образом, происходит уточнение метафор языка оригинала.

Приём опущения является обратным добавлением. Переводчик при передаче таких единиц опускает лишние единицы, например: *His skin no longer had the soft bloom of a peach* – Кожа перестала напоминать персик; *The thought flashed through her mind that Michael had brought her down for his parents to inspect her* – У нее мелькнула мысль, что Майкл привез ее родителям на смотрины; *His beautiful eyes beamed with pleasure* – Его прекрасные глаза сияли; *She was free of the bondage in which her senses had held her to him and she exulted* – Она была свободна от уз, которые связывали её с Майклом, и ликовала; *The next play's bound to be all right and then we shall get back all we've lost and a packet into the bargain* – А следующая пьеса пойдет на ура, и мы с лихвой возместим все убытки.

Прием конкретизации предполагает, что переводчик заменяет более общее понятие на конкретное, напр.: *Men were creatures of habit* – Мужчины – рабы привычек; *Her face hardened* – Ее лицо окаменело; *It would kill her* – Пьеса утопит ее. Как видим, родовое понятие заменяется видовым (в данных примерах это замены *creature* – раб, *harden* – окаменеть, *kill* – утопить).

Прием генерализации – это прием, обратный конкретизации, используется значительно реже других лексических трансформаций, например: *He becomes a star and then she's a millstone round his neck* – Он делается звездой, и тогда она камнем висит у него на шее; *Julia felt a strange pang in her heart* – У Джулии непонятно почему сжалось сердце.

Грамматические трансформации при переводе на русский язык метафор в романе У. С. Моэма «Театр», как показало исследование, были ограничены всего тремя приемами: членение предложений, перестановки, замены (в том числе частей речи, вида предложения по цели высказывания, активной конструкции на пассивную, типа связи, грамматического числа), например: *Her pain absorbed her* – Джулия так была поглощена своей болью; *If you've got any spark of tenderness in that hard heart of yours* – Если в твоём твердом сердце есть хоть искорка нежности ко мне; *Herself treated like a curate's wife to whom the squire's lady was being*

very kind – Та обращается с ней как жена сквайра, желающая быть любезной с женой викария; *Her breasts might have been a girl's* – Грудь у нее совсем девичья; *She spiritually shrugged a humorous shoulder* – Джулия пожала в душе плечами; *What were the triumphs of the stage but illusion?* – Что все ее сценические триумфы? Иллюзия.

Исследование показало, что в переводе на русский язык романа У. С. Моэма «Театр» применяются два приема лексико-грамматической трансформации при переводе метафор: компенсация и антонимический перевод.

Компенсация – это прием, который переводчик использует в связи с тем, что некоторые смысловые или стилистические оттенки не могут быть переданы в языке перевода точно так же, как они выражены на языке оригинале. Тогда переводчик вводит другую метафору, которая передаст смысл и эмоциональное содержание оригинального текста, но не соответствует той, что употребляется в оригинале, например: *Before, to her passionate nostrils his body, his young beautiful body, had seemed to have a perfume of flowers and honey* – Раньше ей казалось, что его тело, его юное прекрасное тело пахнет цветами и медом, она жадно вдыхала этот сладостный аромат; *She had a warmth, a force of character, and a bubbling vitality* – У нее были теплота, характер и кипучая энергия; *I should be a damned fool if I got myself mixed up with some woman in Middlepool. After all, they're mostly flappers* – Я был бы последним дураком, если бы связался с кем-нибудь здесь, в Миддлпуле. В большинстве это все желторотые девчонки.

Использование антонимического перевода предполагает, что утверждение замещается отрицанием, и наоборот, например: *I felt I was getting too set* – Я почувствовала, что мне надо встряхнуться; *A ripe peach waiting to be picked* – спелый персик, который нельзя не сорвать; *'Nice to have a young fellow like that around,' he said. 'It keeps one from growing rusty.'* – Приятно, когда в доме молодежь, – говорил он, – не дает самому тебе заржаветь; *I've often wondered if there was ever a you or if you were never anything more than a vehicle for all these other people that you've pretended to be* – Я часто спрашиваю себя: была ли ты когда-нибудь сама собой или с самого начала служила лишь средством воплощения в жизнь всех тех персонажей, которые ты изображала. Следует отметить, что прием антонимического перевода используется сравнительно редко, поскольку существенно меняет содержание метафорического контекста.

Метафора выполняет много функций в художественных произведениях, поэтому ее перевод предполагает использование множества переводческих способов и приемов, выбор каждого из которых всегда должен быть строго адаптирован к специфике конкретного художественного текста.

Список использованных источников

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – Москва : Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Семёнов, А. Л. Основные положения общей теории перевода / А. Л. Семёнов. – Москва : Изд-во РУДН, 2005. – 99 с.
3. Казакова, Т. А. Теория перевода (лингвистические аспекты) / Т. А. Казакова. – СПб. : Союз, 2003. – 296 с.
4. Иванов, Е. Е. Качество лингвистического образования в Республике Беларусь (в аспекте межкультурной коммуникации) / Е. Е. Иванов // Проблемы качества образования в Белоруссии и России в контексте интеграционных процессов : в 2 ч. / под ред. М. И. Вишневого, В. В. Мосолова. – Москва : Российская академия образования, 2008. – Ч. 1. – С. 161–170.
5. Иванов, Е. Е. Общность задач преподавания русского и иностранных языков белорусам (в аспекте межкультурной коммуникации) / Е. Е. Иванов // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте : сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2012. – С. 3–7.
6. Василенко, Е. Н. English. Developing Speaking and Writing Skills : учеб. пособие : в 2 ч. / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернева. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – Ч. 1. – 348 с. ; Ч. 2. – 232 с.

7. Василенко, Е. Н. English. Developing Speaking and Writing Skills : учеб. пособие / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернёва. – Минск : РИВШ, 2023. – Ч. 1. – 292 с.
8. Глуханько, Л. В. Practical English Grammar: Verbals : учеб.-метод. пособие / Л. В. Глуханько, Н. Д. Голякевич, С. П. Зубрий, Е. Е. Иванов. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2017. – 168 с.
9. Голякевич, Н. Д. Practical English Grammar: Morphology : учеб. пособие / Н. Д. Голякевич, С. П. Зубрий, Е. Е. Иванов. – Минск : РИВШ, 2019. – 268 с.
10. Гак, В. Г. Метафора универсальная и специфическая / В. Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – Москва : Наука, 1988. – С. 11–28.

Abstract. The article discusses the ways and techniques of translating metaphors in a literary text from English into Russian using the material of the novel by W.S. Maugham “Theater”. The main techniques within different translation methods are highlighted: lexical transformation (adding, deleting, specification, generalization), grammatical transformation (syntactic division, replacement, rearrangement), lexical-grammatical transformation (compensation, antonymic replacement). Attention is drawn to the fact that the methods and techniques of translating metaphors must be adapted to the characteristics of a particular literary text.

Keywords: English, Russian, literary text, metaphor, methods and techniques of translation

УДК 811.581'42'27'373:598.1

В. А. Колос, А. В. Максименко
Научный руководитель – **А. А. Аксёничкова-Бирюкова,**
магистр филол. наук

ОБРАЗ ЧЕРЕПАХИ В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть образ черепахи, представленный в китайской мифологии; проанализировать метафоры и символические значения образа; исследовать роль, которую черепаха играла в обществе и культуре Древнего Китая.

Ключевые слова: мифология, образ черепахи, фразеологизмы, притчи, китайский язык.

Черепаха занимает важное место в китайской культуре. В древних китайских книгах она упоминается как одно из четырех священных животных наряду с фениксом, единорогом и драконом.

Черепаха *гуй* 龟 – священное животное. Она является олицетворением мира и космического порядка: *тиань юань дифан* 天圆地方 – *небо круглое, а земля квадратная* в значении ‘так устроен мир’, так как верхняя куполообразная часть панциря черепахи символизирует небесный свод (мужское начало Ян), а нижняя квадратная плоская часть представляет Землю (женское начало Инь) *счастье* [1, с. 342].

В словаре «Эръя» описаны девять видов черепах: *гуйшэн* 龟神 – черепаха с самой чудодейственной силой; *линшуй* 灵龟 – морская черепаха, умеющая петь; *шэгуи* 摄龟 – черепаха, поедающая змей; *баогуй* 宝龟 – черепаха, приносящая удачу человеку, который на ней гадает; *вэньгуи* 文龟 – черепаха, на панцирь которой нанесены письмена; *шигуи* 筮龟 – черепаха, скрывающаяся в зарослях тысячелистника, который используется в гадании; *шаньгуи* 山龟 – черепаха, прячущаяся в горах; *цзэгуи* 泽龟 – черепаха, живущая в большом озере; *шуйгуи* 水龟 – черепаха, способная поглощать огонь [2, с. 162].

Образ черепахи нашел отражение в китайской мифологии. Согласно одному из древнейших мифов о спасении человечества, когда богиня Нюйва чинила небосвод, спасая людей, она использовала лапы гигантской черепахи в качестве подпорок. Другой миф говорит о том, что черепаха дала совет легендарному императору Фуси, как он может сделать свою сестру Нюйва своей женой. Фуси прислушался к ее совету и добился успеха. Нюйва, узнав об этом,

растоптала черепаху, и ее панцирь раскололся на части. Фуси собрал и соединил все кусочки панциря черепахи, однако трещины остались на нем навсегда [3, с. 63].

В Древнем Китае трещины на панцире черепахи толковались как прообразы иероглифов. Считается, что именно на панцире черепахи *гуй*, вышедшей из реки Лошуй, Великий Юй увидел письмена – *гуйфу*, которые легли в основу древней китайской иероглифической письменности [4, с. 62]. Кроме того, самые древние китайские записи были выполнены на именно черепаховых панцирях.

Иероглиф *гуй* 龟 входит в ряд фразеологизмов, которые имеют связь с древними китайскими притчами.

Черепаха является символом долголетия, силы и выносливости. Считалось, что они живут тысячу лет. В словаре «Шовэнь цзэцзы» говорится: *Гуй, цзю е, вайгу нэйжоу чжэ е* 龟, 旧也, 外骨肉肉者也。 – *Черепаха старая – снаружи кости, внутри плоть* [2, с. 163].

Из панциря черепахи в Китае готовили лекарство, которое называлось *гуй* Его было принято употреблять весной для укрепления организма: *Гун гуй юн чунь ши* 攻龟用春时 – *Весной лечат лекарством, приготовленным из черепахового панциря* [5].

Кроме того, черепаха считается символом удачи. Издревле в Китае гадали на панцире черепахи, по трещинам, образовавшимся на нем при обжиге, узнавали, насколько будут счастливыми события в будущем. Согласно притче, после того как Сунь Юаньцзюнь убил черепаху и погадал на ее панцире двенадцать раз, удача всегда сопутствовала ему: *Ша дяо бай гуй лай чжаньбу, дацзи* 杀掉白龟来占卜, 大吉。 – *Убей белую черепаху для гадания, обретешь счастье* [2, с. 163].

В древности черепахи панцири использовали в качестве денег, а в некоторые эпохи на медных монетах были изображены черепахи. В связи с этим в китайском языке существуют выражения: *ши пэнчжи гуй* 十朋之龟 – *десять пар черепаших панцирей*; и *жэнь юн можу гуй* 人用莫如龟 – *человеку дороже всего деньги* [5].

В Древнем Китае для важных чиновников существовала печать с ручкой в виде золотой черепахи. В связи с этим появились такие выражения: *пэй гуй* 佩龟 – *повесить шнур с черепаховой печатью* в значении ‘поступить на службу’, *цзэ гуй* 解龟 – *сдать шнур с черепаховой печатью* в значении ‘уйти в отставку’ [5].

Отличительным знаком высших чинов в эпоху Тан (618–907) было золотое украшение в виде черепахи *цзиньгуй* 金龟 – *золотая черепаха*. Придворный поэт Хэ Чжичжан (659–744) очень любил это украшение и всегда носил на своей одежде. Однажды встретив своего друга поэта Ли Бо, он снял золотую черепаху и обменял ее на вино, чтобы повеселиться со своим другом. Когда Чжичжан умер, Ли Бо посвятил ему стихотворение «Поднимаю бокал вина за инспектора Хэ», в котором рассказал об этом случае.

В дальнейшем выражение *цзиньгуй хуань цзю* 金龟换酒 – *золотую черепаху обменять на вино* стало использоваться в поэзии для описания великодушного человека, который мог обменять дорогую вещь на хорошее вино, чтобы повеселиться с близким другом [2, с. 164].

Согласно притче, когда егань – животное, похожее на лисицу, напало на черепаху, оно не ожидало, что та спрячет голову с лапами в панцирь. Все конечности черепахи, а также голова и хвост, составляют в сумме шесть. Поэтому выражение *гуй цан лю* 龟藏六 – *черепаха прячет шесть*, которое встречается в китайской поэзии, служит для определения людей, прячущих свои таланты, чтобы не навлечь на себя неприятности и зависть [2, с. 164].

Несмотря на то, что черепаха считается священным животным, в китайском языке существует много бранных слов, в состав которых входит иероглиф 龟 *гуй*. Например, *гуй ну* 龟奴 – *служитель публичного дома* (мужчина, который посещает эти дома) и *гуй эрцзы* 龟儿子 – *паршивец; незаконнорожденный ребенок* [2, с. 165].

Эти выражения появились в эпоху Чуньцю (770–476 гг. до н. э.), когда во времена голода мужчины продавали своих жен и детей. Для того чтобы показать свой позор, они должны

были носить на голове зеленую повязку. Так как голова черепахи зеленого цвета, мужчин, которые были вынуждены носить эти повязки, стали называть черепахами. Выражение *зуй лумаоцзы* 龟. 绿帽子 – *зеленая шапка* используется в наше время в значении ‘неверный муж’. По этой причине черепахами называют тех, кто изменяет жене [2, с. 165].

В ходе исследования выявлено, что черепаха *зуй* 龟 – это священное животное в Китае. Она является олицетворением мироздания, символом долголетия, удачи и выносливости. Издревле панцирь черепахи использовали для предсказания будущего, для первых иероглифических записей. В то же время следует отметить, что образ черепахи связан с отрицательными коннотациями и служит для обозначения неверного мужа.

Список использованных источников

1. Готлиб, О. М. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений / О. М. Готлиб, Му Хуаин. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2019. – 596 с.
2. Сюй, Хуэй Этимология китайских иероглифов. Сто самых красивых китайских иероглифов, которые должен знать каждый / Хуэй Сюй ; пер. с кит. Д. Е. Куликова, А. А. Никитиной, А. О. Фиалковской – Москва : ООО Междунар. издат. компания «Шанс», 2020. – 407 с.
3. Юань, Кэ. Мифы древнего Китая / Кэ Юань ; пер. с кит. текстов Е. И. Лубо-Лесниченко, Е. В. Пузицкого ; пер. с кит. коммент. Е. И. Лубо-Лесниченко, В. Ф. Сорокина ; ред. и послесл. Б. Л. Рифтина. – Москва : Наука, 1965. – 178 с.
4. Ши, Динго. Мудрость китайских иероглифов / Динго Ши, Вэйдун Ло ; пер. с кит. А. А. Матвеевой, Д. А. Чунюкина. – Москва : ООО Междунар. издат. компания «Шанс», 2022. – 215 с.
5. Большой китайско-русский словарь : в 4-х т. / Под общ. ред. И. М. Ошанина. – Москва : Наука, 1983–1984. – Т. 1–4.

Abstract. The article attempts to consider the image of the turtle presented in Chinese mythology; analyze metaphors and symbolic meanings of the image; explore the role that the turtle played in the society and culture of ancient China.

Keywords: mythology, image of a turtle, phraseological units, parables, Chinese language.

УДК 659.4-811.161

М. К. Константинова
Научный руководитель – **Л. Б. Кацюба**,
канд. филол. наук, доцент

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (на материале сообществ «ВПШ» и «Искусство манипуляции» в социальной сети ВКонтакте)

Аннотация. Статья посвящена описанию результатов исследования отличительных признаков виртуального общения с точки зрения использования лингвостилистических средств в публикациях и комментариях на страницах сообществ в социальной сети ВКонтакте.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, социальная сеть ВКонтакте, язык и стиль виртуального общения.

Изучение языковых особенностей интернет-коммуникации в век виртуального общения является живой и актуальной темой. Под лингвостилистическими особенностями мы понимаем совокупность отличительных языковых признаков текста, употребление которых свойственно определенной группе людей, объединенных общими социальными и культурными связями.

Для литературного языка характерно наличие в тексте зафиксированных в полной форме слов с точным значением, терминов и определений (в зависимости от стиля текста), лек-

сических (или контекстуальных) синонимов и антонимов и др. В интернет-коммуникации можно проследить тенденцию к стремлению упростить процесс передачи информации. По этой причине на просторах глобальной сети часто используются упрощенные фразы или сокращенные слова: *имхо* (по моему мнению), *ака* (сравнение с чем-либо), *пов* (точка зрения), *скам* (афера), а среди определенной аудитории обрела популярность замена отдельных лексем на эмодзи или мемы.

Как известно, синтаксическая организация художественного текста отличается богатством и многообразием: от стилистического использования разных типов простого и сложного предложения до синтаксических средств экспрессивной речи. Интернету же свойственны простые предложения; точки и запятые в качестве знаков препинания имеют свойство опускаться и рассматриваться как, например, признак дурного тона. Так, в общении между пользователями точка в конце предложения – это признак пассивной агрессии или злости: *Я вообще не обиделась.*, а частое использование восклицательных и вопросительных знаков придаёт речи повышенную экспрессию: *вау, это такая круть!!!!!!!!!!!!!!*.

Наши наблюдения за особенностями языка соцсетей и предположение о том, что интернет-коммуникация отличается регулярным внедрением в речь различных сокращений, например, *админ* вместо *администратор*, *лол* вместо *смех* и т. п., уменьшительно-ласкательных форм (*котейка*, *няшка*), усеченных моделей, особых синтаксических конструкций и т. д., подтвердили исследования специалистов [1, с. 124].

В данной статье мы рассматриваем понятие интернет-коммуникации вслед за исследователем А. Л. Холод: «Под интернет-коммуникацией понимают опосредованное компьютером общение двух или более лиц, характеризующееся невидимостью коммуникантов, письменной формой посылаемых сообщений, возможностью незамедлительной обратной связи, а также взаимодействием или обменом электронными сообщениями или же взаимным обменом и правом доступа к информации, хранящейся в компьютерах коммуникантов» [2].

В своей работе мы выбрали для анализа платформу ВКонтакте, поскольку она активно отражает развитие и специфику языка в интернете: «среди основных платформ, на которых активно используется русский язык, можно выделить ВКонтакте, Одноклассники (или ранее Facebook, Instagram, Twitter* запрещены в РФ) и другие. Пользователи используют русский язык для общения, обмена информацией, создания и распространения контента, что способствует сохранению и развитию языка в электронной среде» [3, с. 199].

Классификация социальных сетей осуществляется путем их группировки в соответствии с видом потребности, ради удовлетворения которой пользователь заходит в сеть. Такое универсальное средство коммуникации, как ВКонтакте, используется, в основном, для общения. Если же человек хочет погрузиться в визуальный контент, то он с наибольшей вероятностью обратится к социальной сети YouTube. Обмен мнениями в ВКонтакте происходит как в рамках внедренного в систему мессенджера, где люди могут напрямую контактировать между собой, так и с помощью комментариев к публикациям других пользователей.

Практическая часть работы состояла в поиске релевантных современным тенденциям развития общества материалов публичных сообществ. В последующем полученная информация от пользователей сети была проанализирована в аспекте рассмотрения языковых особенностей. Объектами исследования стали комментарии людей в сообществах «ВПШ» (2,3 млн подписчиков) и «искусство манипуляции» (128 тыс. подписчиков). Первое было интересно с точки зрения большого охвата аудитории: если посмотреть расширенную информацию, то можно утверждать, что паблик охватывает людей разных возрастов, интересующихся жизнью современных лидеров мнения – блогеров. Второе сообщество, выбранное нами для анализа, приобрело популярность в том числе из-за своего названия, которое отсылает к широко обсуждаемой теме психологии, к которой почти каждый молодой человек в настоящее время ощущает свою причастность. Стоит отметить и специфический вариант написания названия – со строчной буквы, соответствующий общим неофициальным принципам общения пользователей.

Мы проанализировали порядка 120 постов за август–сентябрь 2023 года. По данным, полученным в результате работы, можно утверждать, что люди часто игнорируют правила орфографии и пунктуации, начиная предложение со строчной буквы и не заканчивая его необходимым знаком препинания, например, *компромисс-когда плохо всем*). Здесь также можно увидеть, что не все люди понимают разницу между использованием тире и дефиса. Многие пользователи, как можно заметить в спорах, происходящих в комментариях, считают нажатие на клавишу клавиатуры времязатратным и стремятся наиболее быстро доносить важную информацию. По аналогичным причинам можно встретить сокращения, используемые с целью упростить процесс восприятия. Так, одним из самых продуктивных явились единицы *лол* (обозначение веселья), *няша* (что-то милое или прелестное), *вб* (сокращение от *Wildberries*), *пж* (пожалуйста).

Однако в некоторых случаях подобные желания имеют обратную силу, например, в случае с употреблением единицы *депр*. Необходимо вникнуть в контекст, полностью осмыслить фразу для того, чтобы понять, что пользователь подразумевал распространённое нарушение психического здоровья – депрессию. Часто можно увидеть использование англицизмов *трэш*, *кринж*, *кринге*, *плиз* и т. п., которые входят в современный лексикон молодежи из-за влияния иностранной массовой культуры на сознание людей.

В области лексики и фразеологии продуктивными явились следующие единицы: просторечные дисфемизмы: *ляхи*, *жирный*, *жируха*, *калякать*; слова с искаженной орфографией, «осколки» албанского языка: *щас*, *хоспаде*, *красавчек*; фразеологизмы и их сокращенные разговорные варианты: *с языка снял (-а, -и)*, *правда-матка*, а также новая сленговая фразеология: *жиза в глаз попала* (здесь читается контаминация форм: *соринка в глазу* и *жизненно*), *ну такое себе*, конструкция: *любой вопрос-утверждение +, не?* (например, *я че-то не то говорю, не? мы уже где-то это слышали, не?*) и др. Любопытно, что в постах, отражающих насущные проблемы, самой активной явилась лексема (*моя, твоя, наша...*) *жиза*, т. е. *жизненно*, «это (моя, твоя, наша...) жизнь». Под одним, особенно актуальным для подписчиков, постом можно увидеть около 30 и более употреблений этой единицы.

Мы обнаружили также, что наряду с пренебрежением к языковым нормам и правилам в виртуальном языке активно используется научная, книжная, профессиональная, специальная лексика: *когнитивный*, *эмоции*, *зависть*, *негативный*, *отношения*, *отвержение*, *симпатии*, *саморазвитие*, *тревожность*, *сигнализировать* и др.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что тексты интернет-коммуникации (по материалам сообществ «ВПШ» и «искусство манипуляции» в ВКонтакте) отличаются от художественных, использующих литературные средства языка, а сама виртуальная коммуникация в отличие от привычных форм общения изобилует языковыми средствами, отступающими от правил грамматики, словообразования, стилистики. По причине ощущения полной свободы самовыражения, граничащей с вседозволенностью, пользователи социальной сети, не боясь, что их начнут поправлять или критиковать относительно допущенных ошибок, обращаются к подобным единицам, «творят» новые, не стесняясь использовать и обсценную лексику. Интернет является для многих безопасным местом, которое представляет шанс выразить своё мнение и поdiskутировать с другими пользователями в формате, близком к реальному устному обсуждению, спору и даже конфликту, не требующему знания норм правописания и соблюдения этикета.

Можно отметить, что не все молодые люди одобряют сложившуюся тенденцию к подобному упрощению и «развитию» языка. На наш взгляд, описанные «новомодные тренды» интернет-коммуникации способствует распространению безграмотности и обеднению речевой культуры. Однако согласимся с исследователями в том, что «целесообразное применение необычного слова живого языка делает речь яркой, выразительной. Стилистическое рассмотрение и оценка таких фактов языка необходимы» [4, с. 29].

Список использованных источников

1. Россихина, М. Ю. Специфика интернет-сленга немецкоязычной молодежи / М. Ю. Россихина, А. А. Быков // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 4. – С. 116–126.
2. Холод, А. Л. Коммуникативные стратегии и тактики виртуального общения [Электронный ресурс]. / А. Л. Холод // Карповские научные чтения : сборник науч. ст. – Вып. 11 : в 2 ч. Ч. 1 ; под ред. А. И. Головни и др. – Минск : «ИВЦ Минфина», 2017. – С. 295–298. – Режим доступа : <https://elib.bsu.by/handle/123456789/179884>. – Дата доступа : 18.09.2023.
3. Лукьянова, И. В. Русский язык в эпоху цифровой трансформации : проблемы и перспективы / И. В. Лукьянова // Вестник науки. – 2023. – Т. 4. – № 4 (61). – С. 198–209.
4. Кацюба, Л. Б. Стилистика русского языка и культура речи : курс лекций / Л. Б. Кацюба. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 71 с.

Abstract. The article describes the results of a Study of Language means of Internet communication based on publications and comments in the communities on the VKontakte social network.

Keywords: the Internet communication, the VKontakte social network, the Language and Style of virtual communication.

УДК 81'373

Д. А. Конькова
Научный руководитель – **Н. В. Позднякова**,
канд. филол. наук, доцент

СУДЬБА УСТОЙЧИВОГО СЛОВЕСНОГО КОМПЛЕКСА *БЕЗ УМА* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению судьбы устойчивого словесного комплекса *без ума*, перешедшего в современный русский язык из общеславянского литературного языка X–XI вв. Примеры его употребления рассматриваются с использованием данных Национального корпуса русского языка. Диахронический анализ подводит к выводу об активном использовании языковой единицы в новом значении в современном русском языке.

Ключевые слова: устойчивый словесный комплекс, *без ума*, полисемия, Национальный корпус русского языка.

Вопрос о характеристиках фразеологических единиц русского языка рассматривается исследователями на протяжении нескольких десятилетий, однако до сих пор нет единого мнения на этот счет.

Многие устойчивые выражения берут начало в общеславянском литературном языке X–XI вв. Одним из таких примеров может послужить устойчивое сочетание *без ума*, часто используемое в настоящее время в устной и письменной речи.

Цель нашей работы – описать судьбу укоренившегося в языке устойчивого сочетания *без ума*, проследив изменение его семантики.

Чтобы определить природу устойчивого словесного комплекса, обратимся к работе Н. М. Шанского «Фразеология современного русского языка», где определяются два основных признака фразеологической единицы – сверхсловность и воспроизводимость [1, с. 36]. Того же подхода придерживается в труде «Фразеология в контексте современных лингвистических исследований» А. М. Чепасова, которая при классификации моделей типа *под носом*, *с порога*, *с головой* отмечала: «Такие сочетания есть у каждого косвенного падежа и составляют в языке едва ли не самый многочисленный отряд. Анализ их значения, сочетаемости, функционирования, их семантических отношений убедили нас в том, что это фразеологизмы» [2, с. 24].

В древнейших памятниках славянской письменности УСК *безь оума* (чтоо днѣти) являлся полисемантом. По данным «Большого фразеологического словаря старославянского языка» под редакцией С. Г. Шулежковой, данная языковая единица обнаруживает следующие значения:

- 1) 'напрасно, зря': *ти без оума гнѣва~те с– на младенишит–* (Супрасльская рукопись);
- 2) 'глупо': *и без оума въ пирь не моудри с#* («Изборник», 1076 г.);
- 3) 'несправедливо': *небо без оума не просто си въ закони с# б(о)жиш цр(ьр)к(ъ)ви* («Изборник», 1076 г.);
- 4) 'неумело': *без оума чтоутъ м#* («Изборник», 1073 г.);
- 5) 'беснуясь': *аште не г(оспод)ь съзидеть храма• без оума троужда\ть с# зиж@аштеи* («Изборник», 1073 г.);
- 6) обоснованно / необоснованно (с частицей *не*) *что делать; не без оума гнѣвати с# на ближьнего* («Изборник», 1076 г.) [3, с. 149].

В словарной статье С. Г. Шулежкова пишет: «Будучи многозначным, слово *оумь* вошло в состав целого ряда УСК общеславянского литературного языка Средневековья, и наиболее частотным из них оказался полисемант *без оума*, окрашенный негативной коннотацией благодаря предлогу *без*» [3, с. 146].

Однако в процессе исторического развития русского языка значение языковой единицы претерпело изменения. Так, в «Большом фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Федорова языковая единица *без ума* определяется следующим образом:

- 1) от кого, от чего. В восторге, в восхищении;
- 2) очень сильно (любить, влюбляться и т. п.) [4, с. 703].

Данные дефиниции свидетельствуют о том, что негативная коннотация, ранее вводимая в УСК предлогом *без*, исчезает, а устойчивое сочетание обретает новую семантику.

По данным поиска точных форм в НКРЯ, в 647 текстах встречается 820 примеров употребления УСК *без ума*.

Первое упоминание отмечается в тексте 1709 года архиепископа Феофана (Прокоповича) «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе, пресветлейшему государю царю и великому князю Петру Алексиевичу»: «*И не без ума изрече сие султан; видяше бо многия над многими народы победы российскаго оружия и на себе самом искуси, яко же и послеще наследником его сведительствовася в разоренном Кизикермене и в отъятном Озове*». В этом контексте УСК употребляется в шестом значении, описанном в словаре С. Г. Шулежковой, – 'обоснованно'. 2016 годом датируется последний пример употребления УСК *без ума* в НКРЯ в тексте В. М. Шапко «Синдром веселья Плуготаренко»: «*И на проявленной потом фотографии было видно, кого он любит, от кого он без ума*». Очевидно, что в этом примере сверхсловная единица используется в значении 'в восторге, в восхищении'.

Диахронический анализ семантики УСК *без ума* показал, что в современном русском языке данное сверхсловное образование выступает в роли именной части составного именного сказуемого. Однако синтаксема семантически не самодостаточна, поэтому в таких предложениях всегда предполагается наличие лексемы, выражающей объект привязанности, обозначения. Первое упоминание УСК *без ума* с изменившейся коннотацией обнаруживается в «Письмах родным» (1784 г.) Д. И. Фонвизина: *Этот образ имеет в себе нечто божественное. Жена моя от него без ума*.

Доказательством результатов этого исследования является статистика, установленная при анализе примеров НКРЯ, которая выявляет случаи сочетания сверхсловного образования *без ума* с глаголами типа *любить* (менее 39 текстов), *влюбиться* (29 текстов), *жить* (9 текстов) и другими. Однако около 177 текстов включают в себя сочетание глагола *быть* с рассматриваемым УСК, что является наиболее частотным употреблением.

Анализируя примеры из НКРЯ, мы также заключаем, что наиболее активно УСК начинает употребляться в текстах XIX века и до настоящего времени сохраняет свою форму со значением 'в восторге, в восхищении'.

Так, обобщая результаты проведенного исследования, мы приходим к выводу, что УСК *без ума*, впервые зафиксированный в памятниках общеславянского литературного языка X–XI вв., изменив свою семантику, оказался в числе наиболее употребляемых в настоящее время устойчивых единиц. Рассмотренное выражение служит очередным доказательством значительной роли общеславянского литературного языка в судьбе современного русского.

Список использованных источников

1. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – 4 изд. – СПб. : Специальная Литература, 1996. – 192 с.

2. Чепасова, А. М. Избранные труды : в 2 т. / А. М. Чепасова. – Т. 2. Фразеология в контексте современных лингвистических исследований. – Челябинск : Изд-во Юж.-Урал. гос. гуман.-пед. ун-та, 2016. – 211 с.

3. Большой фразеологический словарь старославянского языка / Научно-исследоват. словарная лаборатория МГТУ им. Г. И. Носова; вступ. статья, гл. ред. С. Г. Шулежкова; ред. колл. : С. А. Анохина, А. А. Осипова, Н. В. Позднякова. – Т. I (Авити / Івити дѣло – Вѣврѣгн@ти, вѣврѣми въ петь огнь@). – Москва : Флинта : Наука, 2019. – 548 с.

4. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – Москва : Астрель: АСТ, 2008. – 878, [2] с.

Abstract. The article is devoted to the study of the fate of the stable word complex "without mind", which has passed into the modern Russian language from the common Slavic literary language of the 10th-11th centuries. Examples of its usage are considered using data from the National Corpus of the Russian Language. Diachronic analysis leads to the conclusion about the active use of the linguistic unit in a new meaning in the modern Russian language.

Keywords: stable word complex, without mind, polysemy, National Corpus of the Russian Language.

УДК 821.161.3(=161.1)-1*А.Асенчик

А. И. Копнинова
Научный руководитель – **Е. В. Ничипорчик**,
д-р филол. наук, профессор

ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА В ПОЭТИЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ АЛЁНЫ АСЕНЧИК

Аннотация. Анализируется тропеическое использование языковых средств в книге Алёны Асенчик «Здесь всюду небо». Поэтическое видение мира проявляется в активном использовании автором книги тропов, основанных на переносе наименований по аналогии и смежности. Созданию образов служат фонетические переключки, интертекстуальные вкрапления, сравнения и совмещения контрастных свойств в контактных употреблениях слов.

Ключевые слова: Алёна Асенчик, поэтическое произведение, приемы игры, троп, художественный образ.

Алёна Асенчик – известная белорусская поэтесса, творчество которой не может оставить равнодушным того, кто способен говорить со всем миром «будто с Другом» [1, с. 9], говорить «без кокетства, без ужимок» [1, с. 3], кто способен прочувствовать «мира несказанность» [1, с. 4], увидеть «вдохновенно-яркий каштанопад» и «разнообразие цвета» [1, с. 43]. Поэтические произведения книги «Здесь всюду небо» Алёны Асенчик [1] характеризуются удивительной многоплановостью образов, порождаемых тропеическим использованием лексических средств. Как известно, тропы, оживляя наглядные представления и обогащая вербальный код «визуализируемыми» семантическими приращениями, придают поэтической речи особую выразительность. Проследим на примере сборника стихотворений «Здесь всюду

небо», какие приемы игры с планом содержания лексических единиц используются Алёной Асенчик в ее творческой лаборатории.

Исследователь Г. Н. Скляревская в работе «Метафора в системе языка» [2] большое внимание уделяет освещению вопроса о критериях дифференциации языковой и художественной метафоры. Это различие имеет принципиальное значение для понимания того, каким образом обеспечивается свежесть и новизна поэтического слога. Если языковая метафора представляет собой готовый элемент лексики, то есть штамп, клише, воспроизводимый оборот, за которым стоит привычный образ, то художественная метафора выводит предмет из автоматизма восприятия [2, с. 31], порождает неожиданный образ.

В поэтических произведениях Алёны Асенчик, разумеется, есть «привычные» для нас языковые метафоры: *ночь пробирается* [1, с. 37], *перешагнешь запретную границу* [1, с. 7], *в ржавчине листья* [1, с. 3], *душа взметнется* [1, с. 7] и т. п. Однако значительно больше метафор, в основу которых положены индивидуально-авторские ассоциации: *зябнут фонари* [1, с. 5], *пасмурные ритмы* [1, с. 95], *паёк вдохновений* [1, с. 45], *с котомками снов и слов* [1, с. 45], *кухня событий* [1, с. 41], *рекой распорот* [1, с. 47], *камертон мироздания* [1, с. 73], *за окнами туман да туман // время вязнет в нем, гребет вполвесла* [1, с. 32], *кружевная солнечная кипень // лип цветущих* [1, с. 4]. Интересны случаи вторичного оживления привычных ассоциаций и формирования художественного образа посредством контаминации приемов усиления выразительности, например, контаминации метафоры и сравнения: *Время вон тоже не птица, а летит, летит же!* [1, с. 42], *Холода теперь в душе, холода, // словно это не душа – ветер злой, // под которым воют все провода // (или нервы) беспросветной зимой* [1, с. 32], метафоры и синестезии: *Ночь пробирается мятной стужей // в каждую щель и окна, и сердца...* [1, с. 37].

Художественный образ может порождаться в результате разного рода ассоциативных сближений, обусловленных поэтическим видением мира. В основу образа может быть положена обратимость, смежность объекта и субъекта, внешнего и внутреннего, целого и части:

Охота кому-то диктует: целься! // Но мощью дыхание рвёт бока, // и жаром погони вскипает Цельсий... [1, с. 13];

Самозабвенно с Богом говорят // колокола – мажором обертонов... [1, с. 5];

Рубашки, впуская людей, шелестели крыльями [1, с. 6];

Где каждый вздох морозцем уколов, // за весь ноябрь простуженный в ответе [1, с. 5];

Грустный город спит, распластав дороги // и провода <...> Помести этот город, однажды и навсегда, // в зеркало заднего вида [1, с. 8];

Мой городок транслирует закат, // игру теней и гаснущего цвета [1, с. 5];

Как взгляд, который чем-то опечален [1, с. 97];

А потом организм встрепенётся на метке «утро» [1, с. 20].

В образе может проявиться смешанность или неопределенность референции используемого имени, отождествление живого и неживого мира:

Уходя – уходи. А его задержали между // <...> Он сначала грустил и угрюмо не верил в это, // затаился в шкафу и от скуки считал одежду, полотенца, салфетки, наволочки, скелеты [1, с. 17];

Где в полумраке зябнут фонари // и каждый путь – тревожен и околен [1, с. 5];

Умаялась земная мишура // вплетаться в зимних праздников обозы [1, с. 20];

Подожди, Осень, не развеивай, не договаривай [1, с. 75];

Ветер листает листья, как заветную книжицу [1, с. 75];

Сгущаются сумерки, тени рисуют – синим [1, с. 68].

Яркие образные картины создаются в результате сопоставления и отождествления подобных предметов или явлений:

Ты в тело входил, как в собор // молитвой входит прихожанин [1, с. 87];

Он не медлит, не крадётся, как ловкий тать, // он – как рвущий сон телефонный зуммер... [1, с. 34];

А я угадываю звёзды // над туч мохнатым потолком... [1, с. 88].

Образ может рождаться в результате совмещения нескольких каналов восприятия мира:
Мир заснеженный белёс, // пресен... [1, с. 87];

Гаснут голос и дыхание – // где-то между [1, с. 30];

А по стенам – синее море: тревожный штиль, что вот-вот – и мягко вскипит волною [1, с. 34].

Образ может быть создан в результате «фонетической» интерпретации реалии (Л. В. Зубова говорит в этом случае о фонетической производности образа [3, с. 260]):

Камертон мироздания снова ушёл в бемоль, // хоть ему и назначено вечное «ля-ля-ля...» [2, с. 73].

К созданию образа может быть подключена архаическая грамматика: *некой дивною силой «несом еси»* [2, с. 86]; *аористом сочится – бых, писах* [2, с. 70].

Образ может быть порожден совмещением несовместимого: *Но толковый словарь бестолков...* [2, с. 46]; *бледные будни её событий, нервный её покой?!* [1, с. 28]; *Моя тишина на полную мощность включена, // и всё равно Твоё молчание громче...* [1, с. 33].

Образ может характеризоваться интертекстуальной производностью, актуализировать «диалог» между произведениями искусства, строиться на использовании прецедентного выражения, прецедентного имени:

Но ружьё – на стене, значит, замысел вызрел // не спонтанно, не «в следствие» – в самом начале... [1, с. 11];

Не до лампы мне пока, Аладдин! // И до лампочки – твои чудеса [1, с. 32];

Не там, где Лета плещет своё забвение, // а там, где жизнь пока ещё ходит по воду [1, с. 33];

Философичен, молод, неугоден, // идёт он, Всё равно не Берджерак [1, с. 47];

Ты с вестью, неустанный Пилигрим, // пришёл в мою бездонную усталость [1, с. 95];

Мог бы, говорит Марк, и рисует летящего человека [2, с. 42];

Белой краской по кирпичам // (скрыть итрихи черновые дома) // мазал Витебск свои хоромы: // так запомнил его Шагал... [1, с. 49].

Итак, для создания художественных образов Алёной Асенчик используются различные приемы игры с содержанием языковых средств. Эти приемы игры определяются поэтическим видением мира, отличительной характеристикой которого является поражающая воображение свежесть ассоциаций.

Список использованных источников

1. Асенчик, А. Здесь всюду небо : стихи / Алёна Асенчик. – Мозырь : Колор, 2016. – 104 с.
2. Складарская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складарская. – СПб. : Наука, 1993. – 152 с.
3. Зубова, Л. В. Языки современной поэзии / Л. В. Зубова. – Москва : Новое литературное образование, 2010. – 384 с.

Abstract. In the Alena Asenchik's book "Zdes vsiudu nebo" analyzes the tropeic use of language means. The poetic vision of the world is manifested in the active trope's using by the author of the book based on the transfer of names by analogy and contiguity. Phonetic roll calls, intertextual inclusions, comparisons and combinations of contrasting properties in the contact uses of words serve to create images.

Keywords: Alyona Asenchik, poetic work, game techniques, trope, artistic image.

УДК 372.881.1

Кун Дэлуи
Научный руководитель – Е. В. Геддис,
канд. пед. наук

АНАЛИЗ ТРУДНОСТЕЙ, С КОТОРЫМИ СТАЛКИВАЮТСЯ КИТАЙСКИЕ СТУДЕНТЫ ПРИ ОСВОЕНИИ РУССКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

Аннотация. С точки зрения морфологии и структурно-грамматических особенностей китайский язык отличается иероглифическим письмом. Для выявления произношения иероглифических символов китайские студенты используют «пиньинь» – созданную систему романизации иероглифов. Существующая разница между произношением в китайском и русском языках затрудняет китайским студентам понимание и освоение произношения русских слов в рамках существующих правил и норм. В данной статье автор приводит примеры возможных трудностей произношения у китайских студентов и выявляет способы решения проблемы произношения.

Ключевые слова: китайская фонетика, русская фонетика, интонация, ударение, дрожащие согласные.

Языкознание представляет собой сложную систему, состоящую из нескольких разделов лингвистических наук: фонетика, грамматика (разделяемая на морфологию и синтаксис) и лексика. Поскольку фонетика является основой любого языка, то именно с фонетики начинают изучать язык. Очевидно, если в процессе обучения не создается прочной фонетической основы, то дальнейшее обучение может сопровождаться трудностями, поскольку владение произношением напрямую влияет на успешность разговорной речи.

О важности изучения произношения многие ученые высказали свое мнение. У. Ф. Макги писал: «Прежде чем учащиеся смогут практиковать устное выражение, важно дать им возможность сформировать произношение языка. Лучше всего это делать вначале, потому что каждое слово учащегося будет углубить свои навыки произношения. Если у ученика с самого начала сформируется неправильное произношение, то исправить его будет чрезвычайно сложно. Даже если его и удастся исправить, то это будет очень трудоемко. Если он сможет произносить правильно в начале, то что Он говорит, что в течение всего процесса обучения каждое предложение поможет развить хорошие навыки произношения» [1].

Русский язык, относящийся к восточнославянской ветви индоевропейской языковой семьи в языковой системе, является государственным языком России, одним из двух государственных языков в Белоруссии, Киргизии и Казахстане, а также одним из официальных языков Организации Объединенных Наций. Китайский язык, также известный как мандарин, или мандаринский китайский, является общим языком народа хань, в языковой системе он принадлежит к сино-тибетской языковой семье, в котором все языковые ветви основываются на китайских иероглифах [2]. Русский и китайский языки считаются одними из самых сложных государственных языков мира. Эти языки имеют существенные отличия. Так, русская письменность основывается на алфавите, в котором буквы определяют звук произношения. Китайский – это тональный язык, а иероглифы отражают в себе сочетание формы, произношения и значения. По произношению русский и китайский языки имеют как сходство, так и различия.

В данной статье предлагается рассмотреть решение проблемы произношения русских слов для китайских студентов. Теория и практика доказывают, что овладеть аутентичным произношением на иностранном языке можно путем упорного труда и практики. Далее попробуем выявить трудности, с которыми сталкиваются китайские студенты при изучении русского произношения.

1. Согласные

– В русском языке есть 16 согласных, которые соответствуют друг другу, но в китайском языке между ними нет соответствия.

Многие студенты думают, что разница между глухими и звонкими согласными в русском языке заключается лишь в разнице в интенсивности звука, потому что они не понимают взаимосвязи между глухими и звонкими согласными и местами их артикуляции. Некоторые ошибочно думают, что глухие и звонкие согласные связаны с восходящим и нисходящим тонами и воспринимают восходящие тона как глухие согласные, а нисходящие тона – звонкие согласные.

Ошибочное восприятие заключается в том, что китайские студенты не обращают внимания на вибрацию голосовых связок и пытаются различать звонкие и глухие согласные, понижая высоту звука. Поэтому при изучении звонких и глухих согласных необходимо уделять особое внимание развитию чувства вибрации голосовых связок, умения различать звонкие и глухие согласные, а также умения активно и умело управлять вибрацией голосовых связок.

– При произношении [л] в русском языке язык принимает форму ложки, кончик языка напрягается, делая звук мощным, тогда как [l] в китайском произносится, слегка касаясь языком верхние зубы, звук быстрый.

– В научной литературе показано, что самая очевидная разница в произношении на русском и китайском языках состоит в дрожащих звуках. Но на самом деле дрожащие существуют и в языках некоторых этнических меньшинств Китая, таких как маньчжурский и монгольский. Несмотря на это, большинство китайских студентов до сих пор не могут правильно произнести дрожащие, так как эти звуки представляют собой серьезную трудность в изучении русского языка. Для правильного произношения необходимо понимание работы органов артикуляции: следует приподнять кончик языка к верхним зубам – при этом он должен оставаться распластанным, как блинчик, а не суживаться от напряжения; на выдохе направить на кончик мощный воздушный поток так, чтобы возникла вибрация.

Следующее упражнение нацелено на формирование умения дрожать.

1. Слегка открыть рот и, сохраняя челюсть неподвижной, поднять язык и слегка коснуться верхних зубов.

2. Расслабить язык так, чтобы он стал плоским формой блина, в это время уголки рта откидываются назад за счет мышц лица.

3. Открыть рот и несколько раз поднять язык, прижать его к верхним зубам в форме блина, а затем опустить. Продолжить быстро выполнять два действия. При выполнении этих действий челюсть должна оставаться неподвижной.

4. Поскольку мышцы языка находятся в расслабленном состоянии, сильный поток воздуха, проходящий через кончик языка, вызывает дрожание языка [3, с. 142].

При освоении этого упражнения учащиеся должны ощутить дрожание языка по слогам, например [ро, ру] и т. При выполнении упражнения следует удлинять звучание дрожащих. Поскольку дрожащие в конце слога сложно произносить, можно добавлять гласную по своему желанию, а затем удалять гласную, например [ар, др] и т. д. Можно попрактиковаться с произношением русских лексем, таких как *берёза, роза, рак* и т. д. Чтение слов с дрожащими можно начинать читать медленно, но четко и правильно. По мере работы с заданием чтение слов с дрожащими должно становиться все более естественным и непрерывным, не в отрыве от других слогов, позволяя услышать целое слово, целое словосочетание и полное предложение.

2. Гласные

– При произнесении округленных гласных [о], [у] обе губы одновременно вытянуты вперед, а мышцы губ напряжены. Соответствующее произношение имеется и в китайском языке, но степень огубленности отличается. В русском языке нет сложных гласных, а китайский богат сложными гласными, поэтому необходимо не допускать, чтобы русские одиночные звуки или гласные с *j* произносились как сложные гласные. Когда согласные соседствуют с гласными переднего ряда, согласные смягчаются и произношение немного меняется, например, *подснежник*.

В процессе проведенного исследования выявлено, что большинство студентов группы не могут правильно произнести [ы]. Выявлено, что при чтении студенты не проводят различия между [и] и [ы]. Возможно, что причина этой трудности заключается в неправильном понимании правила произношения звуков русского языка. Остановимся на рассмотрении правила артикуляции. Артикуляция [и] заключается в том, что язык сильно продвинут вперед; спинка языка высоко поднята к твердому нёбу; кончик языка касается нижних зубов; губы растянуты; раствор рта минимальный. Артикуляция [ы] – язык немного оттянут назад; спинка языка поднята кверху; губы немного растянуты. Таким образом, положение произношения

произношение [и] на кончике языка, а положение произношения [ы] – дальше назад, у основания языка. Для произношения [ы] следует отодвинуть язык назад, как при произношении звука [у]; корень и задняя часть языка напряжены; губы при этом немного растянуты в стороны (а не вытянуты в трубочку, как при [у]).

3. Ударение

Изложенная разница между русским и китайским произношением и приведенные практические задания необходимы для достижения правильного произношения, которое не может быть достигнуто только на распознавании фонемы. Следует отметить, что постановка правильного ударения при произношении русских слов также представляет трудность для иностранных студентов. Так, одинаково написанные слова, в которых ударения поставлены на разных слогах, будут иметь совершенно разные значения. Приведем пример, *мука* с ударением на первом слоге означает ‘душевная боль’; с ударением на втором слоге обозначает ‘пищевой продукт’.

Выявлены трудности правильной постановки ударения в словах, с которыми сталкиваются китайские студенты. Чтобы поставить правильное ударение в слове, следует обратиться к словарю. При изучении правил постановки ударения необходимо учитывать такие факторы, как частеречные признаки слова, его фонетические характеристики и морфологическую структуру, деривационные отношения, значение корня и т. д.

Анализ трудностей русского произношения представлен тремя аспектами: гласные, согласные и ударение. Исходя из перечисленных выше трудностей и путей их разрешения можно сделать следующие выводы. Во-первых, постановка произношения должна быть правильной и своевременной. Во-вторых, нужно неустанно практиковаться. Китайская поговорка учит: «Наставник только подводит к двери, а ученик сам проходит через неё». После выполнения предложенных в статье заданий по овладению методами правильного произношения необходимо формировать навыки.

Список использованных источников

1. Макги, У. Ф. Анализ преподавания языка / У. Ф. Макги. – Пекин : Изд-во Пекинского Языкового Института, 1990. – 485 с.
2. Луо, Чжунфэн. Полный словарь китайского языка : в 12 т. / Чжунфэн Луо. –Т. 6. – Шанхай : Цишу чубаньше, 1990. – 18676 с.
3. Аркадьева, Т. Г. Говорим по-русски правильно и красиво : учеб. пособие / Т. Г. Аркадьева, М. И. Васильева, Р. В. Костицина, Л. И. Попова, Т. Г. Шарри. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. – 216 с.

Abstract. In terms of morphology and structural and grammatical features, Chinese language is characterised by hieroglyphic writing. To identify the pronunciation of hieroglyphic characters, Chinese students use "pinyin" - an established system of romanisation of characters. Obviously, the existing difference between pronunciation in Chinese and Russian makes it difficult for Chinese students to understand and master the pronunciation of Russian words within the existing rules and norms. In this article, the author gives examples of possible pronunciation difficulties for Chinese students and identifies ways to solve the pronunciation problem.

Keywords: Chinese phonetics, Russian phonetics, intonation, stress, trembling consonants.

В. А. Леонтьева
Научный руководитель – **Л. Н. Чурилина**
д-р филол. наук, профессор

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕСЕННЫЙ ДИСКУРС КАК СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ НЕОФРАЗЕМ

Аннотация. В статье на примере современного песенного дискурса рассмотрены процессы формирования сверхсловных единиц. Отмечается влияние глобального (английского) языка на структуру неологических образований. Обновление фразеологического фонда русского языка предполагает возможность включения в него единиц с англоязычными элементами.

Ключевые слова: песенный дискурс, неологизация, глобальный язык, транслитерация.

Понятие *фразеологический неологизм*, или *неофразама* постепенно входит в терминологический аппарат современной лингвистики, что сопровождается уточнением его содержательной основы. Так, А. Н. Столярова, соотнося категориальные признаки фразеологизма и неологизма, предлагает следующие критерии для определения неофразем: структурный (неоднословность и раздельнооформленность); семантический (семантическая осложнённость); стилистический (эффект новизны); а также критерии устойчивости и воспроизводимости и (ключевой для неологии) лексикографический критерий – незафиксированность в словарях [1, с. 171]. Авторы двуязычного словаря фразеологических неологизмов конкретизируют семантический критерий за счёт включения в него представления о стабильности и устойчивости значения, закреплённого за сверхсловной единицей в узусе [2, с. 4]. Средой зарождения сверхсловных неологизмов, как отмечается в предисловии к упомянутому словарю, оказываются самые различные речевые практики – социальные сети и живая разговорная речь, художественная и мемуарная литература, публикации в средствах массовой информации, реклама, кино и проч. [2, с. 6]. Экстралингвистическим условием для закрепления единицы в речи и её последующего воспроизводства является её готовность к «упаковке» новых социально значимых смыслов (концептов). В условиях глобализации в функции объективации новых концептов в европейских языках используются элементы английского языка [3, с. 31–49; 4, с. 63–64].

Материалом для нашего исследования стали фрагменты современного русскоязычного песенного дискурса. Объектом наблюдения сверхсловные единицы, восходящие к устойчивым выражениям английского языка и получившие распространение в русском языковом пространстве благодаря популярности песенного текста.

Современный песенный текст представляет собой уникальное явление: «он совмещает черты книжного и разговорного стилей и элементы, характерные для устного общения (обращения, диалогическую форму, редукцию звуков и фонетический эллипсис), но при этом фиксируется, многократно повторяется и имеет широкое распространение» [5, с. 63]. Современное песенное творчество стремительно реагирует на появление в языке неологизмов, на языковую моду, на сленг. Благодаря популярности авторов, музыкантов, исполнителей многие песенные строки оказываются востребованными в самых различных коммуникативных ситуациях.

Смысл песенного текста, как и любого другого текста, всегда подвергается интерпретации, результат которой детерминируется ситуацией и готовностью адресата (слушателя) разделять не только общекультурные знания, но и специфические для того или иного музыкального направления коммуникативные практики. Каждый жанр в границах песенного дискурса задаёт определенные установки и правила общения, при этом вербальный текст находится в прямой зависимости от общих тенденций, определяющих эволюцию языка. При наблюдаемой востребованности англоязычных заимствований в молодёжной среде естественно ожидать формирование на основе англицизмов сверхсловных выражений.

В интернет-коммуникации широко используются транслитерированные английские словосочетания и слова, обладающие всеми признаками неофразем. Например, транслитерированный элемент *краш*, вошедший в моду в 2020–2021 гг., восходит к английскому глаголу *crush*, имеющему значение ‘деформировать’, ‘сломить’; используемое в функции существительного это слово реализует значение ‘увлечение, влюбленность’ (*schoolgirl crush* – девичья школьная влюбленность). Благодаря песенному дискурсу этот заимствованный элемент стал частью устойчивого выражения *ты мой краш*. На популярность данной единицы повлиял выход песни русскоязычных поп-исполнителей, известных как Клава Кока и NILETTO. Начальная строка первого куплета *Ты мой краш* вошла в активный словарь детей и тинэйджеров:

Ты мой краш.

Либо я, либо никто – это шантаж.

Я приду одна, я знаю твой этаж.

Покушаюсь на тебя, ведь твой типаж

Ограниченный тираж.

Краш имеет звуковые ассоциации со русскими словами *красивый*, *краше* и *украшать*, что также поддерживает популярность сверхсловного выражения. На основе заимствованного элемента в речевой практике образуются новые единицы, как словные (*крашиха*, *крашка*, *вкрашиться*), так и сверхсловные (*у него на меня краш* = ‘состояние сильной влюбленности-обожания’, *словить краш* = ‘влюбиться’).

Популярным в молодёжной среде стало существительное *чил* (англ. *chill*) и производный от него глагол *чилить*, актуализирующий значение ‘прохлаждаться, расслабляться, отдыхать, спокойно проводить время’ или попросту ‘ничего не делать’. Популярностью выражение *на чиле*, вошедшее в состав интернет-мема *На расслабоне, на чиле*, обязано известному в России рэперу Джигану. Он бросил эту фразу во время прямого эфира перед боем с Емельяненко. На вопрос о подготовке к событию музыкант ответил: «Пока что я на расслабоне, на чиле». Выражение в мгновение ока обрело популярность и стало трендом, который подхватил и сам артист, записав музыкальный трек с идентичным названием:

Да, я на чиле, на расслабоне.

Я не спешу, времени море.

Сверхсловная единица (*я / ты / он на чиле*) используется в шутовском и ироничном контексте, когда человек хочет указать на отсутствие какой-либо физической или умственной занятости.

Рассмотренный речевой материал даёт основание для разговора о тенденциях в развитии современного песенного дискурса. Подчиняясь общему процессу глобализации, популярная песня включает в себя англицизмы, которые, благодаря контекстному окружению, становятся элементами сверхсловных выражений – потенциальных фразеологизмов. Авторы и исполнители песен в погоне за популярностью стремятся использовать так называемые «модные» слова, которые входят в активный словарный запас адресатов-слушателей.

Список использованных источников

1. Столярова, А. Н. О критериях выделения неофразем / А. Н. Столярова // Куляшоўскія чытанні : сборник статей по мат-лам Междунар. научно-практич. конфер. – Могилев : Могилевский гос. ун-т, 2020. – С. 168–172.

2. Русско-болгарский словарь фразеологических неологизмов / С. Г. Шулежкова, Л. Н. Чурилина, О. Е. Чернова и др. – Магнитогорск : Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова ; Пловдив: Пловдивский ун-т им. П. Хилендарского, 2021. – 457 с.

3. Проблемы русско-болгарской фразеологической неографии : колл. моногр. / С. Г. Шулежкова, Л. Н. Чурилина, С. И. Георгиева и др. – Магнитогорск : Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова ; Пловдив: Пловдивский ун-т им. П. Хилендарского, 2021. – 158 с.

4. Мокиенко, В. М. Проблемы европейской фразеологической неологии / В. М. Мокиенко // Slovo. Text. – Szczecin : Uniwersytet Szczeciński, 2002. – С. 63–76.

5. Михайлова, А. И. Жанровые характеристики современной популярной песни / А. И. Михайлова // Гуманитарные исследования. – 2017. – № 4 (17). – С. 61–65.

Abstract. The article considers the processes of formation of superword units on the example of modern song discourse. The influence of the global (English) language on the structure of neological formations is noted. The updating of the phraseological fund of the Russian language implies the possibility of including units with English elements into it.

Keywords: song discourse, neologization, global language, transliteration.

УДК 811.161.3'04'367.625.43

Д. С. Матеша
Научный руководитель – О. В. Зуева
канд. филол. наук, доцент

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ В «ПОСЛАНИИ ДО ЛАТИН ИЗ ИХ ЖЕ КНИГ» (1582)

Аннотация. Анализируется качественный и количественный состав причастных форм в старобелорусском анонимном полемическом «Послании до латин из их же книг». Причастия характеризуются с точки зрения архаичности/современности по отношению к периоду создания текста, а также с точки зрения органичности для старобелорусского языка. Делаются выводы о роли причастных форм в распределении информации на актуальную и нейтральную, общеизвестную.

Ключевые слова: старобелорусский язык, церковнославянский язык, полемическая литература, причастные формы, деепричастные значения, построение текста, XVI век.

Созданное в Супрасльском монастыре анонимное «Послание до латинь изъ ихъ же книгъ» (1582) было одним из актов, противостоящих политике окатоличивания в Речи Посполитой. Сочинение православного автора было построено как полемический ответ на трактат Петра Скарги «О единстве церкви Божией». Историк М. С. Грушевский обращает внимание на то, что автор послания прибегает к зеркальному по отношению к трактату Скарги построению текста: если защитник унии апеллирует к греческим церковным книгам и «опровергает» их тезисы, то поборник православия приводит фрагменты из сочинений латиноязычных авторов и показывает читателю «неправедную» сущность заложенных в них идей [1]. Проанализируем, каким образом применяемые автором полемического послания коммуникативные стратегии отразились на составе и функционировании причастных форм в тексте. Всего нами обнаружено и проанализировано 24 случая употребления причастий.

Прежде всего необходимо отметить, что автор чаще прибегает к книжным и архаичным формам, однако особенности живой старобелорусской речи также нашли отражение в анализируемом тексте. Утверждая идею принадлежности анализируемого произведения к истории белорусской литературы, мы опираемся на: [2; 3].

Большинство причастных употреблений составляют страдательные причастия прошедшего времени (13 из 24, 52%). В качестве сказуемого функционируют 8 из 13 форм. Представляется затруднительным выделить общий контекст употребления кратких страдательных причастий, выступающих в роли предикатов. Можно предположить, что данные формы использовались для придания большей утвердительной силы высказываниям, содержание которых должно было оставить у адресата ощущение неопровержимости, истинности (особенно при отсылке к библейским текстам и сочинениям апостолов, церковным документам): «*основания иногo никтоже не может поставити, окромъ того, который **постановень**, иже есть Христось*» (в издании данный фрагмент приведен в кавычках, в этом и последующих примерах мы воспроизводим пунктуацию оригинала);

Естлибы папезь опокою или головою мѣль над иншые патриархи быти, то почто ему на первомъ соборе сее **заборонено**, у шестомъ правиле; «раме твое усхнетъ, и очко твое темнотями **заслеплено** будетъ»; хочешъ быти **избавленъ**, держися не папезское, але святыхъ апостоль и богоносныхъ отецъ церкви; Александръ папа оплатки уставиль, а передъ тымъ дей простымъ хлѣбомъ **служано**, по тому, яко и теперь у Грековъ служатъ. Однако оставшиесе примеры форм обнаруживают абсолютно нейтральные контексты, употребляются как ретроспективные средства когезии текста: о чемъ вышей **помянено**; о чомъ первой сего ширей увынишихъ книгахъ **писано** съ приводомъ.

Среди примеров употреблений полных форм страдательных причастий прошедшего времени интересным представляется содержащий в себе субстантив: «**хотяжъ и много (рече) предложеныхъ**, но всѣ суть однимъ солнцемъ, свѣтлостію Христовою состоятся». Пример примечателен тем, что субстантивированным выступает именно страдательное причастие (для сравнения: в старорусских полемических текстах более привычными являются субстантивированные формы действительных причастий настоящего времени).

Следует отметить наличие в стилистическом «арсенале» автора послания страдательных причастий с суффиксом *-т-*: въ самомъ костеле Римскомъ, **забитыхъ** стало 137 челоуѣка зацныхъ; «абы приклады и **покрытую** покорою своею размножали помпу костела Римского». Отдельного упоминания достоин пример краткого страдательного причастия в роли определения, а не предиката (достаточно архаичная для текста рассматриваемого периода архаичная черта): «беда мѣсту оному великому, въ которомъ сидитъ жена **убрана**: яко во единъ часъ погиге богатство».

Одиночные формы полных страдательных причастий прошедшего времени (не входящие в состав причастных оборотов) используются автором скорее для определения (указания на сущностный признак) описываемого предмета или явления, чем для характеристики осуществленного над ним действия (слабая связь с глагольной семантикой). Например, во фрагменте Давидъ измениль лице свое предъ Авимелехомъ, и хлебы **предложенныя** яль действие, на которое указывает причастная форма *предложенныя*, очевидно, уже не является значимым в данной коммуникативной ситуации. Важен лишь признак, который приобрел объект в результате этого действия, и этот признак достаточно нейтрален.

Что касается форм действительных причастий настоящего времени, то в тексте обнаружено всего девять употреблений (36 %), при этом некоторые из них выражают деепричастные значения. Как, например, во фрагментах: Мы же, братие, **ходяще** просто дорогою царскою, стережимся прелести папезское; таковыи соблажняются, **впадающе** во богострастникъ ересь; да подкланяемъ главы наша возложению рукъ патриаршескихъ зъ оксиономъ **глаголюще**: «достойнъ есть святителства».

Примечательно то, что в приведенных высказываниях причастные (в том числе имеющие семантику деепричастия) обороты содержат в себе актуальные характеристики деятельности православного братства, от имени которого выступает автор. Эту роль (актуальной в данной коммуникативной ситуации характеристики субъектов действия) в тексте в основном берут на себя деепричастные значения. Форм, выражающих деепричастные значения, насчитывается в несколько раз больше, чем чисто причастных: А въ Картагинскомъ соборе Авгуштынъ **будучи**, Зосиму папу наминаетъ; Якожъ свѣтый Петръ, **смиряючися**, а не **выносячися**, яко папезъ; Кръсть Христось на плечахъ носиль, а онъ на нозъ носить, и **подносячися** у помпе, яко сотона на небо, егоже онъ скинулъ во пропасть.

Стилевая черта, выразительно подчеркивающая стремление автора следовать церковнославянской книжной традиции, – активное использование субстантивированных действительных причастий настоящего времени (что важно, в составе цитат) придающих высказываниям афористичность, обобщенность, патетичность: «**хотяй** быти первый межъ вами, да будетъ всехъ менший»; «**хотящие** обогатитися впадаютъ в силу диаволе». А также употребление кратких форм действительных причастий, согласующихся с определяемым словом

(строгое следование церковнославянской норме): *Во хлѣбе бо, яко въ тѣлеси Христове, три животна, животъ дающа: духъ, кровь и вода; Рыбу у моря света сего плавающу*. При этом данные формы не имеют зависимых слов и, вероятно, являются устойчивыми для церковных сочинений того периода эпитетами (то есть не играют определяющей роли в иерархизации важной с точки зрения реализации коммуникативной задачи информации).

Следует отметить наличие в тексте действительных причастий настоящего времени с суффиксами *-юч-*, *-яч-*, аутентичных для старобелорусского языка: *Кого видишь слово маючого во устехъ его о злате и о серебре; богатства папезского, которое Христось зоветъ «терниемъ давячимъ слово Божию»*. Приведенные причастные обороты содержат в себе достаточно значимые характеристики образа несправедливого христианина, беспокоящегося лишь о земных благах.

Действительные причастия прошедшего времени (4%) и страдательные причастия настоящего времени (4%) представлены в тексте единичными употреблениями: *Христось бо мечь Петру возбрани, и за лангъту вдарившему другую вдати повелъ; И хто выносятся надъ все глаголемое Богъ*. Примечательно то, что единственное в тексте действительное причастие прошедшего времени выступает в роли имени существительного.

Очевидно то, что автору были хорошо известны канонические церковнославянские тексты и примеры причастного словоупотребления почерпнуты им из них, о чем свидетельствует широкое употребление субстантивированных причастных форм всех разрядов, строгое соблюдение норм согласования как кратких, так и полных причастий с определяемым словом. В то же время само малое количество причастных форм свидетельствует о том, что более важным средством синтаксического построения текста и иерархизации информации являются в рассматриваемом тексте формы, выражающие деепричастные значения. Важно также отметить, что автор нередко прибегает к исконным старобелорусским формам (действительные причастия настоящего времени с суффиксами *-яч-*, *-юч-*, страдательные причастия прошедшего времени с суффиксом *-т-*). Названные подтверждают тезис о том, что старобелорусские речевые средства построения текста публицист берет за основу сочинения.

Список использованных источников

1. Грушевський, М. С. Історія української літератури : [в 6 т., 9 кн.] / М. С. Грушевський. – Київ : Либідь, 1995. – Т. 5, кн. 2. – 352 с.
2. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. – Т. 3. Рэфармацыя. Контррэфармацыя. Барока / аўтары тома : В. Б. Евароўскі [і інш.] ; рэдкал. тома : В. Б. Евароўскі [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – 615 с.
3. Некрашэвіч-Кароткая, Ж. В. Latinitas у гісторыі беларускай культуры : духоўны скарб продкаў, шлях да нашчадкаў / Ж. В. Некрашэвіч-Кароткая // Веснік БДУ. Сер. 4, Філалогія, журналістыка, педагогіка. – 2009. – № 2. – С. 70–75.

Abstract. The work analyzes the qualitative and quantitative composition of participial forms in the Old Belarusian anonymous “Message to Latins from their books”. Participles are characterized as archaic or modern in relation to the period of text’s creation, and also these forms are considered in terms of organicity for Old Belarussian language. On the basis of the analysis, conclusions are drawn about the role of participle forms in distribution of the text information.

Keywords: Old Belarussian language, Old Church Slavonic language, polemical literature, participle forms, verbal participles, text’s construction, 16th century.

А. А. Мигура
Научный руководитель – **А. А. Станкевич**,
д-р филол. наук, профессор

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННО-ОБРАЗНОЙ КОНКРЕТИЗАЦИИ АВТОРСКОГО СЛОВА В. О. ПЕЛЕВИНА

Аннотация. В статье анализируется использование языковых средств художественно-образной конкретизации в творчестве выдающегося современного российского писателя В. О. Пелевина. Авторский стиль и уникальный художественный подход к изображению объективной действительности писателя основаны преимущественно на тропизации формы выражения содержания. В работе рассмотрены такие языковые средства экспрессивизации художественного дискурса В. О. Пелевина, как эпитеты и метафоры.

Ключевые слова: авторский идиостиль, художественно-образная конкретизация, изобразительная выразительность, языковые средства экспрессивизации, тропы, эпитет, метафора.

Большую роль в современном литературном мире играют писатели нового поколения, в число которых входит российский постмодернист Виктор Олегович Пелевин. Он является автором многочисленных романов, повестей и рассказов. Произведения В. О. Пелевина наполнены глубокими философскими размышлениями, яркими образами, выразительной формой, в связи с чем писатель получает широкое признание среди читателей. В художественных произведениях писателя используются различные языковые средства изобразительной выразительности. Так как творчество В. О. Пелевина чаще всего рассматривается с точки зрения философского осмысления изображаемых событий и явлений, лингвистический анализ его произведений, представленный в статье, является, на наш взгляд, актуальным.

В литературном творчестве Виктор Олегович часто использует переносные значения многозначных слов для более точной оценки предметов, событий или явлений, для придания глубины тексту. Таким образом с помощью различных слов и выражений, которые придают тексту выразительность, создаётся художественно-образная конкретизация.

Как отмечает И. Р. Гальперин, выразительные средства делятся на:

- 1) фонетические выразительные средства и стилистические приёмы (звукоподражание, аллитерация, рифма, ритм);
- 2) лексические и лексико-семантические выразительные средства и стилистические приемы;
- 3) синтаксические выразительные средства и стилистические приемы [1, с. 136].

В системе изобразительно-выразительных средств художественного дискурса важное место занимают лексико-семантические средства, которые также называют тропами. По определению В. Н. Топорова, тропы (гр. *tropos* – поворот, оборот, оборот речи) – это понятие поэтики и стилистики, обозначающие такие обороты (образы), которые основаны на употреблении слова (или сочетания слов) в переносном значении и используются для усиления изобразительности и выразительности речи [2, с. 436]. Тропы помогают создавать тексты с более яркой экспрессивностью вне зависимости от того, как окрашен предмет: негативно или нет. К самым распространённым тропам относятся эпитет, сравнение, метафоры, олицетворение, символ, аллегория.

В данной статье на материале художественных произведений В. О. Пелевина рассматриваются такие тропы, как эпитеты и метафоры.

Понятие «эпитет», как известно, используется в широком и узком значениях. В. М. Жирмунский дал следующее определение эпитета в широком смысле: «Одним из весьма действительных средств, усиливающих картинность и эмоциональность речи, является эпитет. Так называется слово или несколько слов, приданных обычному названию предмета

для того, чтобы усилить его выразительность, подчеркнуть в предмете один из признаков – тот, который в данном случае можно выдвинуть на первый план, как бы рекомендовать особому вниманию». В узком значении В. М. Жирмунский понимал под эпитетом признак, не являющийся новым для предмета, а заключающийся в самом определяемом слове [3, с. 359]. Например, в произведениях В. О. Пелевина эпитеты в функции признака предмета: *На площади перед ним стояли два грузовика с высокими кузовами, обтянутыми ярко-алой материей* [4, с. 23]; *пытаясь вспомнить фамилию бородатого немецкого анархиста* [5, с. 241]; *в огонь полетел малиновый пиджак* [4, с. 77]; *в прихожей Чапаев остановился и снял с вешалки длинную голубую шинель с тремя полосами переливающегося алого муара поперек груди* [4, с. 79]. Эпитеты могут использоваться с положительным или отрицательным оттенком, в прямом или переносном значении.

Эпитеты чаще всего выражены именем прилагательным и причастием: *виной всему были взвинченные нервы* [4, с. 4]; *обруч, оставшийся единственной реальной частью его нынешней прозрачной души* [6]; *к этому моменту он успел превратиться в пугающую металлическую фигуру с условным лицом* [4, с. 77]. В самом названии романа Виктора Олеговича Пелевина «Хрустальный мир» также содержится эпитет, выраженный именем прилагательным.

Эпитеты выражаются не только именем прилагательным и причастием, но также и наречием, словом категории состояния: *то начинала сладко петь о любви гитары и трубы; сказал я горячо* [4, с. 67]; *мелодия отчаянно кидалась в лестничный пролет* [4, с. 78]; *на душе у меня легко* [4, с. 10]; *я слабо понимал смысл его слов* [4, с. 43].

Кроме этого, эпитеты выражаются именами существительными: *явные знаки принадлежности к воинству тьмы* [4, с. 4]; *похожая на завывание метели в тюремной трубе* [4]; *волна ужаса обдала его* [6]; *Сердюк даже ощутил прилив сочувствия и теплоты к этим недалеким людям* [4, с. 151] и числительными: *наш спонсор фирма «Третий глаз»* [4 с. 77]; *восемь тысяч двести верст пустот* [4, с. 320].

Эпитеты являются важным средством наглядно-образной конкретизации авторского слова, создания выразительности и оригинальности идиостиля в литературных произведениях В. О. Пелевина.

Особое внимание В. О. Пелевин уделяет метафорическому моделированию семантики слова в своих произведениях, о чем свидетельствует следующее высказывание автора: *«Когда говорят, что он спит в снегах, – это метафора»*. (В. О. Пелевин, Generation «П», 1999 г.)

Его произведения богаты метафорами, которые часто служат для выражения философских и социокультурных идей. Метафора (от греч. *metaphora* – перенос) – вид тропа: переносное значение слова, основанное на уподоблении одного предмета или явления другому; скрытое сравнение, построенное на сходстве или контрасте явлений, в котором слова «как», «как будто», «словно» отсутствуют, но подразумеваются [7]. Метафора устанавливает ассоциативные связи между двумя сущностями, что помогает читателю лучше понимать и воспринимать текст. Этот прием позволяет писателям и поэтам делать свои произведения более интересными и запоминающимися, а также передавать эмоциональные и символические значения.

Классификация метафор позволяет систематизировать их разнообразие на основе различных критериев.

Рассмотрим метафоры на уровне морфологии и синтаксиса. В зависимости от того, какая часть речи используется для выражения метафоры, можно выделить три основных типа: субстантивную, глагольную и адъективную метафоры.

Субстантивная метафора может содержать следующие элементы:

– одночленная (существительное): *бык, который по нему мечется, – это высвободившаяся психическая энергия* [4, с. 34]; *Россия – это ведь и есть вы* [4, с. 146];

– двухчленная (существительное в именительном падеже + существительное в родительном падеже): *дома были почти не видны за плотной завесой листьев* [4, с. 124]; *ресторан «Сердце Азии»* [4, с. 124]; *и другие плоды разложения русской души* [4, с. 298]; *высшее напряжение всех*

струн души [4, с. 273]; *особый взлет свободной мысли дает возможность увидеть красоту жизни* [4, с. 297]; *ворота Вечного покоя* [4, с. 232]; *ворота Долгой радости* [4, с. 232].

Глагольная метафора выражается обычно через сочетание глагола и существительного, например: *а потом мысли эти должны перетечь в светлую печаль* [4, с. 56]; *А кто продает душу?* [4, с. 275]; *Сердюк поднял глаза от пола* [4, с. 264]; *в мир пришли будда Дипанкара и будда Шакьямуни* [4, с. 47]; *на секунду у меня мелькнула надежда* [4, с. 159]. Глагольная метафора также может состоять только из глагола, при учете того, что глагол будет определять субъект действия. Например: *Сердюк поймал взгляд Кавабаты и протянул что-то вроде «Да-ааа»* [4, с. 160]; *он вдруг сталкивался с датой «1825»* [5, с. 242].

Адъективная метафора представляет собой конструкцию, включающую прилагательное и существительное. При этом имя прилагательное несет в себе оценочный характер либо обладает экспрессивно окрашенным значением. Произведения В. О. Пелевина содержат большое количество адъективных метафор: *и сразу же донеслись нарастающий звук копыт и дикие кавалерийские вскрики* [5, с. 241]; *это просто маленькое прозрачное окошко в трубе духовного мусоропровода* [4, с. 163]; *Котовский вскинул на меня острый взгляд* [4, с. 165]; *сказал Котовский с холодной улыбкой* [4, с. 168]; *эта мысль вызвала во мне глубокую печаль, и с этой печалью в сердце я и вынырнул из свицовых туч сна* [4, с. 163]. Следует отметить, что подобные словосочетания можно интерпретировать и как индивидуально-авторские эпитеты метафорического содержания.

Анализ субстантивных, глагольных и адъективных метафор представляет собой важный шаг в понимании языковых средств экспрессивизации художественного дискурса. Они обогащают авторский идиостиль, делая произведения автора более выразительными и яркими. При этом анализ показал, что субстантивные, глагольные и адъективные метафоры могут иметь различные структуры и функции, что подчеркивает их значимость.

В творчестве В. О. Пелевина языковые средства художественно-образной конкретизации играют ключевую роль в формировании уникальной атмосферы и смысла его произведений. Эти средства позволяют автору передавать сложные идеи и абстрактные концепции, делая их более доступными для читателей и создавая богатую и многогранную картину. В. О. Пелевин использует различные лексико-семантические выразительные средства и стилистические приемы для создания аллегорических миров, где реальность переплетается с фантазией. Его образы и персонажи часто становятся метафорами для социокультурных и философских аспектов современного общества. В целом, языковые средства художественно-образной конкретизации в творчестве В. О. Пелевина помогают создавать уникальные и глубокие тексты, которые вызывают размышления и исследуют актуальные темы современной жизни. В заключение, наш анализ подтверждает важность использования языковых средств художественно-образной конкретизации.

Список использованных источников

1. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
2. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 520.
3. Жирмунский, В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В. М. Жирмунский. – Ленинград : Наука, 1977. – 416 с.
4. Пелевин, В. О. Чапаев и пустота / В. О. Пелевин. – Москва : Азбука, 2019. – 352 с.
5. Пелевин, В. О. Хрустальный мир / В. О. Пелевин. – Москва : РИПОЛ классик, 2016. – 544 с.
6. Пелевин, В. Жизнь и приключения сарая номер XXII / В. Пелевин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL:<http://pelevin.nov.ru/rass/pe-saray/1.html>. – Дата доступа : 27.09.2023.
7. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<http://grammar.ru/LIT/?id=3.0&page>. – Дата доступа : 28.09.2023.

Abstract. The article analyzes the use of linguistic means of artistic and figurative concretization in the work of the outstanding modern Russian writer V. O. Pelevin. The author's style and unique artistic approach to depicting the writer's objective reality are based primarily on the tropes of the form of expression of the content. The work examines such linguistic means of expressivization of the artistic discourse of V. O. Pelevin as epithets and metaphors.

Keywords: author's idiostyle, artistic and figurative concretization, visual expressiveness, linguistic means of expressivization, tropes, epithet, metaphor.

УДК 821.161.1

К. П. Монастырская
Научный руководитель – **М. Л. Бедрикова**,
канд. филол. наук, доцент

ТИП «ПРОСТОЕ СЕРДЦЕ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Т. ТОЛСТОЙ «СОНЯ» И Г. ФЛОБЕРА «ПРОСТОЕ СЕРДЦЕ»: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

Аннотация. В статье исследуется литературный тип «простое сердце» в рассказе Т. Толстой «Соня» как проявление интертекстуальных связей между русской постмодернистской прозой и классической французской литературой XIX в. – произведением Г. Флобера «Простое сердце».

Ключевые слова: русский постмодернизм, Т. Толстая, Г. Флобер, интертекстуальные связи, литературный тип «простое сердце»

Творчество Т. Толстой глубоко исследовано в отечественном литературоведении, его относят к прозе русского постмодернизма [1; 2]. Художественный мир писательницы проанализировал М. Липовецкий, подчеркнув постмодернистскую игру в её текстах: «... объект игры – свойства творящего сознания в его отношениях с «нетворческой», хаотичной реальностью» [2, с. 227]. Об интертекстуальности в сюжетах, «стилевом артистизме» Т. Толстой, книжности, условности говорится почти в каждом исследовании (в «Реке Оккервиль» А. Жолковский проследил связи: «с творчеством А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и др. [1, с. 244]» и французской классической литературой (Г. Флобер [1, с. 244])). В многообразии средств интертекстуальности (цитата, референция, аллюзия) нас интересует, более всего, уровень темы, сюжета в тексте постмодернистского автора (введение элементов «известного» сюжета [1, с. 244]), обращение к литературному типу, существующему в национальной и мировой литературе. Для анализа типа «простое сердце» мы выбрали рассказ «Соня» Т. Толстой и новеллу «Простое сердце» Г. Флобера. Соню Т. Толстой многое объединяет с Фелисите Г. Флобера. В прозе Т. Толстой сложилась типология, включающая образы обыкновенных людей («Милая Шура»). Для глубокого изображения мира обыкновенного человека, его характера писатели неслучайно обращаются к малой форме (рассказ, новелла, может быть и повесть), ведь в малой прозе характер раскрывается через одну грань, в череде событий.

Т. Толстая в начале рассказа знакомит читателей с героиней и одновременно философствует о бренности человеческой жизни: «Жил человек – и нет его. Только имя осталось – Соня. «Помните, Соня говорила...» «Платье, похожее как у Сони» ...Потом умерли и те, кто так говорил <...>» [3, с. 5]. В первом абзаце Т. Толстая словно оживляет ушедшие образы, и перед читателем, как в кадрах старого кино, предстаёт яркая, наполненная театральностью жизнь одной интеллигентной семьи в Ленинграде 1930-х гг., где Соня служила няней, хозяйкой одновременно. Ключевое слово звучит уже на второй странице как непререкаемое и окончательное суждение: «Ясно одно – Соня была дура» [3, с. 6]. Поскольку мы сравниваем рассказ «Соня» с произведением французской литературы XIX в., отметим, что в русском языке подобная характеристика содержит не один только буквальный смысл, но и другие. К примеру, фраза *Не будь дураком* означает: ‘не быть и не слыть простофилей, простодуш-

ным человеком, не способным извлечь пользу, выгоду для себя'. В рассказе Т. Толстой слово *дура* в характеристике героини, с точки зрения других персонажей, содержит смыслы: 'недостаток культуры', 'наивность мышления', 'простодушие'.

Автор не знает о происхождении Сони, но уверен, что оно весьма простое, а на фоне многих судеб других людей образ Сони меркнет: *И столько было действительно интересных и содержательных людей...* [3, с. 8]. Интересно восприятие времени. У Т. Толстой охват времени обозначен в небрежно брошенных словах: *Кто сейчас помнит какие-то детали? Да за пятьдесят лет никого почти в живых не осталось, что вы!* Иной пафос повествования у Г. Флобера. В новелле «Простое сердце» писатель повествует о судьбе девушки по имени Фелисите, которая всю жизнь верой и правдой служила семье госпожи Обен в одной из провинций Франции. В первом предложении имя Фелисите предстает в легендарном ореоле, и читатель с интересом ожидает открытия тайны обыкновенной и одновременно необыкновенной героини: *Целых полстолетия обывательницы Пон-л-Эвека завидовали госпоже Обен, у которой в служанках жила Фелисите. За сто франков в год она стряпала и убирала дом, шила, стирала, гладила: умела взнуздывать лошадь, знала, как откармливать птицу, как сбивать масло, и хранила верность своей хозяйки, хотя та была особа не из приятных* [4, с. 47]. Не пятьдесят лет («Соня»), а «целых полстолетия» – последнее звучит возвышенно, время течёт в историческом русле. Юной Фелисите пришлось вынести немало испытаний. Её родители умерли, когда она была ещё ребенком, затем она пасла коров у фермера, где жизнь была несладкой: нищета и побои за малейший проступок. Потом её прогнали. Только в мирном и уютном Пон-л-Эвеке Фелисите наконец-то обрела настоящий дом. События развиваются после 1809 г., исторический фон – события бурной истории Франции, в том числе периода Французской революции.

Героиням Т. Толстой и Г. Флобера свойственна наивность – они склонны безоговорочно верить людям. Внешность этих героинь непримечательна, одежда скромна, потому что духовное для Фелисите и Сони важнее материального. Героини живут внешне тихой размеренной жизнью, храня в своих сердцах любовь. Их не волнует, что окружающие не понимают и часто смеются над ними, это не так важно. Постмодернистский автор непременно вводит в текст игровой элемент, игра может проявиться на разных уровнях художественного целого, но у Т. Толстой, в отличие от Г. Флобера, сюжетобразующей является именно игра, затеянная благородным интеллигентным обществом с целью развлечься и посмеяться над «дурой», то есть над Соней.

И у Г. Флобера, и у Т. Толстой есть любовная линия. История любви восемнадцатилетней Фелисите трагична: молодой человек, к которому она прониклась нежными чувствами, – женился по расчёту (только так смог откупиться от военной службы), а Фелисите оставил. Раздавленной горем героине пришлось покинуть места, где всё напоминало о любви, и бежать в Пон-л-Эвек в поисках работы. В сюжете рассказа «Соня» любовная история – плод жестокого розыгрыша праздных людей. В довоенном Ленинграде Ада Адольфовна и несколько человек из её окружения (шутки над Соней – их развлечение) затеяли переписку от имени тайного, как бы женатого, поклонника Николая. Письма были очень пылкие, и Соня восприняла всё всерьёз. В письмах Сони к Николаю раскрылись лучшие человеческие качества: самоотверженность в любви, её романтичность, возвышенность души, трепетная искренняя преданность. Важна роль детали: в одно из писем Николаю Соня положила своё единственное простенькое украшение, с которым никогда не расставалась – эмалевого голубка. Перипетии сюжета развиваются внезапно вследствие трагических перемен 1941 г. В один из дней блокады Ленинграда Соня взяла последнее, что оставалось из пищи, и направилась по адресу мнимого Николая; приняв за Николая замёрзшую, истощенную, уже неузнаваемую Аду, она заботливо покормила её с ложечки. Затопила печь и ушла за водой, «чтобы больше никогда не вернуться. Бомбили в тот день сильно» [3, с. 13]. В эпилоге (о состарившейся Аде Адольфовне) звучит голос автора – единственного хранителя памяти о бедной Соне: «Ведь голубков огонь не берёт» [3, с. 14]. Отражением образа Сони, воплощением её простого

сердца является эмалевый голубок. Голубь – символ чистоты, света, добра и мира. «Простое сердце», она просто жила, как умела, и находила счастье в простых вещах. Подобно Фелисите, которая попросила положить чучело попугая Лулу на передвижной алтарь, Соня отдала Николаю драгоценного, как память, своего эмалевого голубка. Главной ценностью для героинь была сила чувства, искренность.

В новелле «Простое сердце» Фелисите изображается религиозной женщиной, читающей Библию, с годами её мысли о Боге становятся глубокими. Героиню особенно завораживала красота католического церковного обряда. Г. Флобер детализирует: *В церкви её внимание всегда приковывало к себе изображение святого духа, и она заметила, что он немного похож на попугая* [4, с. 68], имеется в виду любимая птица по имени Лулу. Героини в произведениях Г. Флобера живо воспринимают культуру, они «романтически чувствительны» [5, с. 109], скорее, «сентиментальны» (эту черту Г. Флобер подмечает, например, в госпоже Бовари) [5, с. 109]. Представляется, что в детали, относящейся к героине другой эпохи, в эмалевом голубке Сони есть намёк на святость. Даже Ада Адольфовна не смогла бы бросить в огонь эмалевого голубка вместе с письмом, автор подчеркивает белый цвет украшения: *Пусть так. Вот только белого голубка, я думаю, она должна была оттуда вынуть. Ведь голубков огонь не берёт* [3, с. 14].

Тип «простое сердце» несомненно соотносится с национальным характером, «простое сердце» означает и «простую душу». Героев данного типа многое роднит с «естественным человеком», в европейской литературе этот тип широко представлен в литературе Нового времени. В современной русской литературе истоки типа «простое сердце» следует искать в житийно-идиллическом свехтипе (по В. Хализеву) – в этом направлении накоплен опыт анализа женских образов в традиционной прозе рубежа XX–XXI вв. [6]. Черты житийно-идиллического свехтипа позволяют высветить в типе «простое сердце» высокие духовные основания: в героинях Т. Толстой и Г. Флобера есть чувство человеческого достоинства (хотя их социальное происхождение невысокое), в минуты испытаний и Соня, и Фелисите проявляют стойкость, проявляют силу воли и духа. Сопоставление двух текстов продемонстрировало закономерность обращения постмодернистской писательницы Т. Толстой не только к отдельному произведению (Г. Флобер «Простое сердце»), но и в широком смысле – к опыту мировой и русской литературы в постижении мира человеческой души.

Список использованных источников

1. Богданова, О. В. Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90-е годы XX века–начало XXI века) / О. В. Богданова. – СПб. : Филол. ф-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – 716 с.
2. Липовецкий, М. Н. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики) : монография / М. Н. Липовецкий ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1997. – 317 с.
3. Толстая, Т. Н. Река Оккервиль / Т. Н. Толстая. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
4. Флобер, Г. Простое сердце / Г. Флобер // Французская новелла XIX века : в 2-х т. – Москва–Ленинград : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1959. – Т. 2. – С. 47–73.
5. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро ; пер. с фр. ; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
6. Орликова, А. А. Особенности изображения женского характера в русской прозе конца XX в. (В. Астафьев и Б. Екимов) / А. А. Орликова // Студент и наука (Гуманитарный цикл) – 2023 : материалы междунар. студ. науч.-практ. конф., Магнитогорск, 28–31 марта 2023 г. – Магнитогорск : МГТУ им. Г. И. Носова, 2023. – С. 335–339.

Abstract. The article examines the literary type “simple heart” in T. Tolstoy’s story “Sonya” as a manifestation of intertextual connections between Russian postmodern prose and classical French literature of the 19th century. – the work of G. Flaubert “A Simple Heart”.

Keywords: Russian postmodernism, T. Tolstaya, G. Flaubert, intertextual connections, literary type “simple heart”.

О. Е. Морозова
Научный руководитель – Е. И. Холявко,
канд. филол. наук, доцент

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЛЕКСЕМЫ *ЧЕСТЬ*

Аннотация. В статье анализируется современная и историческая семантика лексемы *честь*, выявляются ее исходные родственные связи. Выполнена семантическая реконструкция данного слова; аргументирована актуализация архаичных сем в составе современных семем; определено первичное значение корня. Делается вывод о том, что концептуальное наполнение базовой лексемы обусловлено происхождением.

Ключевые слова: честь, семантика, диахрония, этимология, лингвокультурология, языковая картина мира, русский язык.

Исследованию понятия «честь» посвящено немало научных работ, в которых изучается его репрезентация в современной и древней картинах мира.

Понятие носит отвлеченный характер и относится к морально-этическим категориям, регулирующим социальное поведение личности. Оно связано с оценкой таких нравственных качеств человека, как достоинство, порядочность, совесть, преданность, ответственность, правдивость, благородство. В представлениях о чести находит отражение общественное положение как самого человека, так и социальной группы, к которой он принадлежит [1, с. 799].

Лингвокультурологическому анализу соответствующей базовой лексемы посвящено наше исследование. В статье будут изложены результаты исследования различных (по характеристике и времени издания) лексикографических источников русского языка для определения семантической эволюции слова *честь*.

Эволюция каждого слова предопределяется прежде всего его этимологией. Начальное значение слова может отличаться от того, которое дошло до наших дней. Изучение происхождения слова даёт возможность исследовать новейшие прочтения интересующего нас слова [2, с. 20].

Понятие «честь» занимает важное место в русской языковой картине мира, поскольку выражает значимые смыслы национальной культуры, представленные в формах русского языка. Исконно *честь* характеризовала внутреннее качество человека, а общественная оценка выражалась лексемой *слава*. За счет удвоения указанных слов достигалось выражение нужного понятия. Так возникла формула *честь и слава*, в которой первое слово обозначало внутреннее качество личности (личное переживание), а второе служило выражению его оценки со стороны общества. Честь требует от человека выполнения долга перед обществом. Человек, следующий чувству личной ответственности и чести, решает сам. Вследствие этого поступок человека чести обусловлен долгом перед обществом и личным чувством ответственности. Человек чести зависит от общественного мнения и собственной нравственности.

Внутренней формой слова *честь* в русском языке является мирская честь, не связанная с духовностью, а лишь с вещными элементами, что до настоящего времени ощущается в выражениях *честь и место* (вежливое приглашение *сесть*), *честь честью* 'хорошо, как следует', например: *угостить честь честью*. Как считал Н. А. Бердяев, понятие чести, этимологически связанное с идеей части, лишено свойственной русской ментальности идеи целостности. Честь имеет характер очевидной корпоративности, на что в свое время справедливо указывал Гегель: «В своем сословии член корпорации находит свою честь» [3, с.113]. Корпоративный характер чести выражается в сочетаниях типа *честь дворянина*, *честь офицера*, *профессиональная честь* и т. п. Именно корпоративность чести свидетельствует о том, что она обусловлена внешними факторами. Честь тесно связана с достоинством. Если честь обуславливает уважение окружающих, то достоинство – это не только уважение окружающих, но и уважение к самому себе, оправданное совестью. Честь рассматривается в качестве внешнего

регулятора социального поведения, а совесть – внутреннего. А оба этих качества предстают в тесном единстве, обуславливают идеальное поведение личности. В соответствии с понятием чести человек требует уважительного отношения к себе от окружающих. Честь требует следования закону, обычаю.

Рассмотрим значения слова *честь* в разные исторические периоды.

В современном литературном русском языке слово *честь* имеет следующие значения: ‘совокупность высших морально-этических принципов и личности (честность, порядочность, добросовестность и т. п.); сохранение собственного достоинства и уважения личного достоинства’; ‘хорошая, незапятнанная репутация, доброе, честное имя’; ‘почёт, уважение’; ‘о том, кем или чем гордятся’ [4]. Доминирующее значение слова *честь* – ‘почёт, слава’.

В XIX веке значения слова *честь* отличались большей диффузностью. В. И. Даль предлагает в своём словаре множество значений слова *честь*: ‘внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть ’; ‘почет, почесть, почтенье, чествованье, изъявление уважения, признание чьего превосходства отличия’; ‘условное, светское, житейское благородство, нередко ложное, мнимое’; ‘высокое званье, сан, чин, должность’; ‘внешнее доказательство отличия’; ‘оказывать почтенье или честь, почет, изъявлять уваженье или отдавать должные, приличные почести’; ‘честить кого, чтить, чествовать, почитать, уважать душою’; ‘угощать, потчивать, подносить, принимать за хлебом-солью’; ‘*честить, чествовать кого, бранить, ругать, поносить, хулить’; ‘хвалиться, гордиться чем, ставить себе что в честь, в славу, в заслугу’; ‘честить друг друга’; ‘церк. предмет почитания, святыня друга’; ‘*брань, пск. честунина’ [5].

И. И. Срезневский выделяет следующие значения слова *честь*, свойственные древнерусскому периоду: ‘почет’; ‘уважение’; ‘почитание, чествование’; ‘прославление’; ‘благоговение’; ‘честь, почесть’; ‘достоинство’, ‘уважение’; ‘преимущество’ [6, с.1571].

Этимологические словари указывают на общеславянское происхождение русского слова *честь* (ср.: укр. *честь*, белор. *чэсьць*, болг. *чест*, серб. *ча́ст*, словен. *část*, чеш. *čest*, слвц. *čest'*, польск. *cześć* и др.), что косвенно подтверждает предположение о формировании понятия в ранний период становления феодального общества (VII–IX вв.), и его связь со словами *честный*, *честной*, *чтить*, *почевать* [7, с. 175–176].

В праславянский период для слова **čьstь* основными значениями являются ‘почёт’, ‘почитание’, ‘уважение’. Однако следует отметить, что в отдельных языках разных групп присутствуют «собственные» значения данного слова. Только в сербском языке появляется значение *ча́ст* – ‘званный пир, угощение’; в словенском языке *čast* – ‘достоинство, сан’; в верхнелужицком *česc* – ‘почёт, слава, хвала’; в нижнелужицком *česc* – ‘честность’, ‘известность, внимание’.

В древнерусском и церковнославянском русском извода языках эти значения прослеживаются в слове *чьсть*: ‘честь, почёт’, ‘почитание, чествование’, ‘уважение’, ‘благоговение’, ‘прославление’, ‘достоинство’.

В русском языке более позднего периода закономерно формируется семантика слова, являющегося индикатором личностных и социальных отношений: *честь* – ‘моральное или социальное достоинство, то, что вызывает, поддерживает уважение (к самому себе или со стороны окружающих)’. В староукраинском языке *честь* – ‘чин, место’, а также ‘милость, любовь’, ‘честь, добрая весть’.

Рефлексы праславянского **čьstь* многочисленны и семантически разнообразны: ‘сан’, ‘чин’, ‘хвала’, ‘любовь’, ‘добрая весть’. В современном русском языке семантическая структура менее разветвленная, характеризуется в большей степени специализированными лексико-семантическими вариантами, имеющими отношение к сфере взаимодействия личности и общества.

Список использованных источников

1. Fiodorowa, L. Концепт «честь» в русской языковой картине мира [Электронный ресурс] / Ludmiła Fiodorowa ; Rosyjski państwowy uniwersytet Humanistyczny. – Moskwa–Białek–Lublin, 2015. –

Режим доступа : file:///C:/Users/37529/Desktop/диссертация/4638-Tekst%20artykułu-4132-1-10-20160424.pdf. – Дата доступа : 26.10.2023.

2. Оборин, В. З. Специфика концептов «честь/honog» в русской и английской лингвокультурах [Электронный ресурс] / В. З. Оборин ; Пермский гос. гуманитарно-педагог. ун-т. – Пермь : Пермский гос. гуманитарно-педагог. ун-т., 2016. – 53 с. – Режим доступа : https://vkr.pspu.ru/uploads/1674/Oborin_vkr.PDF. – Дата доступа : 26.10.2023.

3. Кунавин, Б. В. Концепты «честь» и «совесть» в русской языковой картине мира [Электронный ресурс] / Б. В. Кунавин, И. К. Тедеева // Гуманитарный научный вестник. – 2021. – №3. – С. 183–189. – Режим доступа : <http://naukavestnik.ru>. – Дата доступа : 26.10.2023.

4. Большой толковый словарь русского языка: [БТС : А–Я] [Электронный ресурс] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2004. – 1534 с. – Режим доступа : <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> – Дата доступа : 26.10.2023.

5. Даль, В. И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка : онлайн-версия [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Режим доступа : <https://slovardalja.net/> – Дата доступа : 26.10.2023.

6. Срезневский, И. И. Словарь Древне-Русского языка : электронная версия словаря [Электронный ресурс] / И. И. Срезневский. – Режим доступа : <http://oldrusdict.ru/dict.html>. – Дата доступа : 26.10.2023.

7. Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд ; Под ред. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – Вып. 4 : *čaběniti – *děl'a. – Москва : Наука, 1977. – 235 с.

Abstract. The article analyzes the modern and historical semantics of the lexeme honor, reveals its original kinship relationships. The semantic reconstruction of this word is performed; the actualization of archaic semes in the composition of modern semes is reasoned; the primary meaning of the root is determined. It is concluded that the conceptual content of the basic lexeme is due to the origin.

Keywords: honor, semantics, diachrony, etymology, linguoculturology, linguistic worldview, Russian language.

УДК 811.161.1

Нгуен Кхань Линь
Научный руководитель – **Е. Ю. Сидорова**,
канд. филол. наук, доцент

РАБОТА С ФРАГМЕНТОМ ФИЛЬМА «ПАРА ИЗ БУДУЩЕГО» НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме – использованию современных художественных фильмов на уроках русского языка как иностранного. Одним из современных художественных фильмов, которые можно рекомендовать к просмотру в иностранной аудитории, является фильм «Пара из будущего». В статье представлена система работы с фрагментом из данного фильма, которая направлена на формирование навыков аудирования, языковых навыков, а также повышения интереса обучающихся к изучению языка.

Ключевые слова: работа с фильмом, художественный фильм, фильм «Пара из будущего», русский язык как иностранный.

Нельзя не согласиться с мнением А. А. Беловодской, что «одним из способов приобщения иностранных учащихся к национальной культуре является просмотр художественного фильма, который представляет собой сложную систему соединения лингвистического и экстралингвистического...» [1, с. 57].

Художественный фильм играет важную роль в обучении русскому языку как иностранному. Во-первых, фильмы могут служить материалом для расширения словарного запаса студентов, для изучения грамматических конструкций. Во-вторых, фильмы используются для формирования навыков аудирования, в том числе аудирования русской разговорной речи.

Кроме того, художественные фильмы могут предоставить студентам возможность познакомиться с культурой и традициями России, улучшить их понимание контекста, а также помочь им понять различия между русским и их родным языком. В результате студенты могут лучше ориентироваться в русской культуре и научиться использовать язык в контексте, что может значительно улучшить их коммуникативные навыки и умения.

Во время просмотра фильма учащиеся не только слышат речь носителя языка, но и знакомятся с его образом жизни, узнают привычки, которые часто отражают национальный характер. Они учатся распознавать невербальные средства общения – жесты, мимику и др.

Использование художественных фильмов в обучении русскому языку может помочь студентам увлечься языком и повысить их мотивацию к его изучению. Благодаря фильмам студенты ощущают практическое применение своих знаний и наблюдают, как русский язык используется в реальной жизни.

Действительно, художественный фильм может быть ценным ресурсом для обучения русскому языку как иностранному, однако следует обратить внимание на особенности отбора фильмов.

Прежде всего это ряд таких параметров, как этап и цель обучения, характеристика учащихся (их национальности, возраст,...) и т. д. Приведем в качестве примера систему критериев, предложенную Г. А. Шантуровой для фильмов на русском языке, достойных быть показанными в аудитории иностранных студентов. Во-первых, фильм должен иметь культурную ценность и качественный страноведческий материал. Во-вторых, сюжет материала должен быть актуальным. В-третьих, фильм должен озвучивать какую-то проблему, которая позволит провести дискуссию по окончании просмотра. И, наконец, для преподавателя немаловажны возраст, культурные особенности и религиозная принадлежность учащегося, его интересы, профессиональная ориентированность [2, с. 71].

В методических трудах по русскому языку как иностранному описан богатый опыт работы с классическими фильмами советского кинематографа, которые представляют большую ценность в лингвометодическом аспекте. Однако есть необходимость в привлечении современного кинематографа, который представляет современную языковую реальность и актуальные проблемы жизни современных людей. Контекст современных художественных фильмов, которые вышли в прокат за последние десять лет, может быть близок к реальной современной действительности учащихся в университете (в возрасте 18–25 лет).

В качестве материала мы выбрали для изучения фрагмент из современного художественного фильма режиссера Алексея Нужного «Пара из будущего», который вышел в прокат в 2021 году – фрагмент «Соцсети, лайки в 2040 году» [3]. Выбор данного фрагмента обусловлен рядом факторов:

- фрагмент показывает жизнь в современной России и содержит образцы современной разговорной речи;

- этот фрагмент затрагивает актуальные вопросы современных людей: социальные сети, настоящие ценности, развитие искусственного интеллекта и т. д., поэтому выбранный фрагмент может стать хорошим предметом для обсуждения актуальных вопросов современного мира.

В фильме «Пара из будущего» показана супружеская пара, живущая в 2040 году. Евгений и Александра состоят в браке уже 20 лет, их отношения стали сухими и скучными. Они хотят, но не могут развестись, так как в то время это является очень дорогой услугой. Однако у них появляется шанс исправить то, что они считают своей ошибкой, когда они случайно попадают в прошлое (2020 год) – в тот самый день, когда молодой и влюбленный Евгений сделал предложение Саше. Теперь у пары из будущего есть возможность изменить свое будущее, они решают найти самих себя в молодости, чтобы предотвратить женитьбу. Однако это оказывается гораздо сложнее, чем они думали, так как молодые Евгений и Александра начинают бороться за свою любовь.

Выбранный фрагмент показывает утро главного героя, Евгения, в 2040 году с появлением современных предметов, которые выполняют все запросы героя, а также дают ему советы.

Для работы с фрагментом фильма «Пара из будущего» на уроке по русскому языку как иностранному разработана система заданий, включающая три этапа: преддемонстрационный, демонстрационный и последдемонстрационный.

На преддемонстрационном этапе предлагаются следующие упражнения:

Упражнение 1: Прочитайте данные слова и скажите, какая тема их объединяет.

1. Лайк;
2. Лайкать;
3. Выложить фотографию;
4. Писать комментарий/ комментировать фотографию;
5. Заблокировать аккаунт;
6. Отправить/ отправлять сообщение

Упражнение 2: Вставьте слова из упражнения 1 в следующие предложения.

1. – Вы вчера все ее фото.
2. Отмени и залайкай все заново, чтоб увидела.
3. Валентина Однолюбова новую фотографию.
4. Под фото пиши
5. Валентина Однолюбова ваш аккаунт.
6. Мы больше не можем ей сообщение и фотографии.

Упражнение 3: Представьте и скажите, чего вы ждете через 20 лет в своей жизни? Как изменится жизнь человека через 20 лет?

На следующем этапе студентам предлагается посмотреть фрагмент фильма и ответить на вопрос, совпадают ли их собственные представления о будущем с тем, что показано в фильме?

После просмотра преподаватель может дать вопросы для обсуждения, чтобы проверить понимание фрагмента и развивать речевые навыки учащихся.

1. Что вы узнали о главном герое? Какая у него мечта? Какой у него образ жизни?
2. Расскажите, какие возможности искусственного интеллекта мы увидели?
3. Как вы думаете, на что будет способен искусственный интеллект в будущем?
4. Как вы считаете, возможно ли, что искусственный интеллект будет заменять людей во всех сферах жизни, например, голограмма вместо артиста в театре, искусственный преподаватель, автопилот в самолете и т. д.?

Таким образом, можно сказать, что выбранный фрагмент из фильма «Пара из будущего» может быть использован в качестве материала для изучения актуальной и современной дискуссионной темы – развитие искусственного интеллекта, а также изучения языковых единиц разговорной речи по теме «Интернет и социальные сети».

Современный художественный фильм «Пара из будущего» и его фрагменты могут быть очень полезными для улучшения языковых навыков студентов, расширения лексики и понимания языковой среды.

Список использованных источников

1. Беловодская, А. А. Russian Eralash : Аудиовизуальный курс русского языка / А. А. Беловодская // Текст : проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 24–26 ноября 2011 г. – Москва : МАКС Пресс, 2011. – 324 с.

2. Страмнова, Т. В. Видеозапись художественных фильмов как средство совершенствования устной речи на продвинутом этапе обучения / Т. В. Страмнова, Г. А. Шантурова ; под ред. А. Н. Щукина // Вопросы практической методики преподавания русского языка как иностранного. – Москва : Гос. Ин-т рус. языка им. А. С. Пушкина, 1995. – С. 70–76.

3. Фрагмент из фильма «Пара из будущего» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=gumetF40uh4>. – Дата доступа : 30.09.2023.

Abstract. The article is devoted to an urgent problem - the use of modern feature films in lessons on Russian as a foreign language. One of the modern feature films that can be recommended for viewing by foreign audiences is the film "Couple from the Future." The article presents a system for working with a fragment from this film, which is aimed at developing listening skills, language skills, as well as increasing the interest of students in learning the language.

Keywords: work with film, feature film, film "Couple from the Future", Russian as a foreign language.

УДК 811.161.1

С. В. Незговоров
Научный руководитель – **А. В. Петров**,
д-р филол. наук, профессор

КОННОТАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ АУДИО- И ВИДЕООЧЕРКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности описания субъективных характеристик в портретном очерке, выявление и описание которых представляют интерес для систематизации типичных речевых средств, создающих образ главного героя.

Ключевые слова: коннотация, очерк, портрет, речь.

Очерк – один из наиболее распространённых видов публицистического текста; по ряду особенностей он приближен к художественному тексту. «В очерке должно произойти органичное слияние публицистической мысли и художественного приёма» [1, с.24].

Жанровые особенности очерка заключаются, главным образом, в описании действительности, а композиционные формы должны соответствовать причинно-следственным и временным связям. В то же время очерк отличается наглядностью и живой образностью.

Специфика структуры очерка вытекает из особенностей этого жанра, имеющего сложную и многогранную природу. Максим Горький располагал очерк между рассказом и исследованием. «Стремление к глубинным обобщениям, яркой и выпуклой обрисовке характеров требует от очеркиста активного применения художественных выразительных средств» [2, с. 213]. Из сказанного следует, что одним из способов выражения оценочной семантики в аудио- и видеоочерках, помимо музыкального оформления и интершума, являются коннотативы. «Коннотация возникает на основе сведений, соотносимых с культурно-историческим, мировоззренческим, повседневно-эмпирическим знанием как говорящих на этом языке общностей, так и отдельного индивида» [3, с.115].

Любой очерк – проблемный, путевой, портретный – создаётся «через героя», то есть человека, непосредственно участвующего в событиях, или того, чей портрет (в случае портретного очерка) создаёт автор. При этом авторский текст является главным связующим звеном. Повествование выстраивается через оценочные суждения героя и в то же время через отношение автора к той или иной проблеме (А. Аграновский «Кандидат в студенты»); восприятие посещаемой местности, встреч с людьми (С. Максимов «Год на Севере»); описание жизненного пути героя (Р. Сидоров, С. Незговоров «Быть человеком»). «Трансформация факта в документальный образ <...> достигается за счет различных способов его творческой обработки: типизации, авторской интерпретации и образной трактовки» [4, с. 13]. Существенно, что на протяжении всего текста автор постоянно следует «рядом» с героем.

При создании аудио- или видеоочерка важным компонентом становится интонация диктора. Как известно, интонация включает в себя целый ряд компонентов: логическое ударение, мелодику, темп, тембр, интенсивность, паузы, каждый из которых, как и

совокупность нескольких или всех, может стать выразительным эмоционально-оценочным средством. Несомненно, включение в текст разнообразных средств воздействия требует особой выучки диктора и его мастерства.

В тексте очерка наблюдаются, как правило, два речевых потока: литературный (авторский текст) и спонтанный (речь участников повествования). И всё же главным субъектом речи в очерке является автор-повествователь.

Вместе с тем нельзя не принимать во внимание и особенности речи участников повествования, то есть тех людей, которые дают автору информацию и материалы для очерка, а также высказанную ими оценку ситуации.

Особенности звучащего текста – «тон голоса, манера речи – свидетельствуют о чувствах и оценке того, о чем говорится. Сам выбор слов может нести окраску (коннотацию)» [5, с. 51].

Если говорить о взаимосвязи коннотации и оценочных суждений в спонтанной речи, то можно привести в качестве примера фрагмент портретного очерка «Быть человеком», где главным героем повествования является бывший токарь завода «Звездочка», ставший позже преподавателем Профессионального училища № 28 – Валентин Дмитриевич Беляев. Рассказывает коллега главного героя по работе в училище Владимир Бельский, он характеризует отношение В. Д. Беляева к работе: *Он очень ревностно относился к своей профессии, к тому, что он делает. Некая гордость в нем всегда присутствовала. Если он что-то делает, то это не просто его мнение, что это эксклюзив, это, действительно, был эксклюзив. То есть манера выполнять задание – это не просто отлично выполнено, а с каким-то шармом даже, с превосходством. Не просто отлично, а как-то отлично. Мало говорил, не хвалился, никогда не хвалился. Он просто показывал своё превосходство. Это надо видеть.*

Мы видим, что говорящий ярко и эмоционально выражает свое отношение к коллеге, то есть к главному герою очерка, дает ему определенную эмоциональную оценку. Это подчеркивают оценочные коннотации: *ревностно относился; не просто отлично выполнено, а с каким-то шармом даже, с превосходством. Не просто отлично, а как-то отлично.* Мы видим, что слово *отлично* звучит в речи рассказчика трижды за короткий промежуток времени. Причем два раза – в одном предложении, когда рассказчик пытается выразить оценку выполняемой В. Д. Беляевым работы: *Не просто отлично, а как-то отлично*, причем превосходная степень оценки подчеркивается интонацией интервьюируемого, его повышенной эмоциональностью, которая заметна также в подборе слов «на ходу», в повторах (*не хвалился, никогда не хвалился* и др.), в контрастах, оформленных несколькими конструкциями – *не просто <...>, а <...>*, и даже в двусмысленных выражениях (*показывал своё превосходство*) и т. д. Все эти особенности речи собеседника очеркист сохраняет, стремясь передать непосредственность и искренность оценки.

Автор-повествователь выстроил структуру очерка таким образом, что о главном герое в основном рассказывают его коллеги и друзья. В финале В. Д. Беляев характеризуется автором как человек, состоявшийся в жизни, трудолюбивый, не умеющий сидеть, сложа руки: *Говорят, что человеку надо в своей жизни вырастить сына, посадить дерево и построить дом. Валентин Дмитриевич Беляев и сына с дочерью вырастил, и не одно дерево посадил, неподалёку от Северодвинска такую дачу построил, что залюбуешься, а сейчас строит дом в деревне Устья, что близ Тотьмы в Вологодской области. Строит один, строит ради того, чтобы дом этот стоял и радовал его детей и внуков.*

Название очерка – «Быть человеком» – по отношению к тексту не только выражает главную идею очерка, но и предстает как семантически емкое оценочное суждение. Интересно, что в названии текста очерка имплицитно предстает и его структура. Текст выстраивается посредством характеристик, оценочных высказываний участников очерка: супруги, коллег, друзей, которые выражают свой субъективный взгляд, раскрывая ту или иную сторону жизни главного героя. Это становится основанием для итогового обобщения автора-повествователя черт, характеризующих человеческие качества главного героя очерка.

Таким образом, выявление и описание субъективных характеристик в портретном очерке представляют интерес не только для систематизации типичных речевых средств,

создающих образ главного героя, но и открывают перспективу изучения социально и культурно значимых черт современного человека, которые сложились в повседневной жизни, выделяются людьми и составляют реально представленную в обыденной жизни систему ценностей.

Список использованных источников

1. Журбина, Е. И. Искусство очерка (Избранные главы) / Е. И. Журбина. – Москва : Сов. писатель 1957. – 221 с.
2. Васильева, Т. В. Курс радиотелевизионной журналистики : учеб. пособие / Т. В. Васильева, В. Г. Осинский, Г. Н. Петров. – СПб. : Спец. лит., 2004. – 287 с.
3. Пономарева, Н. А. Коннотация как средство речевого воздействия в языке СМИ / Н. А. Пономарева // Молодой ученый. – 2009. – № 5 (5). – С. 115–116.
4. Ким, М. Н. Технология создания журналистского произведения / М. Н. Ким. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2001. – 235 с.
5. Яковлев, И. П. Основы теории коммуникации : учеб. пособие / И. П. Яковлев. – СПб. : Ин-т упр. и экономики, 2001. – 229 с.

Abstract. The article discusses the features of the description of subjective characteristics in a portrait essay, the identification and description of which are of interest for the systematization of typical speech means that create the image of the protagonist.

Keywords: connotation, essay, portrait, speech

УДК 811.161.1'371'374:398.91:398.34

О. И. Ничипорчик

Научный руководитель – **Е. И. Холявко**,
канд. филол. наук, доцент

РУССКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ С КОМПОНЕНТОМ *ПОРОГ* В СЛОВАРЕ «ПОСЛОВИЦЫ РУССКОГО НАРОДА» В. И. ДАЛЯ

Аннотация. Анализируется жанровая принадлежность зафиксированных в паремиологическом словаре В. И. Даля выражений с компонентом *порог*. Определяется своеобразие подачи в словаре выражений, представляющих собой суеверия и приметы. Выявляются семантические особенности пословичных выражений с компонентом *порог*.

Ключевые слова: паремиологический словарь, словарная единица, поговорка, пословица, компонент, символический смысл.

В обыденном понимании порог – это пограничная часть жилища человека, «брус на полу под дверью» (обычно деревянный) [1]. Однако в мифопоэтической модели мира порог наделяется множественными символическими функциями: порог служит границей своего и чужого, реального и потустороннего мира, местом совершения магических действий. Лингвокультурологами, фольклористами, этнолингвистами описаны многие календарные, свадебные, родинные, похоронные обряды, связанные с порогом дома [2]. Несмотря на высокую значимость порога в мифопоэтической модели мира, в паремиологической картине мира порогу отводится очень скромное место. Об этом свидетельствует совсем небольшое количество устойчивых выражений с компонентом *порог*, зафиксированных в паремиологических словарях.

Так, в фундаментальном словаре «Пословицы русского народа» В. И. Даля [3] мы находим только 70 выражений с компонентом *порог* (для сравнения, с компонентом *дом* в словаре зафиксировано 256 паремиологических единиц, с компонентом *хлеб* – 649, общее количество словарных единиц более 30000). В числе словарных единиц с компонентом *порог* есть суеверия, приметы, прибаутки, пословицы, поговорки и загадка.

Доля словарных единиц, которые представляют собой суеверия или характеризуются прогностической функцией, невелика. Часть таких выражений помещена в отдельное словарное объединение, названное В. И. Далем «Суеверия – Приметы»: *Через порог не здороваться, не беседовать; Чтобы тараканы пропали: взять их столько, сколько жильцов в доме, и в лапте переволочь через порог и дорогу; Коса в пороге охраняет от злых людей; Если при соборовании свечи упадут комлем к порогу, то больной умрет.* Другие выражения, также основывающиеся на суеверных представлениях, фиксируются в словарных объединениях, которые определяются как тематические: *На пороге не стоят* («Приличие – Вежество – Обычай»); *Через порог руки не подают* («Приличие – Вежество – Обычай»); *Если на ночь выкинуть сор из избы, за порог, то скотина будетдохнуть* («Животное – Тварь»); *Всякая встреча из дому на пороге, на крыльце, на мосту – нехороша* («Счастье – удача»); *Сватья на свадьбу спешила, на мутовке рубаху сушила, на пороге повойник катала* («Пора – Мера – успех»); *Избушку мети, а сор под порог клади* (т. е. не сплетничай из дому) («Молва – Слава»); *Купцы на пороге в лавке не стоят* (покупателей отгонишь) («Торговля»); *Через порог ничего не принимать – будет ссора* («Мир – Ссора – Спор»); *Плюнь ему на порог, чтоб к крыльцу не знать было дорог* («Мир – Ссора – Спор»).

Как видим, в такого рода словарных единицах (некоторые из них снабжаются комментариями составителя словаря) представлены правила вежливого поведения в быту (с очевидной суеверной подоплекой), приметы, имеющие отношение к свадебной, похоронной обрядности; рекомендации оберегового характера и даже побуждения к совершению вредоносной магии.

В паремиологическом словаре В. И. Даля зафиксированы также две прибаутки с компонентом *порог*: *Сорока-ворона кашку варила, на порог скакала, гостей призывала: этому дала (по пальцам), этому дала, а этому не досталось (иши на головку); Сорока-белобочка на пороге скакала, гостей поджидала, кашу варила, деток кормила.* Обе прибаутки относятся к фольклорным единицам, адресованным детям, компонент *порог* здесь не характеризуется символической семантикой. В то же время объединяющий данные прибаутки образ сороки связывается с поверьем, согласно которому прилет сороки к дому говорит о скором приходе гостей. Отсылку к этому поверью обнаруживаем в пословичном выражении *Не было сороки, а гости у порога (от поверья)* («Нечаянность – Распдох»).

Загадку с компонентом *порог* В. И. Даль относит к тематическому объединению «Двор – Дом – Хозяйство»: *Ходит без ног, держит без рук; кто идет, тот за порог берет.* Объектом кодирования в этой загадке является дверь в избе, подсказкой служит указание на низкий поклон, который делали на пороге перед входом в дом. К этому же тематическому объединению относится пословица *Порог поскребла да пирога испекла.* Хотя пословица и говорит о находчивости хозяйки дома, соединение образов порога и пирога в пословице, по нашему мнению, неслучайно. Как известно, в свадебной обрядности порог связан с ритуалом внесения в дом каравая, кроме того, на пороге при входе молодоженов в дом ставили квашню, а после деления каравая катали крышку от квашни [2, с. 174, 175].

Конечно же, основную массу выражений с компонентом *порог* в словаре В. И. Даля представляют пословицы и поговорки. В них находит отражение ряд принятых в коллективе норм поведения. Это, прежде всего, паремии, связанные с верой в Бога. Такие паремии рекомендуют всегда помнить о том, что во всех делах и во всяком пути человек должен руководствоваться божьими заповедями. Границей перехода из одного состояния в другое, перемещения из одного локуса в другое, символично становится порог: *Без бога ни до порога; С богом хоть за море, а без бога ни до порога.* Исследователь А. А. Плотникова связывает данные пословицы с бытовым этикетом: «Бытовой этикет и ритуалы при вступлении в дом или уходе из дома предполагают особое почитание порога. Перед порогом следует остановиться, помолиться, особенно при входе в чужой дом» [2, с. 173]. На интернет-сайте религиозно-просветительского характера мы находим расширенную интерпретацию выражения *Без бога ни до порога*: «Что мы ни делаем: собираемся переступить порог дома, чтобы отправиться

куда-то, начинаем какое-нибудь дело, учебу или работу, – всякий раз просим у Господа помощи. Людям, которые молятся Богу, обращаются к Нему, просят о помощи и благодарят Его за все, что Он посылает; не нужно доказывать, что Бог есть, они просто знают это. Они чувствуют, что Бог близко, Он рядом, Он помогает им» [4]. Такое толкование вполне согласуется с тем, что одной из сущностных характеристик паремий признается назидательность и жизнь многих паремиологических единиц религиозного содержания, даже в том случае, если они не имеют своим источником Священное писание, поддерживается священнослужителями, наставляющими прихожан на истинный путь.

Вера в Бога, определяющего судьбу человека, наделяет порог символьным смыслом и в других пословичных и поговорочных выражениях: *Бойся бога: смерть у порога; Бойся, не бойся, а смерть у порога; Смерть за порогом*. Здесь *порог* ассоциируется с границей жизненного пути человека, границей, пролегающей между миром живых и мертвых.

Человек сетует на то, что судьба порой не благоволит ему, что не все оказывается зависимым от воли человека: есть обстоятельства, препятствующие достижению желаемого, есть всякого рода соблазны, сбивающие с истинного пути. Границей между праведным и неправедным поступком, между должным и греховным, между желаемым и возможным, вновь мыслится порог: *Я за порог, а черт поперек; Девичий стыд до порога: переступила, так и забыла; Мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет; Побереги, бог, мужа вдоль и поперек, а я без него ни за порог; Высоки пороги на мои ноги*.

Порог олицетворяет также границу между достатком и нищетой. Достаток, благополучие определяется в границах человеческого жилища, крова. Всего этого лишен человек, просящий милостыню, вынужденный стоять у порога чужого дома: *Убогий за порогом стоит; Лучшие подать через порог, чем стоять у порога*. Долги человека тоже олицетворяются с чем-то пришедшим извне и нарушающим гармонию внутреннего мира: *Долг стоит у порога*.

Порог в пословицах выступает границей своего и чужого, границей, на которой приветствуют чужих, которую могут пересекать чужие, границей, за пределы которой чужие непременно должны удалиться: *Честно величать, так на пороге встречать; Гостиная сыть до порога; В день пир, а в ночь со стенами и порогами мир; Говорил бы много, да сосед у порога; Поставить на порог, да в шею до ворот; Вот тебе бог, а вот тебе порог!*

В пословицах с компонентом *порог* говорится также о социальном неравенстве, нерациональности надежд на помощь со стороны: *Барская ласка до порога; Бабе дорога – от печи до порога; Вешний ледок что чужой избы порог (ненадежен); Такой порог, что насилу ноги переволок*. Компонент *порог* обнаруживается в пословицах о своем и чужом уме; и в этих пословицах свое предпочитается чужому: *Чужой ум до порога; Чужим умом до порога жить; Наказанным умом до порога жить, а переступишь, не купишь*.

Интересны пословичные интерпретации порога в пределах дома. Красный угол со святыми в крестьянской избе являлся самым почетным местом, под образа сажали уважаемых гостей; всё, что к ближе к порогу, то ассоциировалось с удалением от благочестия и святости: *Кому люба честь, тому бы в передний угол сесть; а голодного, хоть за порог, только дай порог; Посади мужика у порога, а он под образа лезет; У него совесть под порогом*.

Итак, анализ словарных единиц с компонентом *порог* показывает, что богатая символическая семантика порога, связанная с мифопоэтическим сознанием, проявляется не во всех жанровых разновидностях устойчивых выражений, зафиксированных в словаре В. И. Даля. В пословичных единицах порог осмысливается как определенного рода рубеж, разделяющий мир на правое и неправое, свое и чужое, обжитое и скитальческое, надежное и ненадежное пространство.

Список использованных источников

1. Дмитриев, Д. В. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/3922>. – Дата доступа : 08.09.2023.

2. Плотникова, А. А. Порог / А. А. Плотникова // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. ; под общей ред. Н. И. Толстого ; РАН ; Ин-т славяноведения. – Москва : Междунар. отношения, 1995–2012. – Т. IV : П (Переправа через воду) – С (Сито), 2009. – С. 173–178.

3. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – Москва : Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. – 616 с.

4. Без бога ни до порога // Основы Православия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://pravoslavie.ru/103521.html>. – Дата доступа : 08.09.2023.

Abstract. The genre affiliation of expressions with the threshold component recorded in V. I. Dahl's paremiological dictionary is analyzed. The peculiarity of the presentation in the dictionary of expressions representing superstitions and omens is determined. Semantic features of proverbial expressions with the threshold component are revealed.

Keywords: paremiological dictionary, vocabulary unit, paroemia, proverb, component, symbolic meaning

УДК 81`42:316.72

К. А. Пересыпкина
Научный руководитель – Д. Н. Чердаков

«В ПАМЯТЬ ПРИНОШУ СЕБЯ»: ИНСКРИПТЫ НА ОБОРОТЕ ФОТОГРАФИЙ

Аннотация. В статье приводятся результаты изучения пятисот дарственных надписей, сделанных на оборотной стороне фотографий в период с 1860 до 2003 года. Несмотря на изменения социокультурного контекста, структура инскриптов, которая может быть представлена в виде инвариантной формулы, стабильна на всем протяжении указанного времени, что позволяет характеризовать дарственные надписи на обороте фотографий как речевой жанр.

Ключевые слова: инскрипт, дарственная надпись, речевой жанр, фотография.

Объектом нашего исследования являются «фразы-посвящения, дарственные надписи» [1, с. 5], «миниатюры “на случай”» [2, с. 157–167], оставленные на оборотной стороне фотоснимков. Такие тексты, которые мы предлагаем именовать фотографическими инскриптами, целесообразно рассматривать сквозь призму теории речевых жанров.

Языковой материал исследования – пятьсот дарственных надписей, тексты которых были получены из трёх архивов: архива «История России в фотографиях» [3], архива Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации [4], личного архива, сформированного после летней фольклорной экспедиции студентов СПбГУ в деревню Сояну Мезенского района Архангельской области [5]. Инскрипты извлекались методом частичной выборки при использовании встроенной фильтрации на сайтах, с помощью поиска по ключевым словам и по ограниченному временному промежутку. Мы работали с дарственными надписями, первая из которых датируется 1860 годом, а последняя – 2003 годом. Большинство дат инскриптов выстраивается в непрерывный ряд, последовательно охватывающий все годы указанного периода; исключением являются инскрипты 2-й половины XIX в., когда фотографическая культура только зарождалась, и надписи конца XX–начала XXI вв., когда популярность бумажных фотоснимков затухает вследствие появления цифровых аналогов.

Приведём пример типичного инскрипта: *«Дорогому брату Константину, в знак воспоминания о том времени, когда люди так много говорили. Л. Вилямовская 28 августа 95 года».*

Эта дарственная надпись (как и любой инскрипт вообще) обладает свойством, позволяющим понять, что в тексте обозначается акт дарения, – своего рода «импульсом дарственности», который реализуется в обязательном для инскрипта речевом компоненте, соотношенном либо с образом адресанта, либо с образом адресата, либо с совокупным образом адресанта-адресата, либо с образом «предмета» (даримого). Некоторые инскрипты, в том числе и

упомянутый выше, помимо обязательного, содержат факультативный компонент, лишённый «импульса дарственности»: хронометрические, географические, биографические подробности, афористические или эмоционально окрашенные высказывания, цитацию и иные дополнительные сведения.

Можно утверждать, что все рассмотренные нами дарственные надписи на обороте фотографий имеют достаточно чёткую структуру, которая может быть представлена в виде варьируемой по количеству элементов формулы. В инвариантном виде формула фотографического инскрипта выглядит так: $D1+P1+D2+P2+R2+D3+P3+R3+Q+S$. D-элементы связаны с образом дарителя, P-элементы – с образом получателя, R-элементы – с совокупным образом дарителя-получателя. Элемент S отсылает к образу даримого, а Q – факультативный компонент инскрипта.

В свою очередь речевые компоненты, связанные с образами дарителя и получателя, реализуются тремя способами, которым присвоены соответствующие индексы. Основания выделения этих способов комбинированные – и семантические, и грамматические. Индекс «1» обозначает наименование участников ситуации дарения, например: D1 – «от дочери Вали», «Е. Малинин»; P1 – «Многоуважаемой мамаше», «Для Бондарь Александры». Индекс «2» обозначает характеристику связи между участниками, выраженную именем или именной группой, например: D2 – «С искренним уважением», «с любовью»; P2 – «На долгую память», «На добрый вспомин»; R2 – «как воспоминание о нашей дружбе», «на память о наших совместных занятиях». Индекс «3» обозначает характеристику связи между участниками, выраженную одной или несколькими предикативными единицами, например: D3 – «посылаем эту фотографию», «Дарю»; P3 – «Помните, что был такой-то человек», «Не забывайте Женю и Цика Бембель»; R3 – «Спасибо за поздравление, хотя мои именины уже давно прошли. Скоро увидимся так-как до Рождества остался один месяц», «И по какой мы в жизни не пойдём дороге, в воспоминаниях мы встретимся всегда...». Образ дарителя и образ получателя могут быть реализованы всеми тремя способами, совокупный образ дарителя-получателя – вторым и третьим способами. Образ даримого и факультативный компонент не имеют устойчивых структурных характеристик, поэтому числовые индексы им не присвоены.

Все десять элементов формулы инскрипта разделены нами на две группы: связанные (непрерывно сочетаются с дарственными элементами, например D2) и свободные (выступают единственным носителем «импульса дарственности», например P3).

Таким образом, формула приведённой нами надписи-иллюстрации: $D1+D2+P1+Q$, где D1 – «Л. Вилямовская», D2 – «в знак воспоминания о том времени, когда люди так много говорили», P1 – «Дорогому брату Константину», Q – «28 августа 95 года».

Анализ материала позволяет сделать вывод: в инскриптах облигаторен какой-либо компонент с «импульсом дарственности», но при этом дарственные надписи не имеют определённого обязательного элемента, который содержался бы во всех инскриптах без исключения. Наиболее частотны следующие элементы: наименование получателя (P1 – в составе 449 дарственных надписей), наименование дарителя (D1 – в составе 419 дарственных надписей), обозначение явления из психоэмоциональной сферы получателя – сочетания типа «на память» (P2 – в составе 313 дарственных надписей), факультативный компонент (Q – в составе 386 дарственных надписей). Отметим, что образ получателя в фотографических инскриптах явлен ярче, чем образ дарителя.

Подчеркнём, что дарственные надписи на обороте фотоснимков органично выделяются в особую жанровую группу. Показательно сравнение самого раннего найденного нами инскрипта, датированного 1860 годом («Платону Анемподистовичу Радонежскому в знак памяти. Николай Богацкий. Флоренция, 19 февр.–2 марта 1860 года»), и самого позднего, датированного 2003 годом («Музею-истории // г. курорта Сочи // с благодарностью и // уважением // вдова лётчика-космонавта СССР // Шонина Галина // Аркадьевна // 15.6.2003 г. // (личная подпись)»). Формулы этих инскриптов идентичны: $D1+D2+P1+Q$. Следовательно, можно говорить о стабильности выведенной нами формулы, не нарушаемой в течение длительного

времени ни историческими обстоятельствами, ни изменениями, связанными с развитием общества и культуры (движением от элитарного к массовому, от частного к официальному, от индивидуального к коллективному), и сохраняющей свою структуру при любом социальном статусе коммуникантов и их культурном уровне. Устойчивость этой структуры, наряду с другими признаками, которые определяются исследователями как характерные для речевых жанров, подтверждает существование такого речевого жанра, как дарственная надпись на обороте фотографии.

Список использованных источников

1. Авдоница, Л. П. Книжный инскрипт : речевой жанр или дискурс? / Л. П. Авдоница // Анализ проблем и поиск решений повышения результативности современных научных исследований : сборник статей Всерос. науч.-практ. конф., Казань, 29 апреля 2020 г. ; под. ред. А. А. Сукиасян. – Уфа : ОМЕГА САЙНС, 2020. – Ч. 2. – С. 5–11.
2. Ломан, А. П. Дарственные надписи С. А. Есенина (инскрипты) [Электронный ресурс] / А. П. Ломан, В. Ф. Земсков // Русская литература. – 1970. – №3. – С. 157–162. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/kle/KLE-abc/ke9/ke9-2602.htm>. – Дата доступа : 07.04.2023.
3. Государственный каталог Музейного фонда РФ // Виртуальный архив [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://goskatalog.ru/portal/#/> – Дата доступа : 14.11.2022.
4. История России в фотографиях // Виртуальный архив фотоснимков, созданных в Российской империи, СССР и России в период с 1840 по 1999 годы включительно [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://russiainphoto.ru>. – Дата доступа : 07.10.2022.
5. Личный архив летней фольклорной экспедиции СПбГУ 01.07–24.07.2022 г.

Abstract. The article presents the results of the study of five hundred inscriptions made on the back of photographs and dated from 1860 to 2003. In spite of changes connected with the sociocultural context, the structure of inscripts which can be presented as an invariant formula is persistent throughout the entire period. This makes it possible to consider inscriptions on the backside of photographs a speech genre.

Keywords: inscript, inscription, speech genre, photography.

УДК 811.161.1'271'371:398.91:611.98

Д. Н. Прокопчик
Научный руководитель – О. Н. Мельникова,
канд. филол. наук, доцент

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КЛАССИФИКАЦИИ РУССКИХ ПАРЕМИЙ С КОМПОНЕНТОМ *НОГА*

Аннотация. В статье предпринята попытка классификации паремий с компонентом-соматизмом *нога*. Группировка материала осуществляется на основе семантики рассматриваемых языковых единиц. В ходе исследования анализируются особенности функционирования паремий в текстах Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: поговорка, паремиология, группа паремий, компонент *нога*, соматизм, семантика.

Представления о строении и функционировании человеческого организма находят отражение в разных формах народной культуры. Соматизмы входят в ядро основного состава словарного фонда языка и характеризуются высокой частотностью употребления во фразеологических единицах. Данная статья посвящена исследованию русских паремий с компонентом-соматизмом *нога*.

Ноги служат человеку опорой, а также выполняют функцию движения, перемещения в пространстве. Поэтому представляется закономерным, что рассматриваемые паремии связа-

ны с отражением физической активности человека, старания, усердия в достижении цели: *Где голова, там и ноги будут. Сильные руки бедности не боятся, крепкие ноги дали не страшатся. Работать не станешь, ноги с голоду протянешь. Не брюхо кормит ноги, а ноги брюхо* [1]; *Волка ноги кормят* [2, с. 83]. О частотности употребления данных паремий свидетельствует материал Национального корпуса русского языка: *Пусть ходят сами по редакциям: волка ноги кормят*. Юрий Казаков. Для чего литература и для чего я сам?; – *Меня, Егор Иванович, трудно дома-то застать... Как говорится: волка ноги кормят... Я все в разъездах...* П. Н. Краснов. Ложь; – *Пошли, пошли. Волка ноги кормят! Стас застегнул куртку и поплелся за Гуровым*. Н. Леонов, А. Макеев. Эхо дефолта [3].

С другой стороны, выделяется ряд пословиц, описывающие невозможность достижения цели, препятствия на пути к ней, сравн.: *Горы крутые, а ноги худые. Высоки пороги на мои ноги. Двумя ногами в ботинке – никуда не уйти* [4].

Как свидетельствуют наблюдения над языковым материалом, ряд паремий с компонентом *нога* связан с отражением такого аспекта человеческой жизни, как несчастье, неудача: *Не с той ноги, кума, плясать пошла* (т.е. ничего не выйдет, не удастся; говорится тому (или о том), кто неумело взялся за дело и поэтому потерпит неудачу); *Дошло до рук, до ног, не надо замок* (всё пришло в запустение, в упадок); *Нашему Ванюшке всегда под ногами камушки* (о невезучем человеке) [1]. Отношение к неудаче отражается в паремиях, которые часто произносятся в оправдание чьей-либо ошибки, оплошности: *И плавный рысак ину пору с ноги сбивается. Конь о четырех ногах да и тот спотыкается* (т.е. каждый может ошибиться, оказаться в затруднительном положении) [1], сравн. контекст употребления: – *Говорят, что конь хоть и о четырех ногах, а спотыкается, – осторожно вставил Давыдов.. – Если хороший конь споткнется раз-другой, ему можно простить, но есть такие кони, которые спотыкаются на каждом шагу... Для чего же такого одра и на конюшне держать? Долой его! До того прозрачно было иносказание, что пояснений не требовалось*. Шорохов, Поднятая целина [3].

Рассмотренный нами языковой материал позволяет выделить паремии, характеризующие человеческие пороки. Лицемерие и двуличность находится в центре внимания следующих паремий: *В ноги кланяется, а за пяты хватает* [1]; *Сначала по голове палкой ударит, а потом в ноги кланяться начнет* [4].

Наглость, распушенность находят отражение в паремиях, характеризующихся частотностью употребления: *Посади дурака за стол, он и ноги за стол. Посади свинью за стол – она и ноги на стол* [1]; сравн. примеры употребления вариантов данной паремии в художественном тексте: *Тот француз со всеми нами необыкновенно высокомерный и небрежный. Тут именно по пословице: посади за стол, и ноги на стол. Он даже с Полиной небрежен до грубости*. Ф. М. Достоевский, Игрок; *Развратная женщина – та же свинья, – сказал мне доктор Павел Иванович. – Когда ее сажают за стол, она и ноги на стол*. А. П. Чехов, Драма на охоте; *Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за стол, она и ноги свои...* Н. В. Гоголь, Ревизор [3].

Отмечаются также пословицы о лживости: *У лжи ноги коротки. Ко лжи трудно ноги приставить. Ложь на тараканьих ножках, того гляди подломится* [4]; о лени: *Раздави нога ногу, я работать не хочу* [1]; о пьянстве: *Хлеб на ноги ставит, а вино валит. Высока у хмеля голова, да ноги жиденьки. Нам, татарам, все равно: что самогон, что пулемет, лишь бы с ног валило* [1].

Выделяются паремии на тему противопоставления богатства и бедности, сравн: *Богатство с рогами, бедность с ногами. Соболье одеяльце в ногах, да подушка в слезах* [4].

Паремии с рассматриваемым компонентом-соматизмом также способны выразить различные эмоциональные состояния человека, такие как влюблённость, страх, печаль: *Где ночью было сердце, туда с утра спешат ноги. Под страхом ноги хрупки. Беды да печали с ног скачали* [1].

Рассмотренный нами языковой материал позволяет выделить группу паремий, связанных с отражением интеллектуальной деятельности человека. Данные паремии содержат в

своём составе соматическую пару *голова – ноги*: *Без ума голова – ногам пагуба. За глупую голову и ногам плохо. Дурная голова ногам покою не дает. Нога споткнется, а голове достается* [4]. Данные пословицы часто используются для характеристики человека, который не продумывает свои будущие действия и в процессе выполнения тратит больше моральных и физических сил, чем мог бы потратить, обдумав все и приняв все нужные детали во внимание.

За каждой из пословиц стоит авторитет поколений, их создавших. Поэтому пословицы не спорят, не доказывают – они просто утверждают или отрицают что-либо в уверенности, что все ими сказанное – твердая истина. В ряде случаев обращает на себя внимание категоричность рекомендаций или характеристик, содержащихся в рассматриваемых паремиях: *Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле! Гляди в ноги: ничего не найдёшь, так хоть нос не расшибёшь* [4].

Таким образом, рассмотренные нами паремии с компонентом-соматизмом *нога* способны выражать самые различные аспекты человеческой жизнедеятельности. Наиболее многочисленную группу составляют пословицы, отражающие человеческие пороки. Многие пословицы способны характеризовать как эмоциональную, так и интеллектуальную деятельность человека. Достаточно многочисленную группу закономерно составляют пословицы, характеризующие физическую активность человека, старание и усердие в достижении цели.

Список использованных источников

1. Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. Большой словарь русских поговорок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/33050/Нога>. – Дата доступа: 03.09.2023.
2. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М., «Сов. Энциклопедия», 1966. – 535 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://processing.ruscorpora.ru/> – Дата доступа: 04.10.2023.
4. Даль, В. И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dahl_proverbs/?f=ItCT0L7RgQ==&t=0JHQtC00LA=&nt=428 – Дата доступа: 03.10.23.

Abstract. The article attempts to classify paremias with a component-somatism *leg*. The grouping of the material is carried out on the basis of the semantics of the considered language units. The research analyzes the features of the functioning of the paroemias in the texts of the National Corpus of the Russian language.

Keywords: proverb, paremiology, group of proverbs, leg component, somatism, semantics.

УДК 811.111

К. В. Репетева
Научный руководитель **Е. Е. Иванов**,
д-р филол. наук, профессор

АФОРИЗМЫ ДЕФИНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются устойчивые фразы-афоризмы (из числа крылатых выражений и пословиц) с дефинитивной семантической структурой, которые широко употребляются в современном английском языке. Обращается внимание на лингвоаксиологический и лингвокультурный аспекты содержания устойчивых фраз-афоризмов дефинитивной семантики. Приводятся материалы к учебному словарю дефинитивных устойчивых фраз-афоризмов в современном английском языке (для изучающих его как основной иностранный на продвинутом уровне).

Ключевые слова: английский язык, афоризм, крылатые слова, пословицы, дефинитивная семантика, учебный словарь

В современном английском языке употребляется много устойчивых фраз (из числа крылатых выражений и пословиц), которые по своей семантике являются дефинитивными афоризмами [1; 2; 3]. Устойчивые афоризмы такого рода имеют стилистические, структурные, функциональные особенности и выделяются в отдельную категорию единиц при изучении как лексико-фразеологических, так и грамматических особенностей английского языка как иностранного [4; 5; 6; 7]. Важно обращать внимание на дефинитивные афоризмы и при сопоставлении английского и родного языка [8; 9], в частности белорусского, поскольку и в том, и в другом языке достаточно часто встречаются устойчивые единицы такого рода [10; 11; 12], что отражено в словарях крылатых афоризмов и пословиц [13; 14; 15; 16].

Устойчивые фразы-афоризмы дефинитивной семантики в современном английском языке представляют собой класс устойчивых единиц, которые выражают всеобщие истины и общепринятые факты в форме определений, включающих базовые представления о человеке, обществе и окружающем мире. Такие устойчивые афоризмы имеют ярко выраженный лингвоаксиологический аспект, отражают не только объективные факты, но и различные моральные, этические, культурные, социальные, духовные ценности. Также дефинитивные устойчивые афоризмы являются одним из наиболее этнокультурно насыщенных пластов английской фразеологии, поскольку содержат много лингвокультурно маркированных элементов.

Так, в устойчивом дефинитивном афоризме *Life is not a bed of roses* (Жизнь – это не ложе из роз) отражена и аксиологическая, и культурная семантика. Ценностный компонент плана содержания этой пословицы заключается в утверждении, что жизнь не всегда сладкая и простая, а полна трудностей, которые необходимо стойко преодолевать (здесь выражается традиционное качество английского национального характера – всегда добиваться своего, не обращая внимания на препятствия). Культурный компонент этой пословицы состоит в том, что в ней упоминается роза, которая издавна является символом Англии. Этот благородный цветок (rose) стал ассоциироваться с Англией еще в эпоху Тюдоров. В тот период королевская династия использовала розу как символ своей власти. Роза была часто изображена на гербах и флагах. Еще в средние века две враждующие династии аристократов (Йорки и Ланкастеры) заключили после долгой и изнурительной войны мирный договор, который был озаглавлен изображением белой розы (символ Йорков) и красной розы (символ Ланкастеров). В результате династический конфликт получил широкую известность как «Война алой и белой роз». Роза отражена и в других известных английских пословицах, например, *No rose without a thorn* (Не бывает розы без шипов) и др.

Многие дефинитивные устойчивые фразы-афоризмы восходят к названиям литературных и публицистических произведений английских и американских авторов, а также иностранных писателей, публицистов, государственных и культурных деятелей.

Лингвоаксиологическая и лингвокультурная семантика дефинитивных устойчивых фраз-афоризмов английского языка заслуживает своего отдельного лексикографического описания в специальном учебном словаре для иноязычных пользователей, в котором должен быть представлен лингвокультурологический комментарий, как это делается в современной полилингвальной паремиографии [17]. Словарная статья в таком учебном словаре имеет следующий вид.

A house is not a home. Title of book (1954) of Polly Adler (1900–1962). «A House Is Not a Home» is a 1964 ballad written by the team of Burt Bacharach and Hal David for the 1964 film of the same name, starring Shelley Winters and Robert Taylor. «A House Is Not a Home» is a 1981 popular song by Luther Vandross (1951–2005). *Money can buy a house, but not a home; a bed, but not rest; food, but not an appetite; medicine, but not health; information, but not wisdom; thrills, but not joy; associates, but not friends; servants, but not loyalty; flattery, but not respect.* («What Are You Living For?» by Pat Williams).

Fate is not an eagle, it creeps like a rat. House in Paris (1935) of Elizabeth Bowen (1899–1973). «Fate is not an eagle, it creeps like a rat is fifth novel» was published in 1935 by London-based Victor Gollancz for English audiences. *There is no armour against fate. Fate always*

tests those whom she would exalt; she tries them in the wilderness. The years of exile will flit by and you will come home in glory.

My mind is not a bed to be made and re-made. Ego 6 (1944) 9 June 1943. James Agate (1877–1947). My mind is not a bed to be made and re-made another autobiography by James Agate. He was an English diarist and theatre critic between the two world wars. *My mind has not even thought about anything else beyond making the bed.*

The artist is not a special kind of man, but every man is a special kind of artist. Transformation of Nature in Art (1934). Ananda Coomaraswamy (1877–1947). The artist is not a special kind of man, but every man is a special kind of artist is quote from Ananda Coomaraswamy. She was a Ceylonese metaphysician, historian and a philosopher of Indian art who was an early interpreter of Indian culture to the West. *A child is not a special kind of animal different from Man. You always knew my son to be a special kind of man.*

The best defence against the atom bomb is not to be there when it goes off. Contributor to British Army Journal, in Observer 20 Feb. 1949. Anonymous. *The starting line of the New York Marathon is kind of like a giant time bomb behind you about to go off. It is the most spectacular start in sport (Bill Rodgers).*

The Socratic manner is not a game at which two can play. Zuleika Dobson (1911) of Sir Max Beerbohm. «The Socratic manner is not a game at which two can play» is the only novel by English essayist Max Beerbohm, a satire of undergraduate life at Oxford published in 1911. It includes the famous line «Death cancels all engagements» and presents a corrosive view of Edwardian Oxford. *I told her that two can play that game, but actually I am not going to do the same to her. But two can play that game: China can take similar actions, though its response is likely to be more subtle.*

When a dog bites a man, that is not news, because it happens so often. In F. M. O'Brien Story of the Sun (1918) of John B. Bogart (1848–1921). When a dog bites a man, that is not news, because it happens so often is phrase was coined by Alfred Harmsworth, 1st Viscount Northcliffe (1865–1922), a British newspaper magnate, but is also attributed to New York Sun editor John B. Bogart. The quote is also attributed to Charles Anderson Dana. *If you see a dog biting a man don't write it up. But if you see a man biting a dog spare no pains or money to get the details to the "Sun" office. This is a poor paraphrase of a good story.*

Большинство из описанных в словаре 200 дефинитивных крылатых фраз-афоризмов имеют собственно англоязычное происхождение (из текстов английских и американских авторов), остальные единицы восходят к различным текстovým источникам (немецким, французским и др.), однако весьма широко распространены в современном английском языке.

Список использованных источников

1. The Oxford Dictionary of Quotations / Ed. by E. Knowles. – 2th ed. – New York : Oxford University Press, 2014. – 1768 p.
2. The Oxford Dictionary of Proverbs / Ed. by Je. Speake. – New York : Oxford University Press, 2008. – 625 p.
3. Иванов, Е. Е. English Proverbs : from Literary Texts, in Literary Texts : Etymology, Usage, Variability / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2016. – 76 с.
4. Василенко, Е. Н. English. Developing Speaking and Writing Skills : учеб. пособие : в 2 ч. / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернева. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – Ч. 1. – 348 с. ; Ч. 2. – 232 с.
5. Василенко, Е. Н. English. Developing Speaking and Writing Skills : учеб. пособие / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернёва. – Минск : РИВШ, 2023. – Ч. 1. – 292 с.
6. Глуханько, Л. В. Practical English Grammar: Verbals : учеб.-метод. пособие / Л. В. Глуханько, Н. Д. Голякевич, С. П. Зубрий, Е. Е. Иванов. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2017. – 168 с.
7. Голякевич, Н. Д. Practical English Grammar: Morphology : учеб. пособие / Н. Д. Голякевич, С. П. Зубрий, Е. Е. Иванов. – Минск : РИВШ, 2019. – 268 с.
8. Ivanov, E. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology / E. Ivanov, V. Feldman // Acta Germano-Slavica. – 2007. – Vol. 1. – Pp. 85–97.

9. Романова, Н. К. Типы межъязыковых сходств и различий паремиологических единиц / Н. К. Романова, Е. Е. Иванов // *Acta albaruthenica, rossica, polonica* – VII / под ред. А. М. Мезенко. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2006. – С. 161–164.
10. Иваноў, Я. Я. Англійскія эквіваленты беларускіх прыказак (лексікаграфічны аспект) / Я. Я. Иваноў, В. А. Максімава // *Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте* – 2015 : сб. науч. ст. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2016. – С. 191–196.
11. Иванов, Е. Е. Различия в семантике и структуре белорусских и английских пословиц / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская // *Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь* : сб. науч. ст. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2011. – С. 213–215.
12. Иванов, Е. Е. *The Etymology and History of English Proverbs* : учеб. пособие / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 80 с.
13. Крылатыя выразы ў беларускай мове: з іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст. : тлумачальны слоўнік. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2004. – 136 с.
14. Иваноў, Я. Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э.–XX ст. : тлумачальны слоўнік / Я. Я. Иваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2011. – 164 с.
15. Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / пад рэд. Я. Я. Иванова. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2009. – 240 с.
16. Петрушэўская, Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы : беларуска-іншамоўны слоўнік / Ю. А. Петрушэўская. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2020. – 316 с.
17. Бредис, М. А. Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов // *Вопросы лексикографии*. – 2022. – №26. – С. 5–29.

Abstract. The article examines set phrases-aphorisms (from among catchwords and proverbs) with a definitive semantic structure, which are widely used in modern English. Attention is drawn to the linguoaxiological and linguocultural aspects of the content of stable phrase-aphorisms of definitive semantics. Materials are provided for the educational dictionary of definitive set phrases and aphorisms in modern English (for those studying it as a primary foreign language at an advanced level).

Keywords: English, aphorism, catchwords, proverbs, definitive semantics, educational dictionary

УДК 374

Д. Г. Рыбаков, М. Ш. Исроилова
Научный руководитель – Е. В. Рыбакова

ЯЗЫКОВОЙ ВЫБОР ИНДИВИДА КАК ФАКТОР, ПОКАЗАТЕЛЬ И УСЛОВИЕ САМОРАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Современное содержание адресного сопровождения языкового статуса обучающихся определяет необходимость более индивидуализированного подхода и актуализации внутренних ресурсов личности, образовательных возможностей, средового окружения, в том числе – избирательной активности обучающегося.

Ключевые слова: язык, выбор, иноязычный, саморазвитие, проектная актуализация, образование.

Динамично, на всех уровнях, преобразующееся социально-образовательное пространство запрашивает от субъектов сопровождения и управления, научных и общественных систем готовности адресно совершенствоваться адекватно текущим и перспективным задачам, рискам, корпоративным и средовым спецификациям [1; 2].

В данном контексте такие факторы, как языковая открытость и подвижность, интегративная зрелость для субъекта и группы общения, обучения, сотрудничества обеспечивают обогащение языкового и речевого пространства, инструментария межличностной, профессиональной, научной, дидактической коммуникации, формирование готовности к созидатель-

ному сотрудничеству, предупреждение ксенофобии, а также проектно-креативную самоактуализацию языкового статуса личности и группы в формате внутреннего и внешнего развития.

Существенно, что полнота самоактуализации в данном поле жизнедеятельности способствует длительной самоорганизующейся эффективности человека в научных, профессиональных, иных областях дальнейшего существования. Мы говорим родителям обучающихся: если своевременно дать ход саморазвитию лингвистического статуса ребёнка – в дальнейшем вы не только сэкономите на репетиторах и по языковым предметам, и по иным дисциплинарным областям, но и поспособствуете успешности вхождения в новую среду, повысите результативность занятости во взрослом возрасте, сформируете личность, обладающую языковым интеллектом, благоприятным психоэмоциональным состоянием и информационным иммунитетом; такой человек будет обладать высокой конкурентоспособностью, социальной привлекательностью, уверенностью в своих возможностях.

Сообразно задачам гуманизации образования и современной парадигме студентоцентричности недостаточно было бы просто вооружить обучающегося программным контентом и набором целевых навыков. Да и классическая дидактика содержит немало аспектов актуальной на сегодня проблематики и аксиологии.

Соответственно, лингвистический субъект как целевой результат социально-образовательного сопровождения включает и формирование интересубъектных компонентов саморазвития, и необходимость в методическом обеспечении избирательного самопроектирования, как и в любом деятельностном, синергирующем процессе [3; 4].

Осуществление активности только под давлением необходимости, программных требований, рекомендаций педагога нарушает личностно-деятельностное благополучие индивида и сбалансированность, эффективность занятости, а также интегративную ресурсность личности и группы.

Подобно тому как подавление непрограммируемой резонансности обучающихся нарушает субъектность и продуктивность обучения, так и лингвистический статус личности нарушается, обесценивается, минимизируются механизмы и достижения экстерииоризации подсознательного саморазвития, языкового вкуса и интуиции, речевого стиля и самопроектирования.

Переход от интраязыковой (в границах компетентностной области) личности к интерязыковой (открытой и активной вне привычных лингвистических ресурсов) было бы психолингвистически несообразно моделировать только в осознаваемых границах деятельности. Так, многие развивающие методики рекомендуют включать в речевой обиход детей незнакомые и недостаточно знакомые лексемы – проведённые нами исследования также показывают, что такой приём не только повышает интерес обучающихся к объекту вербализации и коммуницированию (от 25% до 40% в разных целевых группах), но и улучшает продуктивность освоения лексем и лексических конструкций (соответственно, 30–55%), образовательной занятости в целом (25–40%), а также психоэмоциональное самочувствие всех участников образовательного сотрудничества (15–35%) [5].

Разработанный на кафедре педагогики факультета психологии ФГБОУ ВО УУНиТ игровой приём для активизации речевого внимания «Вавилонские дни» [6] также показывает готовность обучающихся самых разных категорий уловить своеобразие коммуникативного статуса семьи, группы при оговорённой замене слов родного, привычного языка на иноязычные лексемы – и заинтересоваться, включиться в необычный праксис в меру возможностей, а впоследствии – и, осознанно либо неосознаваемо, применить полученный опыт в культурологическом, лингвистическом поле осмысления.

Поэтому индивидуализация сопровождения и субъективация обучающегося при соблюдении принципа примата активности и инициативы, опыта и преферентности субъекта, получающего образование, обеспечивает достижение им не только прогнозируемых компетенций и достижений, но и внутренних ресурсов весьма вариативного саморазвития.

В настоящее время нередко возникает ситуация, которая практиками именуется «новый Вавилон», – то есть дети различных возрастных и нозологических групп обнаруживают ту

или иную степень распознавания и осмысления слов, которые как будто не встречались и не могли встретиться им в социально-образовательной среде – ни по изучаемой программе, ни сообразно микросоциальной среде [7].

Дети с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) различной этиологии, несмотря на кажущуюся потребность в уменьшении нагрузки и уровня сложности образовательного контента, ныне довольно широко и разнообразно проявляют такую специфику развития и поведения, как иноязычная готовность, в некоторых случаях демонстрируется отказ от применения родного языка, что, с одной стороны, может стать причиной межличностной конфликтности и дидактического негативизма, с другой – предполагает выработку социальной и педагогической языковой толерантности, к чему в целом наша общественность мало подготовлена. Вместе с тем, как очень часто в настоящее время бывает, лингвистическая и иная толерантность окружения к преферентному (избирательному) статусу обучающихся с ОВЗ эффективно трансполируется (системно переносится) на соответствующие области сопровождения одарённых и так называемых нейротипичных субъектов получения образования. В формате инклюзивного обучения это очень действенный ресурс [8; 9] – как для индивида, образовательной системы, так и для социума в целом.

Языковой преферентный (предпочтительный) статус личности становится базисом для осуществления уникальности образовательного маршрута обучающегося, и, как установлено участниками наших научно-волонтёрских групп, КПД (коэффициент полезного действия) обучения и безопасность дидактического пространства возрастают при этом весьма интенсивно, а в случаях дидактического негативизма и иных своеобразных состояниях (в том числе – пока редко диагностируемых в настоящее время случаях патологического избегания прямой инструкции) – разнесённость показателей может быть от параметров, близких к нулевой внятной активности, до устойчивой занятости и готовности к коммуникации.

Формирующаяся и растущая при органичном сочетании привычного, изучаемого и избирательного языкового пространства – языковая резонансность к окружению и глобальному информационно-лингвистическому контексту позволяет обучающимся войти в ситуацию открытой коммуникативной и образовательной занятости, быть готовыми к усложнению учебного и иного материала, саморазвитию скрытых возможностей и интересов, определению уникального вербального и интерязыкового стиля.

Рост культурно-языкового разнообразия в социально-образовательном пространстве с одновременной диджитализацией среды и занятости обучающихся усиливает социальный запрос и повышает ценность не только в компетентностном плане успешности индивида, но и применительно к самобытности его интерлингвистического статуса.

Список использованных источников

1. Сманцер, А. П. Гуманизация педагогического процесса в современной средней школе : учеб. пособие / А. П. Сманцер. – Минск : БГУ, 2010. – 335 с.
2. Орлова, А. П. Глобальные тенденции в реформировании образования в современном мире / А. П. Орлова, В. В. Тетерина // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава. – 2015. – № 5. – С. 94–100.
3. Рыбаков, Д. Г. Неотолерантность как новая реальность общественной жизни и антикризисный ресурс [Электронный ресурс] / Д. Г. Рыбаков, Е. В. Рыбакова // Стратегическое антикризисное управление : глобальные вызовы и роль государства : VI Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 7 декабря 2016 г. : сб. науч. статей / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – Москва : Перо, 2016. – С. 363–376. – Режим доступа : https://docviewer.yandex.by/view/0/?page=1&*=hgnpеFsh%2ВсJvcLjBSR1Vh3b6djJ7InVyбC16Imh0dHBzOi8vbG9tb25vc292L. – Дата доступа : 23.09.2023.
4. Рыбакова, Е. В. Изучение и поддержка готовности обучающихся к проектным, креативным, индивидуально приоритетным формам сотрудничества с преподавателями с применением разработанных Л. С. Выготским принципов и подходов / Е. В. Рыбакова // Актуальные проблемы культурно-исторической психологии : материалы Первого междунар. симпозиума по культурно-исторической

психологии, Новосибирск, 17–19 ноября 2020 г. / сост. Т. Э. Сизикова, Н. Н. Попова, О. А. Дураченко. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2020. – С. 342–328.

5. Рыбаков, Д. Г. Школьная логистика как развивающий ресурс личности в процессе формирования социального капитала / Д. Г. Рыбаков // Социальный капитал современного общества : материалы Всероссийской науч. конф., Санкт-Петербург, 25–26 октября 2012 г. – СПб. : Скифия-Принт, 2012. – С. 332–339.

6. Рыбакова, Е. В. Вавилонские дни. Средовый компонент активизации речевой деятельности ребёнка [Электронный ресурс] / Е. В. Рыбакова // Начальная школа : www.1-4.by. – Режим доступа : <https://1-4.by/2017/6076>. – Дата доступа : 23.09.2023.

7. Рыбаков, Д. Г. Культурологические синергии в медиаэтнической образовательной интеграции – сущностный компонент развития российского общества / Д. Г. Рыбаков // Особенности философского мировоззрения : сб. статей Всероссийской студенческой науч.-теорет. конф., Магнитогорск, 2012 г. / М-во образования и науки Российской Федерации, Магнитогорский гос. технический ун-т им. Г. И. Носова ; под ред. В. А. Жилиной. – Магнитогорск : Изд. центр МГТУ, 2013. – С. 164–166.

8. Рыбакова, Е. В. Системное благоприятствование развитию общества организации адресного сопровождения людей с ограниченными возможностями здоровья / Е. В. Рыбакова // Социальный капитал современного общества : материалы работы II Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 6 октября 2017 г. – СПб. : Скифия-Принт, 2018. – С. 317–323.

9. Рыбакова, Е. В. Метод трансполяции [Электронный ресурс] / Е. В. Рыбакова, Д. Г. Рыбаков. // Ridero.ru, 2023. – 284 с. – Режим доступа : https://ridero.ru/books/metod_transpolyacii/freeText/#freeTextContainer. – Дата доступа : 23.09.2023.

Abstract. The modern content of targeted support of the language status of students determines the need for a more individualized approach and actualization of the internal resources of the individual, educational opportunities, and the environment. Including - the selective activity of the student.

Keywords: language, choice, foreign language, self-development, project actualization, education.

УДК 378

С. Ш. Сабирова

Научный руководитель – **Е. В. Рыбакова**

ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ

Аннотация. Автор статьи исследует проблематику межнациональной коммуникации и культурно-лингвистической адаптации иностранных обучающихся, особенно актуальную для будущих педагогов. В данной работе отражена картина запросов, успешности, эмоционального благополучия семей мигрантов.

Ключевые слова: иноязычные обучающиеся, культурно-языковая адаптация, диаспора, российское образование, семейное окружение.

Демографическая мобильность граждан, семей, сообществ имеет в современной социальной картине как субъектно ориентированную, так и вынужденную направленность.

Экономические проблемы, профессиональная дезадаптация, социально-бытовая неустроенность, психоэмоциональное беспокойство, неуверенность в будущем в той или иной степени отягощают не только семьи вынужденных переселенцев (для этой группы показатели от 80 до 95 процентов по разным позициям проведённого нами на базе кафедры педагогики ФГБОУ ВО УУНиТ исследования), но и для планомерно переезжающих мигрантов (в целом свыше половины семей отмечают отдельные проблемы или комплекс беспокоящих факторов).

В некоторых диаспорах складывается относительно благоприятная для неомигрантов ситуация, но необходимость системного подхода в комплексе обеспечительных мер адресной поддержки социальных групп и сообществ несомненна. Получение детьми российского образования

является значимым ориентиром мигрирующих семей (70–80% по различным группам), однако вследствие объективных трудностей и частных проблем по этому направлению мотив получения собственно российского образования уступает стремлению получить главным образом документ об образовании (около половины респондентов признают такую тенденцию).

Детям в такой ситуации, с одной стороны, бывает труднее вследствие неполноты информации и объективации, с другой – свойственная их возрасту пластичность нервной системы, адаптивность когнитивной и коммуникативной сферы способствуют не только темпоральной (временной) эффективности, но и продуктивным достижениям в обучении, социализации, межличностной коммуникации.

Возрастают трудности адаптации и интеграции в отношении обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, их потребности не всегда распознаются окружающими и не всегда объективно могут быть осуществлены.

В родном доме, дворе, городе проложены привычные удобные маршруты, известны безопасные, целевые, эффективные, избирательные реалии, освоены объекты инфраструктуры, ресурсы поддержания спокойствия и продуктивной занятости актуализированы и согласованы. Эти ресурсы рационально оцениваются, как правило, не в полном объёме. Так, одна мама в беседе отметила: даже в самом благоустроенном новом жилище не сразу выявляются более прохладные комнаты, стены, углы, опасные ступеньки, на новом месте жительства отмечается непривычная работа лифта, организация обслуживания вызывают дополнительные затруднения и затраты времени. Увеличивается травмоопасность детей и даже взрослых (35 и 20%), оказание помощи также осложняется непривычным окружением, непригодностью некоторых установок и сноровки. При опросах отмечают, что для семей, воспитывающих детей с особыми образовательными потребностями (ОВЗ), особенно затруднительно сказывается перемена воды, продуктов, языковые барьеры, и эта зависимость усиливается для переселенцев, сменивших сельскую местность на родине на городской образ жизни.

При переезде испытываемые взрослыми переживания отражаются даже нейроболагодными обучающимися достаточно ощутимо, а детьми с ОВЗ еще в большей степени, поскольку усугубляются собственными и вторичными страхами, беспокойством, рассогласованностью намерений, действий, трудностями адаптации и установления сотрудничества.

В результате многие школьники не осваивают программу обучения и либо остаются на повторное прохождение класса, либо формально переводятся в следующий класс, нередко оба варианта не решают проблему, формируется поверхностный статус учеников, и даже в отношении более успешных обучающихся учителя не ожидают эффективного обучения, что приводит к рассогласованию образовательной ситуации. В случаях, когда дети семей мигрантов не посещают дошкольные образовательные организации на новом месте жительства, такая картина наблюдается в 60–65% случаев.

Страдают интересы детей и взрослых, мигранты находятся в ситуации неполной социальной интеграции, общество структурно и продуктивно испытывает последствия этого неблагополучия.

Русский язык представляет известные трудности для освоения детьми и взрослыми [1], да и самим студентам-иностранцам приходится прилагать усилия для культурно-языковой интеграции, предполагающие поиск эффективных средств и подходов [2; 3; 4].

Таким образом, в отношении целенаправленной поддержки взрослого семейного окружения необходим адресный комплекс мер [5].

В ходе общения с другими семьями, прохождения педагогической практики, опросов земляков, оказания консультативной и коррекционной поддержки семьям обучающихся с ОВЗ нами разработаны психолого-педагогические условия, необходимые для психоэмоционального благополучия, успешной адаптации детей, эффективного обучения и средовой интеграции обучающихся на каждом этапе развития:

– системного изучения проблематики в данном пространстве сотрудничества в семейном, корпоративном формате, на уровне диаспор и международных сообществ, в динамике и

перспективном моделировании адекватно текущим и прогнозируемым социально-образовательным реалиям и запросам социума;

– индивидуализированной маршрутизации социально-образовательной занятости обучающихся;

– формирования центра адаптации с привлечением образовательных организаций и представителей диаспор для целенаправленной поддержки обучающихся, особенно на начальных этапах обучения;

– проведения совместных мероприятий досугово-культурной поддержки, привлекательных для местных жителей и имеющих высокий резонансный потенциал;

– разработки соответствующих организационно-методических средств, обобщения опыта, освещения в научной педагогическом сообществе и широких социальных кругах;

– разработки и осуществления комплекса подготовительных мероприятий до переезда, информационного модуля в помощь желающим переехать;

– разработки цифровых средств сопровождения обучающихся-билингвов и немигрантов в новой культурно-языковой среде.

Оставить без системной поддержки семьи в такой сложной ситуации и растущих проблемных обстоятельствах представляется неправомерным.

Список использованных источников

1. Загиров, В. М. Русский язык : Лексикология, Фразеология / В. М. Загиров, С. С. Кислицкая. – Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 2018. – 110 с.

2. Рамазанова, Э. А. Функциональные особенности кейс-метода в сегменте гуманитарного профиля и реализация образовательного процесса / Э. А. Рамазанова, С. Х. Гасанова, Э. З. Сантуева, А. С. Исаева, Э. М. Алиева. // Мир науки, культуры, образования. – Москва, 2021. – № 5 (90). – С. 45–49.

3. Рыбакова, Е. В. Современные условия развития профессиональных компетенций будущих специалистов [Электронный ресурс] / Е. В. Рыбакова, Р. М. Султанова, Г. А. Гаязова // Актуальные проблемы психолого-педагогического и медико-социального сопровождения высшего образования: интеграция науки и практики : материалы четвертой межрегиональной науч.-практ. конф. с междунар. участием, Хабаровск, 23 ноября 2017 г. / сост. О. В. Сысоева. – Хабаровск : Изд-во ДВГМУ, 2018. – С. 55–66. – Режим доступа : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36840146_71746957.pdf. – Дата доступа : 25.09.2023.

4. Султанова, Р. М. Организация философско-филологического компонента в образовании как условие формирования профессиональных компетенций педагога / Р. М. Султанова, Г. А. Гаязова, Е. В. Рыбакова // Педагогическая наука и педагогическое образование в классическом вузе : материалы ежегодной междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 26 мая 2017 г. / Отв. редактор А. С. Гаязов. – Уфа : Башкирский гос. ун-т, 2017. – С. 119–123.

5. Султанова, Р. М. Изучение и развитие ресурсов сотрудничества взрослых, сопровождающих ребёнка с РАС / Р. М. Султанова, Г. А. Гаязова, Е. В. Рыбакова // Развитие Российской дефектологической науки и практики в современном образовательном пространстве : новый взгляд : итоговый сборник материалов II Всероссийского съезда дефектологов, Москва, 2–3 ноября, 2017 г. – Москва : Издат. дом «МИРАКЛЬ», 2018. – С. 283–285.

Abstract. The author of the article explores the problems of interethnic communication and cultural and linguistic adaptation of foreign students, which is especially relevant for future teachers. This project reflects the picture of requests, success, emotional well-being of migrant families.

Keywords: foreign language students, cultural and linguistic adaptation, diaspora, Russian education, family environment.

С. Солдунов
 Научный руководитель – Е. Е. Иванов,
 д-р филол. наук, профессор

БИБЛЕЙСКАЯ АФОРИСТИКА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (МАТЕРИАЛЫ К УЧЕБНОМУ СЛОВАРИЮ)

Аннотация. В статье рассматриваются устойчивые фразы-афоризмы, которые в современном английском языке восходят к текстам Священного Писания. Определяются особенности таких устойчивых афористических фраз по их семантике в контексте современного употребления в дискурсах различных видов, а также по функциям в тексте. Приводятся материалы к учебному словарю устойчивых фраз-афоризмов библейского происхождения, которые широко употребляются в современном английском языке (для изучающих английский язык как иностранный).

Ключевые слова: английский язык, устойчивая фраза, афоризм, Библия, словарь, преподавание языка как иностранного

В английском языке издавна функционирует довольно большое количество устойчивых фраз-афоризмов (крылатых цитат, пословиц), которые восходят по своему происхождению к различным текстам Ветхого Завета и Нового Завета [1; 2; 3; 4]. Устойчивые афористические фразы библейского происхождения имеют семантические, структурные, функциональные особенности и рассматриваются в качестве отдельной категории фразеологических и паремиологических единиц, а также популярных цитат при изучении практики устной и письменной речи, практической грамматики английского языка как иностранного [5; 6; 7; 8]. Не менее важно и включение библейской афористики в сравнительную типологию фразеологии и паремиологии родного и иностранного языков [9; 10], в том числе английских и белорусских крылатых слов [11; 12] и пословиц [13; 14; 15; 16].

В этой связи актуальным видится исследование лингводидактического потенциала библейской афористики английского языка и ее лексикографическое описание в специальном учебном словаре для изучающих английский язык как основной иностранный на лингвистических факультетах университетов.

Семантический анализ показал, что в современном английском языке большинство из устойчивых единиц библейского происхождения являются образными. Образность библейских устойчивых единиц в английском языке основывается на самых разнообразных семантико-стилистических средствах языка (метафоры, сравнения, гиперболы, олицетворения, эвфемизма и др.). Так, частотны в английском языке библейские устойчивые фразы с образной основой олицетворения неодушевленных предметов или явлений, например: *one's guiding star* 'путеводная звезда': *Duchesse: «He said I was his guiding star and his guardian angel – oh, I don't know what!» (W.S. Maugham, «Our Betters»)*. Не менее частотны библейские фразы с образной основой гиперболы, например: *a cloud of witnesses* 'множество свидетелей': *A cloud of witnesses testified to the flagrant conduct of the Americans in trading with the enemy during the Seven Years War... (Ch. Beard and M. Beard «The Rise of American Civilization»)*. Библейские фразы-эвфемизмы представляют собой иносказание с целью умолчания каких-то неприятных слов, фактов (часто понятия, связанные со смертью), например: *the valley of the shadow* 'долина смертной тени, гибель, смерть; грань между жизнью и смертью': *...disasters came thick on me: I was forced to pass through the valley of the shadow of death*. К эвфемизмам относятся также библейские обороты *beyond the veil* 'на том свете', *the last enemy, the king of terrors* 'смерть', а также единицы, обозначающие дьявола, сатану, например: *The Father of lies* 'отец лжи (Сатана)', *the Old Serpent* 'змея-искуситель (сатана)': *The mystic may be right or he may be wrong in believing that he has a glimpse of the world beyond the veil; my point is that the*

psychologist's almost bound to assume that he is wrong. При этом нужно отметить, что ряд библейских устойчивых единиц (например, *create smb. in one's own image* 'создавать кого-либо по своему образу и подобию', *every creature of God* 'всякое творение Божие', *dust and ashes* – 'прах и пепел'), несмотря на переосмысление своих компонентов, все же лишены образности.

Одним из оснований отбора единиц в учебный словарь библейских фраз может служить их фиксация в полилингвальной фразеогрфии библеизмов, где описываются наиболее известные выражения и афоризмы из Библии [17; 18]. Репрезентация библеизмов в словаре должна быть минимально ограничена и включать их форму (с учетом возможных вариантов), отсылку к библейскому первоисточнику, пример употребления в письменном тексте. Таким образом, словарное описание устойчивых фраз-афоризмов библейского происхождения в современном английском языке может иметь следующий вид.

Be fruitful, and multiply, and replenish the earth, and subdue it. Genesis ch. 1, v. 28. *This «dominion mandate», as it has been called, was the very first command of God to the first man and woman. It applies to the whole earth; all its processes, and all its creatures. To subdue the earth and control it implies the development of science and technology, commerce and education – indeed every honorable human vocation. As God's first «great commission», it applies to all people and has never been withdrawn. God even expanded it to Noah after the Flood, twice repeating the command to «be fruitful, and multiply». («Days of Praise»).*

It is not good that the man should be alone; I will make him an help meet for him. Genesis ch. 2, v. 18. *How did something he said was «very good» suddenly become «not good?» Did God suddenly realise as an afterthought that it is not good for man to be alone? If it is not good for man to be alone, why did God create man alone? Why was Eve not created from the beginning? Did God make a mistake? («Vanguard»).*

Male and female created he them. Genesis ch. 1, v. 27. *Then God said, «Let us make man in our image, after our likeness. And let them have dominion over the fish of the sea and over the birds of the heavens and over the livestock and over all the earth and over every creeping thing that creeps on the earth». So, God created man in his own image, in the image of God he created him; male and female he created them. («Crossway»).*

Surely the Lord is in this place; and I knew it not. Genesis ch. 28, v. 16. *«Surely the Lord is in this place; and I knew it not.» God is in every place – even smoky bars and impudent granddaughters. The earth is the Lord's and everything in it. We are invited to see that the world is chock full of God – God encountered in unlikely places among unlikely people, in our heights and in our depths – even under rocks. («Grace Berkshires»).*

This is now bone of my bones, and flesh of my flesh: she shall be called Woman, because she was taken out of Man. Genesis ch. 2, v. 23. *«This is now bone of my bones, and flesh of my flesh: she shall be called Woman, because she was taken out of Man.» Did you know that in the entire Bible, this is the only time the English translation rib appears? Yes, undoubtedly, God did take one of Adam's ribs, since it was a bone. But there is a more significant meaning here. («Medium»).*

Thou shalt not suffer a witch to live. Exodus ch. 22, v. 18. *«Thou shalt not suffer a witch to live?» It was on the basis of the inerrant nature of Holy Writ that Martin Luther declared: «I would have no compassion on witches: I would burn them all». John Calvin was once involved in seeking out witches, and John Wesley wrote in his diary that he thought the giving up of the searching out of witchcraft was in effect giving up the Bible. («The Expository Times»).*

Учебный словарь библейской афористики английского языка будет полезен изучающим английский язык как иностранный, поможет глубже понять роль наследия Библии в иностранном и родном языках [19], правильно соотносить устойчивых выражения с их библейскими первоисточниками.

Список использованных источников

1. The Oxford Dictionary of Quotations / Ed. by E. Knowles. – 2th ed. – New York : Oxford University Press, 2014. – 1768 p.

2. The Oxford Dictionary of Proverbs / Ed. by Je. Speake. – New York : Oxford University Press, 2008. – 625 p.
3. Ivanov, E. E. Etymology of English Proverbs / E. E. Ivanov, Ju. A. Petrushevskaja // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – Vol. 8. – No. 5. – Pp. 864–872.
4. Иванов, Е. Е. The Etymology and History of English Proverbs : учеб. пособие / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 80 с.
5. Василенко, Е. Н. English. Developing Speaking and Writing Skills : учеб. пособие : в 2 ч. / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернева. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – Ч. 1. – 348 с. ; Ч. 2. – 232 с.
6. Василенко, Е. Н. English. Developing Speaking and Writing Skills : учеб. пособие / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернева. – Минск : РИВШ, 2023. – Ч. 1. – 292 с.
7. Глуханько, Л. В. Practical English Grammar: Verbals : учеб.-метод. пособие / Л. В. Глуханько, Н. Д. Голякевич, С. П. Зубрий, Е. Е. Иванов. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2017. – 168 с.
8. Голякевич, Н. Д. Practical English Grammar: Morphology : учеб. пособие / Н. Д. Голякевич, С. П. Зубрий, Е. Е. Иванов. – Минск : РИВШ, 2019. – 268 с.
9. Романова, Н. К. Типы межъязыковых сходств и различий паремнологических единиц / Н. К. Романова, Е. Е. Иванов // Acta albaruthenica, rossica, polonica – VII / под ред. А. М. Мезенко. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2006. – С. 161–164.
10. Ivanov, E. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology / E. Ivanov, V. Feldman // Acta Germano-Slavica. – 2007. – Vol. 1. – Pp. 85–97.
11. Крылатыя выразы ў беларускай мове: з іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст. : тлумачальны слоўнік. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2004. – 136 с.
12. Іваноў, Я. Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э.–XX ст. : тлумачальны слоўнік / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2011. – 164 с.
13. Іваноў, Я. Я. Беларускія прыказкі з біблейных крыніц (матэрыялы да руска-беларуска-англійскага слоўніка біблізмаў) / Я. Я. Іваноў // Аврааміевскія чтэння / под ред. А. В. Корольковой. – Смоленск : Радопа, 2014. – С. 11–24.
14. Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / пад рэд. Я. Я. Іванова. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2009. – 240 с.
15. Іваноў, Я. Я. Англійскія эквіваленты беларускіх прыказак (лексікаграфічны аспект) / Я. Я. Іваноў, В. А. Максімава // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – 2015 : сб. науч. ст. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2016. – С. 191–196.
16. Иванов, Е. Е. Различия в семантике и структуре белорусских и английских пословиц / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь : сб. науч. ст. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2011. – С. 213–215.
17. Лепта библейской мудрости : библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2014. – 208 с.
18. Лепта библейской мудрости : русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 т. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2019. – Т. 1. – 334 с. ; Т. 2. – 308 с.
19. Иванов, Е. Е. Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси : монография / Е. Е. Иванов, В. А. Маслова, В. М. Мокиенко. – Москва : Изд-во РУДН, 2022. – 406 с.

Abstract. The article examines set phrases-aphorisms, which in modern English go back to the texts of the Holy Bible. The features of such stable aphoristic phrases are determined by their semantics in the context of modern use in discourses of various types, as well as by their functions in the text. Materials are provided for the educational dictionary of stable phrases and aphorisms of biblical origin, which are widely used in modern English (for students of English as a foreign language).

Keywords: English, set phrase, aphorism, Bible, dictionary, teaching a foreign language

Е. Д. Степанова
Научный руководитель – **Е. Е. Иванов**,
д-р филол. наук, профессор

КОММУНИКАЦИЯ НА REDDIT В РАМКАХ ИНТОЛЕРАНТНОГО ДИСКУРСА

Аннотация. В статье рассматриваются характеристики сайта Reddit в аспекте интолерантной интернет-коммуникации. Характеристики интернет-платформы Reddit включают открытость для всех пользователей, большой выбор тем для обсуждения, наличие специфической компьютерной этики, модерацию размещаемого материала и анонимность пользователей. Отмечается, что анонимность на Reddit способствует распространению дискриминационных взглядов и ненавистнических высказываний.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, интолерантный дискурс, язык вражды, компьютерная этика.

Развитие глобальных сетей значительно упростило коммуникацию людей, открыв новые формы взаимодействия: чаты, форумы, социальные сети, видеоконференции и др. Важными в аспекте коммуникативно-прагматического смысла качествами интернета являются глобальность и интерактивность, а анонимность коммуникации в интернете расширяет рамки дозволенных высказываний и языковой инструментарий для выражения мнения [1, с. 155].

Интернет-форумы и социальные сети могут быть использованы для распространения ложной информации, ненавистнических выражений, уничижительных комментариев в адрес той или иной группы людей. Интернет создает ощущение дистанцированности, позволяющей людям выражать взгляды, которые они не могут выразить лично, что создает почву для распространения ликоущемляющих высказываний.

Под интолерантным дискурсом понимается «тип дискурса власти, репрезентирующий межгрупповой конфликт ценностей и основанный на враждебности как отражении социальных стереотипов в сознании его субъектов» [2, с. 12]. Социокогнитивная категория враждебности в рамках интолерантного дискурса выражается за счет различных коммуникативных стратегий, реализация которых, в свою очередь, производится за счет «языка вражды» [3; 4; 5; 6].

Reddit – это один из крупнейших социальных новостных сайтов в мире, на котором пользователи могут делиться ссылками на статьи, фотографии, видео, а также обсуждать различные вопросы. Сайт имеет более 330 миллионов активных пользователей в месяц [7]. Однако на Reddit часто можно наблюдать проявления вражды и дискриминации относительно различных социальных групп.

Reddit представляет собой платформу, сгруппированную в подразделы. Диапазон подразделов данной платформы довольно широк и охватывает различные интересы. Пользователи могут создавать свои подразделы по интересующим их темам. Reddit является свободной и открытой для всех людей площадкой, где каждый может высказать свое мнение. На данной платформе существует множество подразделов, которые посвящены темам, связанным с вопросами политики, быта, отношений и др. Некоторые из этих подразделов могут пропагандировать дискриминационные взгляды.

Reddit использует систему голосования, в которой пользователи могут проголосовать за или против опубликованных материалов, чтобы определить, какие комментарии будут показаны на главной странице раздела, а какие будут скрыты в основном потоке.

Пользователи зарегистрированы под никнеймами, что означает, что они могут оставаться анонимными и не раскрывать свои личные данные. Анонимность пользователей платформы гарантирует их свободное изложение мысли в рамках правил подраздела и платформы в целом.

Для коммуникации на данной платформе свойственна специфическая компьютерная этика. Reddit оснащен сводом правил, которые пользователи не должны нарушать как в случае написания и размещения публикации, так и в случае комментирования. У каждого под-

раздела, в свою очередь, тоже имеется свод правил, организующий интернет-коммуникацию. Некоторые пользователи могут попытаться по той или иной причине обойти эти правила, что может привести к блокировке аккаунта.

Компьютерная этика Reddit запрещает всякое содействие с незаконными или мошенническими операциями, публикации сексуального контента. Пользователи обязаны уважительно относиться друг к другу вне зависимости от половой, расовой и других принадлежностей, соблюдать правила подразделов, а также отказаться от спама и каких-либо видов махинаций в пределах и за пределами данной платформы.

Модерация размещаемого контента, а также требование уважительно относиться к другим пользователям на данной платформе значительно уменьшают спектр возможных актов вербализации дискриминационных высказываний. Тем не менее некоторые комментарии и публикации модераторы удалять не успевают или не имеют на то достаточных оснований, так как не всегда удается провести четкую грань между, например, оскорблением и безобидной шуткой. Иногда пользователи могут специально высказываться оскорбительно и провокационно, чтобы вызвать реакцию других пользователей. Такое поведение может приводить к распространению вражды между пользователями и возрастанию ликоущемляющих высказываний.

В связи с тем, что зачастую несоответствующий правилам платформы контент может удаляться не сразу, есть вероятность того, что он привлечет внимание пользователей, которые могут провоцировать и дестабилизировать подраздел или в целом платформу. Возникающие конфликтные ситуации, характеризующиеся нарушением норм кооперативного и вежливого поведения, являют собой столкновение или противостояние субъектов одного или разных уровней [3, с. 37].

Таким образом, Reddit предоставляет пользователям возможность делиться различными материалами, а также свободно и анонимно общаться в рамках заданной тематики. Анонимность пользователей является, среди прочего, причиной эскалации враждебных высказываний. Наличие на сайте особой компьютерной этики, включающей в себя свод правил взаимодействия пользователей и размещения контента, а также модерация размещаемого контента призваны обеспечить пользователям комфортное равноправное общение и снизить количество негативных и ненавистнических высказываний.

Список использованных источников

1. Морозова, О. Н. Особенности интернет-коммуникации : определение и свойства / О. Н. Морозова // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2010. – № 5. – С. 150–158.
2. Василенко, Е. Н. Интолерантный дискурс в общей парадигме дискурса / Е. Н. Василенко // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2021. – № 4. – С. 6–14.
3. Василенко, Е. Н. Конфликт ценностей в интернет-коммуникации: когнитивный и прагматический аспекты / Е. Н. Василенко. – Могилев : Могилевский гос. ун-т. им. А. Кулешова, 2022. – 236 с.
4. Василенко, Е. Н. «Язык вражды» как предмет научного анализа и как социальный феномен (теоретическое обоснование перспектив исследования) / Е. Н. Василенко // Филология и человек. – 2019. – № 4. – С. 136–145.
5. Василенко, Е. Н. «Язык вражды» как форма проявления конфликтов, основанных на стереотипах / Е. Н. Василенко // Труды БГТУ. Сер. 4, Принт- и медиатехнологии. – 2021. – № 2 (244). – С. 90–97.
6. Vasilenko, E. Sexist hate speech : topical organization of intolerant discourse / E. Vasilenko // Językoznawstwo. – 2020. – № 1 (14). – S. 47–60.
7. Reddit Statistics For 2023 (Demographics, Usage & Traffic Data) [Electronic resource]. – Mode of access : <https://foundationinc.co/lab/reddit-statistics/>. – Date of access : 01.05.2023.

Abstract. The article deals with the characteristics of Reddit within intolerant discourse. The characteristics of this platform include openness for all users, a large selection of topics for discussion, a specific computer ethics, moderation and anonymity of users. It is noted that anonymity on Reddit contributes to the spread of discriminatory views and hate speech.

Keywords: Internet communication, intolerant discourse, hate speech, computer ethics.

А. М. Трофимович
Научный руководитель – **Е. Е. Иванов**,
д-р филол. наук, профессор

ДРЕВНИЕ ПОСЛОВИЦЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СЛОВАРЕ ДЛЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация. В статье рассматриваются пословицы в английском языке, которые восходят к древнейшим письменным источникам. Лексический состав и грамматическая структура такие пословиц постоянно подверглись изменениям на протяжении своего функционирования, однако остались узнаваемы в древних текстах. В древних пословицах заключены наиболее значимые, проверенные временем истины, отражающие основу мировоззрения, духовных ценностей и культурных приоритетов английского народа. Приводятся материалы к словарю наиболее древних пословиц современного английского языка (для изучающих его как иностранный).

Ключевые слова: английский язык, пословица, основной фонд, письменный источник, словарь, преподавание языка как иностранного.

В современном английском языке употребляется немало пословиц, которые являются очень древними и фиксируются еще в ранних письменных источниках [1]. Пословицы такого рода имеют разное происхождение [2; 3; 4], различные семантические, структурные, функциональные особенности и выделяются в отдельную категорию единиц – основной паремиологический фонд английского языка [5; 6]. В таких пословицах отражены не только основные ментальные, аксиологические и культурные доминанты англоязычного мира, но и основные особенности лексической и грамматической подсистем английского языка, что делает пословицы основного фонда обязательным объектом изучения в процессе преподавания английского языка как иностранного [7; 8; 9; 10]. Помимо этого, пословицы основного фонда представляют собой наиболее значимый в плане межъязыкового сопоставления материал, поэтому являются необходимой базой для типологического сравнения паремиологии родного и иностранного языков [11; 12; 13; 14], в том числе русского [15], белорусского [16], а также сопоставления двуязычных и полилингвальных словарей пословиц [17; 18].

Изучение пословиц английского языка показывает, что их содержание постоянно отражало историю народа, включало в себя то новое, что вносила жизнь в паремиологию. Поэтому, чтобы решить вопрос о том, когда появилась та или иная пословица, надо сопоставить ее с историей народа, его жизнью, бытом, обычаями и взглядами в каждый отдельно взятый исторический период. Однако самым надежным свидетельством того, когда впервые фиксируется та или иная пословица, когда она стала достоянием английского языка, можно считать письменные источники. Например, истоки пословицы *Better late than never* (Лучше поздно, чем никогда) уходят еще к периоду становления римской империи и ее авторство принадлежит римскому историку Титу Ливию. Однако в английском языке пословица впервые упоминается в одном из письменных памятников 1330 г. Происхождение пословицы *All roads lead to Rome* («Все дороги ведут в Рим») также связано с влиянием римской империи, поскольку первоначально это изречение возникло как довольно сухая констатация того простого факта, что все дороги, строившиеся в Древнем Риме, действительно, вели к его столице, а точнее, к *foro romano* – «римскому Форуму» (рыночной площади города), и звучала эта пословица на латыни как *Omnes viae Romam ducunt*. Однако в английском языке ее наиболее ранняя фиксация датируется 1390 г., что позволяет считать эту пословицу английской еще с конца XIV века.

Описание пословиц английского языка из наиболее древних письменных источников в специальном словаре (для изучающих английский язык как иностранный) может включать современную форму пословицы, указание на время ее первой фиксации, иллюстративный пример и иметь следующий вид.

Better two stools one falls to the ground. First recorded in 1390. *You must make up your mind which job to accept, or they will both go to other people – between two stools one falls to the ground.*

Big fish eat little fish. First recorded in 1200. *The state today seems like nothing so much a huge aquarium – Big fish eats little fish, and the great fish eat the big.*

Charity begins at home. First recorded in 1383. *And hard it is upon the part of the law that it should be so confoundedly down upon us unfortunate victims; when it takes such amazing good interest for itself from all its clients. But charity begins at home, and justice begins next door.*

Fair and softly goes far in a day. First recorded in 1350. *Don't try to do too much too soon – remember the proverb, "Fair and softly goes far in a day."*

If it were not for hope, the heart would break. First recorded in 1250. *No harm in hoping, Jack! My uncle says, were it not for hope, the heart would break.*

It's an ill bird that fouls its own nest. First recorded in 1250. *You should not say or do anything that will bring discredit or harm to your own family or country: "Nothing can excuse the bad taste of Samuel Butler's virulent attack upon his defenceless family-It's an ill bird that fouls its own nest".*

Let sleeping dogs lie. First recorded in 1385. *Take my advice, and ask as little about him as he does about you. Best to let sleeping dogs lie.*

Like father, like son Sons. First recorded in 1340. *We weren't surprised to learn that he had developed an alcohol problem – like father, like son.*

Look before you leap. First recorded in 1390. *When you feel tempted to marry –look twice before you leap.*

Manners make the man. First recorded in 1350. *Remember that manners make the man – you will be judged on how you behave, not on what you look like, where you come from, or who your parents are.*

Many hands make light work. First recorded in 1330. *Come on, many hands make light work, and if we all do our bit the house will be spotless again by the time my parents get back.*

Misery loves company. First recorded in 1349. *Group therapy can be very effective in cases like these – misery loves company.*

The love of money is the root of all evil. First recorded in 1000. *There are those who condemn capitalism on the basis of the proverb "The love of money is the root of all evil."*

The more you get, the more you want. First recorded in 1340. *I was averaging eighty to a hundred a week. Well, you know how it is. The more you get the more you want.*

Spare the rod and spoil the child. First recorded in 1000. *I just think it's crazy that Susan and Jonathan let their children dictate the terms of the house like that. They have got to lay down the law – spare the rod and spoil the child.*

Time and tide wait for no man. First recorded in 1390. *You've had so many chances to get research grants or earn a master's degree, but you never get around to applying for any of them. You're going to end up stuck in the same dead-end career for your whole life, if you're not careful – time and tide wait for no man.*

We must learn to walk before we can run. First recorded in 1350. *Maria wanted to make a tailored jacket as her first sewing project, but her mother convinced her that she should make something much simpler; she would have to learn to walk before she could run.*

Всего в современном английском языке употребляется около 200 пословиц, восходящих к различным письменным источникам в период с начала XI до конца XIV века. Эти наиболее древние пословицы, которые включены в учебный паремиологический словарь английского языка (для иноязычной аудитории, т. е. для изучающих его в качестве иностранного).

Список использованных источников

1. The Oxford Dictionary of Proverbs / Ed. by Je. Speake. – New York : Oxford University Press, 2008. – 625 p.

2. Ivanov, E. E. Etymology of English Proverbs / E. E. Ivanov, Ju. A. Petrushevskaja // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – Vol. 8. – No. 5. – Pp. 864–872.

3. Иванов, Е. Е. English Proverbs : from Literary Texts, in Literary Texts : Etymology, Usage, Variability / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2016. – 76 с.
4. Иванов, Е. Е. The Etymology and History of English Proverbs / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 80 с.
5. Иванов, Е. Е. Паремииологический минимум и основной паремииологический фонд / Е. Е. Иванов // Паремииология в дискурсе / под ред. О. В. Ломакиной. – Москва : URSS : Ленанд, 2015. – С. 48–66.
6. Иванов, Е. Е. Основной паремииологический фонд английского языка / Е. Е. Иванов, А. А. Новикова // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – 2015. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2016. – С. 314–317.
7. Василенко, Е. Н. English. Developing Speaking and Writing Skills : учеб. пособие : в 2 ч. / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернева. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – Ч. 1. – 348 с. ; Ч. 2. – 232 с.
8. Василенко, Е. Н. English. Developing Speaking and Writing Skills : учеб. пособие / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернева. – Минск : РИВШ, 2023. – Ч. 1. – 292 с.
9. Голякевич, Н. Д. Practical English Grammar : Morphology : учеб. пособие / Н. Д. Голякевич, С. П. Зубрий, Е. Е. Иванов. – Минск : РИВШ, 2019. – 268 с.
10. Глуханько, Л. В. Practical English Grammar: Verbals : учеб.-метод. пособие / Л. В. Глуханько, Н. Д. Голякевич, С. П. Зубрий, Е. Е. Иванов. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2017. – 168 с.
11. Ivanov, E. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology / E. Ivanov, V. Feldman // Acta Germano-Slavica. – 2007. – Vol. 1. – Pp. 85–97.
12. Романова, Н. К. Типы межъязыковых сходств и различий паремииологических единиц / Н. К. Романова, Е. Е. Иванов // Acta albaruthenica, rossica, polonica – VII / под ред. А. М. Мезенко. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2006. – С. 161–164.
13. Иваноў, Я. Я. Англійскія эквіваленты беларускіх прыказак (лексікаграфічны аспект) / Я. Я. Иваноў, В. А. Максімава // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – 2015 : сб. науч. ст. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2016. – С. 191–196.
14. Иванов, Е. Е. Различия в семантике и структуре белорусских и английских пословиц / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь : сб. науч. ст. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2011. – С. 213–215.
15. Иванов, Е. Е. «Основной паремииологический фонд» русского языка и его соотношение с «паремииологическим минимумом» / Е. Е. Иванов // Мир русского слова и русское слово в мире : в 7 т. – София : Heron Press, 2007. – Т. 2. – С. 152–156.
16. Иваноў, Я. Я. Да праблемы вызначэння асноўнага парэміялагічнага фонду беларускай мовы / Я. Я. Иваноў // Веснік БДУ. Серыя 4 : Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. – 2006. – № 3. – С. 103–109.
17. Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / пад рэд. Я. Я. Иванова. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2009. – 240 с.
18. Петрушэўская, Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы : беларуска-іншамоўны слоўнік / Ю. А. Петрушэўская. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2020. – 316 с.

Abstract. The article examines proverbs in the English, which go back to the most ancient written sources. The lexical composition and grammatical structure of such proverbs constantly underwent changes throughout their functioning, but remained recognizable in ancient texts. Ancient proverbs contain the most significant, time-tested truths that reflect the basis of the worldview, spiritual values and cultural priorities of the English people. Materials are provided for the dictionary of the most ancient proverbs of modern English (for those studying it as a foreign language).

Keywords: English, proverb, basic fund, written source, dictionary, teaching a foreign language

О. И. Ульянова
Научный руководитель – Л. Б. Кацюба,
канд. филол. наук, доцент

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале сообществ в социальной сети ВКонтакте)

Аннотация. Статья описывает специфику языковых средств виртуальной коммуникации на материале новостных и иных тематических сообществ, размещенных в социальной сети ВКонтакте.

Ключевые слова: социальная сеть ВКонтакте, интернет-коммуникация, язык и стиль виртуальной коммуникации.

В настоящее время особую значимость имеют все средства передачи информации – как в письменном, так и в аудио- и видеоформате –, которые тем или иным образом связаны с сетью Интернет: новостные и разные тематические сообщества, блоги, личные страницы «авторитетов мнений», интервью и подкасты, размещаемые на виртуальных площадках. Люди активно используют возможности Интернета не только для поиска информации, сообществ согласно персонализированным запросам, но и в качестве ресурса, где каждый вправе высказать свое мнение как одному человеку, так и небольшой группе или целому комьюнити, где другие также могут дать на это обратную связь и выразить свою личную позицию по определенной теме дискурса.

Для осуществления анализа языковых особенностей интернет-коммуникации необходимо понимать, что под собой подразумевает лингвистический анализ текста, по каким критериям он осуществляется и, как следствие, какими характеристиками обладает виртуальное взаимодействие. «Под лингвистическим анализом художественного текста понимают сложный вид чтения, при котором использованные автором языковые единицы – звуки, слова, предложения – соотносятся с содержанием и структурой текста» [1, с. 5]. Предварительный анализ включает в себя рассмотрение определенных уровней, по которым исследуются тексты, и представляет описание лексических, морфологических, синтаксических средств, в т. ч. и средств выразительности.

Лексика в виртуальной коммуникации преимущественно нелитературная, сниженная разговорная, сленговая, в которой преобладают аббревиатуры, а также сокращения, полусокращения, усечения, например, *пж* (пожалуйста) и *спс* (спасибо). Помимо этого, стоит отметить в виртуальном общении наличие жаргонизмов, юмора, каламбуров, которые «служат своего рода индикатором принадлежности личности к определенному обществу «своих». Другой особенностью речевой коммуникации <...> является преобладание оценочных и характеризующих слов. В интернет-сообществах, где люди объединены общим опытом и интересами, важно не столько название предмета, о котором идет речь, сколько его характеристика и оценка, т. е. новая информация» [2]. Стоит также сказать о механизмах замещения паравербальных факторов, как, например, использование графических знаков: *Какой ты молодец!!!*), слов «звукоподражательного характера»: *Ммм, как вкусно!* и эмодиконов – пиктограмм, изображающих эмоцию.

Анализируя синтаксический материал, мы увидели, что в случае виртуального общения преобладают простые предложения. Можно отметить наличие своеобразной пунктуации, которая помогает передать интонацию, с которой отправляется сообщение, например, *Ну...что-то я не знаю...наверное, стоит попробовать...;* обильное количество знаков препинания, усиливающих передачу эмоций коммуникатора: *Кто это сделал?! Ты????* и др. Все это дополняется использованием заглавных букв для написания текста: *ВНИМАНИЕ*, повтором букв в слове: *ПОЧЕМУУУУ??* для передачи интонации, а также чтобы обратить внимание собеседника на важную информацию.

Говоря о специфике языка виртуальной коммуникации, согласимся с мнением Е. А. Бирюковой, по словам которой, речь интернет-коммуникации имеет «отличительные черты», которыми являются «изменения общепринятых правил орфографии, пунктуации, синтаксиса, отсутствие принадлежности текстов к письменному или устному типам речи, своеобразие компенсации невербальных и паравербальных факторов» [3, с. 87].

Для практической части работы была использована российская социальная сеть с возможностью обмена текстовыми, видео- и аудиосообщениями ВКонтакте – одна из самых популярных площадок среди проживающих в России (более 50% населения пользуются приложением и сайтом www.vk.com). Для проведения исследования были отобраны сообщества с различной тематикой: новости, образование и наука, творчество и личный блог. Из каждой тематики было взято по два сообщества: «Рифмы и Панчи» и «РИА Новости» (новости), «Президентская академия Today | РАНХиГС» и «Лаборатория медиа» (образование и наука), «Реализм кухонной раковины» и «KorzoV Photographer» (творчество), «Азамат Мусагалиев» и «Кукояки» (личный блог).

Как показал анализ материала, ВКонтакте активно демонстрирует языковые особенности, характерные для интернет-общения в целом.

Во-первых, во всех сообществах, особенно тематики «новости» и «личных блог», было отмечено наличие в комментариях юмора, каламбуров, даже сарказма, например, *У главбуха была буха; А говорят не Честная компания*. Можно предположить, что в таких сообществах объединяются чаще всего люди с чувством юмора, желающие его продемонстрировать. Кроме того, важно заметить, что аудитория воспринимает информационный контент так же, как и развлекательный, с юмором, тем самым в новостных «пабликах» она демонстрирует несерьезное отношение к повестке дня.

Во-вторых, в сообществах всех тематических групп, кроме «образования и науки», можно встретить использование табуированной (недопустимой) лексики, примеры которой по этическим соображениям мы не приводим. По нашему мнению, это происходит по причине того, что пользователи выражают свои мысли через текст, не контактируя вживую с остальными участниками данного сообщества. Такое общение раскрепощает участников коммуникации и дает уверенность в том, что их речевое поведение останется безнаказанным.

В-третьих, использование эмодиконов, стикеров и прочих картинок, отражающих реакцию человека на публикации в сообществах – наиболее активный элемент, который можно встретить в каждом сообществе. Он стал часто используемым благодаря тому, что человек имеет возможность быстрее ответить на интересующую его информацию и в то же время передать наиболее точным образом свою эмоцию (например, радость, удивление, восхищение, шок и т. д.). Ярким примером является сообщество «Президентская академия Today | РАНХиГС»: под каждой публикацией в среднем набирается 30–60 комментариев и 90–95% из них содержат эмодиконы.

В-четвертых, для выражения интонации, эмоции, настроения подписчики сообществ различных тематик используют графические знаки, например, многоточие: *Мда....*; скобки вместо смайликов и восклицательные знаки: *Елена, может быть он просто хорошо понял себя и эту жизнь, поэтому так четко!:*). Для передачи важности той или иной части предложения или всего предложения возможно написание слов заглавными буквами, например, *КАКИЕ НЕПРИЯТНЫЕ ЛИЦА*. Данный способ передачи эмоции человека, который пишет комментарий, используется повсеместно как для демонстрации удивления от увиденной публикации, так и для дискуссии с другими подписчиками в сообществе уже на тему, не напрямую связанную с темой «поста».

Помимо этого, для того чтобы подчеркнуть значимость той или иной части сообщения, пользователи социальных сетей пишут короткие предложения – конструкции экспрессивного синтаксиса (прием парцелляции). Читающий комментарий будет ставить интонационные ударения туда, где стоит точка, например, *Очень хороший выпуск. Лучшие чем были до этого; Техника я видела впервые. Это очень отлетевиший человек. И из-за этого разговор с ним это*

смешно; Особенно мне понравился рассказ про аптеку. Я смеялась. (Здесь и далее орфография и пунктуация оригинальных текстов соблюдены). Интересно, что коммуникаторы могут использовать несколько специфических приемов одновременно, например, *Поздравление звучит как рофл ахахах*. Здесь можно увидеть отсутствие знаков препинания, использование сленговой лексики и звукоподражаний, и такие примеры не единичны.

Заметим, что не во всех комментариях ярко проявляются описанные языковые особенности, т. е. не все пишут в упрощенной форме, так называемом коротком формате: в сообщениях «Реализм кухонной раковины», «Азамат Мусагалиев», «Кукояки» и «Рифмы и Панчи» можно заметить длинные комментарии, содержащие сложные предложения и обороты. Такие предложения очень похожи на письменную речь. Например, *Арт, захотелось высказаться, обычно я безкомментирующий читатель комментов. Если зайдете на страничку человека с фото и почитаете его стенку, то становится сразу понятно, что ответы к этому посту абсолютно ненадуманы и реальные убеждения автора ответов. Особенно история с защитой женщин в автобусе и прощальный пост про тренера все объясняет. А уж творчество этого человека вообще говорит само за себя. Простите, что влезла в ваш диалог, но просто жаль, что наше общество дошло до того, что искренность выглядит, как реклама. Моя личная мозоль... не смогла смолчать(((Простите*. Чаще всего такой формат комментариев встречается в случае, если происходит дискуссия между несколькими участниками сообщества или один участник рассуждает на волнующую его тему. Кроме того, все зависит от того, какая аудитория подписана на сообщества: преимущественно «осмысленные» и длинные комментарии пишут люди-аналитики, способные серьезно размышлять на темы, которые освещены в публикациях.

Таким образом, интернет-коммуникация охватывает большую часть сфер жизни общества, а потому имеет значительное влияние на людей и их взаимодействие. В процессе коммуникации во «всемирной паутине» люди стараются упростить передачу информации, эмоций и интонации с помощью определенных средств: эмотиконов, знаков препинания, сокращений, сленговой лексики, экспрессивного синтаксиса и т. д. Большинство приемов, описанных в работе, по нашему мнению, влияют на реальную коммуникацию: например, люди начинают использовать сленг в устной речи, что со временем становится общественной нормой. Количество приемов и языковых средств увеличивается, из-за чего каждый использует «свой язык» в Интернете. Именно поэтому формируется «языковое» разнообразие в виртуальной коммуникации.

Общение в Интернете – ключевая составляющая социального взаимодействия в XXI веке, которая приносит изменения, в том числе и в язык, используемый в Сети и в реальной жизни. Иногда это отрицательные изменения, например, неоправданное снижение стиля, нарушение правил орфографии и пунктуации и функциональной закреплённости слов.

Список использованных источников

1. Процукович, Е. А. Лингвистические особенности текстов эвенкийских песен-импровизаций / Е. А. Процукович // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2020. – № 6 (3). – С. 103–115.
2. Холод, А. Л. Коммуникативные стратегии и тактики виртуального общения [Электронный ресурс] / А. Л. Холод // Карповские научные чтения : сборник науч. ст. – Вып. 11 : в 2 ч. Ч. 1 ; под ред. А. И. Головни и др. – Минск : «ИВЦ Минфина», 2017. – С. 295–298. – Режим доступа : <https://elib.bsu.by/handle/123456789/179884>. – Дата доступа : 23.09.2023.
3. Бирюкова, Е. А. Интернет-коммуникация как средство межкультурного общения : жанровые и языковые особенности / Е. А. Бирюкова // Язык. Словесность. Культура. – 2014. – № 6. – С. 75–98.

Abstract The article describes the specifics of linguistic means of virtual communication based on news and other thematic communities that are posted on the VKontakte social network.

Keywords: the VKontakte social network, the Internet communication, the Language and Style of virtual communication.

К. В. Уніятава
Навуковы кіраўнік – **А. В. Брадзіхіна**
канд. філал. навук, дацэнт

ЧАЛАВЕК І СОЦЫУМ У АПОВЕСЦІ “САТАНІНСКІ ТУР” ІВАНА ШАМЯКІНА

Анотацыя. Артыкул прысвечаны даследаванню спосабаў адлюстравання падзей пераломных гадоў канца ХХ стагоддзя ў аповесці “Сатанінскі тур” І. Шамякіна, якія асэнсоўваюцца праз лёс і псіхалогію героя-інтэлігента. Зроблена выснова, што пісьменнік імкнецца ўзмацніць драматызм гучання аповесці шляхам звароту да катэгорый абсурду і гратэску.

Ключавыя словы: аповесць, герой, абсурд, гратэск, праблема

Іван Шамякін як пісьменнік і грамадскі дзеяч заўсёды быў у самай гушчыні палітычнага і сацыяльнага жыцця краіны. Многія яго познія аповесці прысвечаны вывучэнню праблем «чалавек і час», «чалавек і грамадства», «чалавек і мараль», «чалавек і лёс», «чалавек і свабода». Аўтара цікавяць грамадскія катастрофы, якія адлюстроўваюцца ў творы праз жыццёвую трагедыю асобна ўзятай сям’і. Творы гэтай праблематыкі адметныя сваёй абвостранай ідэйнай і публіцыстычнай скіраванасцю, адкрытай нягодай з новым жыццём і з новымі палітыкамі. Менавіта для таго, каб дагрукацца да чытача, пісьменнік нярэдка карыстаецца сродкамі абсурду і гратэску.

Аповесць І. Шамякіна «Сатанінскі тур» асэнсоўвае падзеі пераломных гадоў ХХ стагоддзя, калі рушыліся асновы тагачаснага жыцця. У абстаноўцы 90-х гадоў многія мянялі свае погляды, здраджвалі мінулым прынцыпам. Аўтар у сваёй аповесці паказвае чалавека ў абсурдных абставінах, ставячы сваіх герояў перад выбарам: Дабро ці Зло. Пісьменніка, як і заўсёды, цікавіць духоўны стан чалавека, хвалюе жажлівае перараджэнне яго душы. Трагічная сюжэтная лінія, безумоўна, звязаная з гісторыяй Уладзіслава Іванавіча Булаўскага, маладога вучонага-лінгвіста, якога жабрацкі заробак у інстытуце вымушае ехаць у тур не ў якасці зацікаўленага вучонага, а везці розныя рэчы на продаж у Польшчу, каб атрымаць даляры і купіць сям’і пэўныя дэфіцытныя рэчы, а рэшту захаваць дзеля таго, каб дапамагчы блізкім, якія жывуць на галодным пайку. Цікава, што дачка Уладзіслава нібы прадчувала трагедыю, не хацела, каб тата ехаў: «— Не трэба ехаць, татачка. Не трэба мне лялька, я не маленькая. Я ўжо тоўстыя кніжкі чытаю» [1, с. 277].

У вобразе цэнтральнага героя ўвасоблены тып інтэлігента, чалавека з тонкай псіхікай і духоўнай арганізацыяй. Булаўскі быў вядомы сваімі філалагічнымі дасягненнямі ў галіне паланістыкі, але едзе ў Польшчу, як бачым, зусім не па прафесійнай патрэбе: «Да чаго ж гэта даўняя мара Уладзіка – з’ездзіць у Польшчу» [1, с. 279]. Аўтар раскрывае псіхалогію героя найперш праз яго пакутлівыя перажыванні, настроі, адчуванні і думкі. Булаўскі бесперапынна штосьці думаў, разважаў, рэфлексаваў над сваім жыццём, падзеямі ў сям’і, грамадстве, краіне. Калі падарожнічаў, ён хутка збліжаўся з іншымі людзьмі. Малады чалавек становіцца ніякім ад няўвагі да сябе, адчувае небяспеку ад хворага сэрца, але нягледзячы на гэта, працягвае падарожжа, якое прыносіць яму смерць.

Эканоміка дзяржавы на той час была не ў лепшым становішчы, таму шматлікія плыні турыстаў з былога Савецкага Саюза шукалі сябе ў Еўропе. Але «турыстаў» вабілі зусім не музеі і сярэднявечныя мury касцёлаў, а найперш магчымасць прадаць здабыты рознымі, часта несумленнымі, шляхамі тавар. Такіх гандляроў называлі «чаўнакамі». Аднак Булаўскаму не пашэнціла нават на такі жыццёвы вопыт: ён быў хворы на сэрца, памёр у дарозе раптоўна, хутчэй за ўсё, не вытрымаў моцнага псіхалагічнага ціску, калі з паважанага вучонага ён павінен быў на нейкі час ператварыцца ў гандляра кантрабанднай самаробнай гарэлкай. Драматызм сітуацыі ўзмацняецца тым, што герой памірае перад самай мяжой, тым

самым паставіўшы групу перад выпрабаваннем выбару паміж захаваннем чалавечнасці і матэрыяльнымі стратамі.

Адзін з пасажыраў тура ў Польшчу, Леанід Узэнтак, першым прыйшоў на месца збору каля тэатра. Гэты вобраз мае выразныя гратэскныя рысы. Ужо яго прозвішча гаворыць пра многае: хапуга, заўзяты марнатраўца. Яму падабалася назіраць, як прыбываюць іншыя, ён меў копію спісу турыстаў і, лічачы сябе фізіянамістам і псіхолагам, стараўся адгадаць, хто ёсць хто і што ў каго ў торбах: «Так Лёня Узэнтак быў са школьных гадоў – заўсёды лідарам, важаком. Калі рабіў сакратаром райкома, то і ў сябе ў раёне, і ў вобласці на канферэнцыях, пленумах быў не толькі душой кампаній калег сваіх сакратароў, але і ўсіх пяцісот дэлегатаў – дырыжор у спевах, забаўнік, штукар у гульнях. Ён не мог не красавацца перад людзьмі. Так і застаўся, хоць на скронях асеў першы іней. Мог бы ўжо не ездзіць» [1, с. 282]. Разбагацеў Леанід менавіта на такіх паездках. Мае ўласны бар, тры ларкі, умее добра зарабляць грошы, сябе лічыць бізнесменам заходняга ўзору і дэманструе высакароднасць і шчодрасць. Гэта тыповы прадстаўнік класа багацеяў з 90-х гадоў.

Акрамя такіх прадстаўнікоў былі ў аўтобусе і звычайныя турысты, якія мелі намер проста агледзець славуцасці таго месца, куды едуць. Адна з такіх герайн – Кажура Ядзя. Маладая дзяўчына, якая ўзяла з сабой у тур толькі адзін маленькі чамаданчык. Такіх, як Ядзя, Леанід Узэнтак не лічыў за сапраўдных удзельнікаў замежнага тура: «Чыстая турыстачка. А ён проста ненавідзеў іх, чысценькіх. Былі такія ў ранейшых паездках. Пакуль тыя, хто выбіваў «турысткі тур», цягалі торбы, як ішакі, дрыжалі на мытнях, падкуплівалі польскіх паліцэйскіх, да хрыпаты таргаваліся з крыклівымі, што цыганкі, польскімі спекулянтамі, яны, чыстыя турысты, аглядалі музеі Варшавы» [1, с. 285].

Шмат народу прыйшло на месца збору. Былі дзяўчаткі, якія спадабаліся Леаніду: «Ведаў Узэнтак такіх рагатух-камсамолак. З такімі весела ехаць, лёгка дамаўляцца» [1, с. 285]. Нарэшце ўсе пагрузіліся. Булаўскі заняў самыя апошнія месцы ў канцы аўтобуса. Прагнастычная ў сваёй жажлівасці фраза вылецела з вуснаў героя: «Утульна. На гэтым мяккім бауле і паспаць можна» [1, с. 286]. У паездцы Леанід абвесціў на ўвесь аўтобус, што турысты будуць ехаць цэлы тыдзень. Падкрэсліў, што на гатэль грошай няма і давядзецца ночыць у аўтобусе: «Ды і не багатыя мы людзі, каб жыць у гатэлях, у кемпінгу можам пераначаваць. Мы турысты. Фармальна. Але чаго нам таіцца адзін перад адным? Не музеі нас цягнуць у Варшаву. Большасць з нас вязе нешта прадаць, каб папоўніць свой бюджэт» [1, с. 287]. Сам за сябе сказаў, што не хавае прычын, па якіх неабходна ехаць за мяжу: «Я не хаваюся, што еду з такой мэтай, трэба ж карміць дзяцей» [1, с. 288]. Яшчэ задоўга да мытні Леанід дзелавіта праінструктаваў-папярэдзіў спадарожнікаў пра тыя складанасці, якія могуць узнікнуць падчас агляду рэчаў: «Але майце на ўвазе: наперадзе такі рыф, як мытня. На рыфе тым можна не толькі спатыкнуцца, але і разбіцца» [1, с. 291].

Узэнтак узяў ініцыятыву ў свае рукі і пачаў правяраць па спісе ўсіх пасажыраў. Выяўляў, хто што вязе, хто размаўляе на польскай мове. Тым часам Булаўскаму пачало станавіцца блага: «У яго зазвінела ў вушах, ліхаманкава закалацілася сэрца. Пульс учасціўся яшчэ тады, калі гэты шматвопытны камерсант сказаў пра гарэлку» [1, с. 293]. Месяц назад Уладзіслава з інстытута ўжо забірала хуткая дапамога – здарыўся сардэчны прыступ. Пасля некаторага часу спадарожнікі прапанавалі Уладзіку нітрагліцэрын: «Праглынуў нітрагліцэрыну – упершыню. Зашумела ў вушах, моцна забалела ў галаве. Але сэрцу стала лягчэй, як зваліўся з яго цяжкі камень» [1, с. 294].

Набліжаліся да Брэста. Спыніліся каля хвойніку. Узэнтак скамандаваў выйсці з аўтобуса. Усе выйшлі. Уладзіслаў – не. Адна нераўнадушная Тася пайшла да задняга сядзення: «– Уладзіслаў Іванавіч, разміначка... Адважылася лёгка пацягнуць за нос. Дакранулася – і адхапіла руку. Чаму такі халодны нос? Цёпла ж у аўтобусе. Пастаяла, нападуняючыся неасэнсаваным страхам. Вывалілася з аўтобуса. Задыхалася. – Ён памёр!.. Божачка мой!» [1, с. 310].

Кульмінацыйным момантам, які мяжуе з абсурдам і не суадносіцца са здаровым сэнсам, становіцца эпізод галасавання пасажыраў у аўтобусе наконт таго, ці вяртацца назад, каб пачалавечы абысціся з нябожчыкам, ці прадоўжыць маршрут з мерцвяком далей: «— Што будзем рабіць, панове турысты? — спытаў Узэнтак. — Сціхлі, нават рып снегу сціх. Снежным пылам завіхрыліся думкі. — А што думаць? — выгукнуў першы Валодзя Адамейка. — Трэба вяртацца. — Куды? — Як — куды? — Дадому? — Дадому? — нязгодліва працянула некалькі галасоў. — А грошы нам вернуць?! — жорстка і злосна адказаў Узэнтак» [1, с. 314].

Менавіта пытанне пра грошы становіцца вызначальным момантам у прыняцці рашэння для пасажыраў. Грошы як усеагульны эквівалент сучаснага матэрыялізаванага жыцця грамадства і становяцца тым першасным элементам маніпуляцый з чалавечай свядомасцю. Недарэмна праявіў перад самой дыскусіяй-дыялогам турыстаў-камерсантаў падае кароткую, але вельмі ёмістую папярэднюю замалёўку: «Сціхлі. Нават рып снегу сціх. Снежным пылам завіхрыліся думкі» [1, с. 344]. Менавіта ў словазлучэнні «завіхрыліся думкі» вобразна прыхавана і сканцэнтравана выявілася генератыўная і сутнасная быццёвая-духоўная, грамадска-эканамічная і культурная сітуацыя 90-х гадоў XX стагоддзя, якую так выразна і лаканічна здолеў акрэсліць пісьменнік. Страта светапоглядных, духоўных і маральных арыенціраў і прынцыпаў стала прычынай разбуральных працэсаў у грамадскім жыцці і душах людзей, а ўсё залежыць ад таго, што робіцца ў галовах людзей у гэты час, як яны рэагуюць на навакольную рэчаіснасць.

Аўтар з павышанай увагай засяроджваецца нават на станах прыроды ў напружаны моманты, якая не застаецца пабочным назіральнікам у гэтай анталагічна-быццёвай сітуацыі. Прырода вусцішна і напружана назірае за пакутлівым выбарам пасажыраў. Так, мяжа паміж дзвюма дзяржавамі ў аповесці становіцца сімвалічнай: мяжой паміж светам і цемрай, боскім і сатанінскім. Такім чынам пісьменнік уводзіць у твор матыў спакусы. У створанай І. Шамякіным мастацкай сітуацыі падарожнікі не толькі не забыліся, дзеля чаго яны едуць у Польшчу, але нават залішне прагнуць дасягнення сваёй прагматычнай мэты. Перашкодай на іх шляху становіцца толькі тое, што большасць персанажаў робіць той выбар, які вызначальна адштурхоўвае іх у прастору пазачалавечнасці, у цень, прастору д'ябла-сатаны.

«Сатанінскі тур» — гэта твор, у якім паказальна адлюстраваны прадстаўнікі розных сацыяльных груп ў праявах іх маральных якасцей на ўзроўні большасці (пераважная частка гандляроў) ці меншасці (Уладзіслаў Булаўскі, вучаніца Ядзя, кіроўца Валодзя Адамейка). Такая прапорцыя выступае той лакмусавай паперкай, што сведчыць, на думку пісьменніка, пра магчымасці соцыуму ў садзейнічання або супрацьстаяння сатанінскай задуме адносна чарговага выпрабавання для народа Беларусі.

Такім чынам, у аповесці «Сатанінскі тур» назіраецца адыход І. Шамякіна ад рэалістычна-псіхалагічнай і рэалістычна-побытавай прозы ў сферу абсурдыстыкі і гратэсканасці. Такія прыёмы выкарыстаны пісьменнікам, каб паказаць, як у 1990-я гг. страта светапоглядных, духоўных і маральных арыенціраў і прынцыпаў стала прычынай разбуральных працэсаў у грамадскім жыцці і душах людзей. Такія спецыфічныя мастацкія мэты ўзмацнілі публіцыстычнасць гучання аповесці. Адпаведна многія персанажы аповесці паўстаюць не столькі жывымі характарамі, колькі ўмоўнымі вобразамі-сілуэтамі пэўных ідэй.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Шамякін, І. П. Збор твораў : у 23 т. / Іван Шамякін; падрыхт. тэкстаў і камент. А. Шамякінай; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. — Мінск : Маст. літ., 2011. — Т. 5 : Аповесці 1988–1993 / рэд. тома: Т. С. Голуб, А. М. Макарэвіч. — 622 с.

Abstract. The article is devoted to the interpretation of the events of the turning years of the late 20th century in the story "The Satanic Tour" by I. Shamyakin, which is interpreted through the fate and psychology of the intellectual hero. It is concluded that the writer tries to increase the drama of the story by referring to the categories of absurd and grotesque.

Keywords: story, hero, absurd, grotesque, problem

А. А. Фенина
Научный руководитель – А. В. Хруненко,
канд. филол. наук, доцент

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация. В статье автор изучает языковую игру в рамках дискурса художественной литературы, представляет типологию приемов ее реализации на лексическом уровне и приводит примеры, которые можно использовать на занятиях по русскому языку как иностранному для решения трудностей, возникающих при интерпретации текстов у иностранных обучающихся, и развития их лингвокреативных способностей для формирования языковой личности.

Ключевые слова: языковая игра, художественный текст, языковая личность, лингвокреативные способности, РКИ.

Термин «языковая личность» впервые появился в отечественной лингвистике после публикации работы В. В. Виноградова «О языке художественной прозы». Это послужило началом множеству исследований в новом направлении, значительный вклад в развитие которых внес Ю. Н. Караулов [1]. Согласно его теории, представление о языковой личности исходит из таких фундаментальных уровней, как вербально-семантический, когнитивный и мотивационный.

В данной статье речь идет о вербально-семантическом уровне, отражающем владение лексико-грамматическим фондом языка. Именно с ним связана проблема пополнения лексикона обучающегося в процессе формирования его языковой личности при изучении русского языка как иностранного. Данный вопрос остается актуальным на любом уровне владения русским языком, и одним из способов его решений, по нашему мнению, выступает языковая игра.

Языковая игра – это интересный, и в то же время сложный феномен, представляющий собой одно из перспективных научных направлений в настоящее время. Интерес к изучению данной языковой аномалии возник в середине XX века и не утихает до сих пор. Впервые понятие «языковая игра» было введено в научный оборот Л. Витгенштейном в его «Философских исследованиях», изданных в 1953 году. В отечественной лингвистике термин «языковая игра» появился немного позднее и начал развиваться в связи с публикацией работы Е. А. Земской, М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой «Русская разговорная речь» [2].

К изучению языковой игры обращались многие исследователи (О. Ю. Коновалова, Б. Ю. Норман, В. З. Санников и др. [3 ; 4 ; 5]), по-разному понимающие данный феномен по причине его многоаспектности. В связи с этим в научной литературе до сих пор отсутствует однозначная трактовка рассматриваемого лингвистического явления.

В данной статье мы придерживаемся определения, смоделированного нами на базе исследований Е. М. Александровой и Т. А. Гридиной [6 ; 7]. По нашему мнению, **языковая игра** – это намеренное, необычное использование элементов всех уровней языка с целью достижения стилистического (эстетического, комического) эффекта, которое отражает уровень лингвокреативных способностей языковой личности.

Языковая игра находит свое отражение в различных видах коммуникативного дискурса. В настоящей статье представлены наблюдения за способами реализации языковой игры в рамках художественной литературы. Данный выбор объясняется тем, что творчество современных писателей отличается широким использованием приемов языковой игры, которые часто вызывают трудности у иностранных студентов при восприятии и правильной интерпретации художественного произведения. Это обуславливает актуальность изучения языковой игры и репрезентации ее на занятиях в иностранной аудитории при работе с текстом, выступающим неотъемлемой частью любого урока при обучении русскому языку как иностранному.

В целях исследования реализации языковой игры в современном художественном тексте был выбран роман Р. Р. Валлиулина «Где валяются поцелуи. Париж» [8], из которого при- емом сплошной выборки было отобрано 40 примеров языковой игры. Проанализировав ото- бранный иллюстративный материал, нами была составлена типология языковой игры на лек- сическом уровне, включающая лексико-фонетические, лексико-словообразовательные, лекси- ко-семантические, лексико-грамматические, лексико-фразеологические и комбинированные приемы. По нашим наблюдениям, самым продуктивным из них является лексико- семантический тип языковой игры, основным приемом которого выступает **обыгрывание многозначности**. Рассмотрим подробнее несколько примеров.

«Парк встретил тепло: она клевала чипсы, которые пришлось взять вместе с сигаретами, потому что у продавца не было сдачи, птицы – свежую траву в поис- ках еды, рядом мать клевала свою маленькую дочь за то, что та нашла где-то грязь, у пру- да сидел мужик, не клевало только у мужика, который сидел с удочкой» [8, с. 45].

В данном примере обыгрывается семантика слова *клевать* [9]:

1. 'Есть, хватая, отщипывая и т.п. пищу клювом (о птицах)';
2. 'Хватать приманку, насадку на удочке (о рыбах)';
3. 'Постоянно делать замечания, придирааться, незаслуженно упрекать' (разг.).

В словосочетании *клевала чипсы* используемый глагол приобретает новое значение 'есть время от времени небольшими порциями', употребляемое в разговорной речи, но не зафиксиро- ванное, по нашим наблюдениям, в толковых словарях. По причине отсутствия такой дефиниции иностранный студент может сослаться на первичное значение глагола **клевать, в связи с чем у него может возникнуть языковой диссонанс при виде пометы 'о птицах'**.

«– Да, – вздохнула Катя, и сказала на русском, – за базаром надо следить.

– А что такое базар?

– Это рынок.

– Рынок любви открыт, – раскрыл объятия Пьер, пытаясь обобщить все выше увиденное.

– Базар, – поправила его Катя.

– Базар, – повторил Пьер. Пьер, конечно, не знал второго значения этого слова, а Кате не хотелось сейчас объяснять» [8, с. 43].

В приведенном контексте мы видим, как главная героиня романа объясняет значение существительного **базар** иностранному другу, который не знает о многозначности данного слова [10]:

1. 'Розничный торг преимущественно съестными припасами, привозимыми самими производителями, происходящий (по определенным дням или ежедневно) на площади или в отведенном для этого помещении';

2. 'О беспорядочном говоре, крике, шуме' (разг.).

Полисемия слова **базар** обуславливает ироничность описанной ситуации, понятную только русскому человеку в соответствии с его языковой картиной мира. Иностранец вероятнее всего не увидит здесь никакой комичности и его восприятие будет таким же, как у второстепенного пер- сонажа произведения, который конечно же не понял смысла устойчивого разговорного словосо- четания **следить за базаром**, часто встречающегося в бытовой сфере общения.

«В воскресенье вечером все задумываются о счастье, видимо, сказывается конец неде- ли. Кто-то переваривает субботу, другие не переваривают понедельник» [8, с. 216].

Данный пример иллюстрирует возможные значения глагола **переваривать**, такие как [10]:

1. 'Отнести к чему-л. терпимо, примириться с чем-л.' (разг.);

2. 'Очень не любить, не выносить кого-, чего-л.' (разг.).

В контексте глагол употребляется в переносном значении, что усложняет задачу при восприятии и понимании текста у студента-иностранца.

Подобные случаи важно разбирать на занятиях с иностранными студентами, владею- щими русским языком на уровне В2+ по следующим причинам. Во-первых, задания, в основе которых лежат такие тексты, расширяют лексикон обучающегося в сфере разговорной речи и

учат его различать несколько значений одного и того же слова в рамках единого контекста. Во-вторых, упражнения, связанные с языковой игрой, способствуют развитию лингвокреативных способностей языковой личности и большему пониманию языковой картины мира носителей других лингвокультур.

Таким образом, языковая игра в современном художественном тексте может выступать как способ развития языковой личности при обучении русскому языку как иностранному.

Список использованных источников

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 2010. – 264 с.
2. Земская, Е. А. Языковая игра. Русская разговорная речь / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – Москва : Наука, 1983. – С. 172–214.
3. Коновалова, Ю. О. Языковая игра в современной русской разговорной речи : монография / Ю. О. Коновалова. – Владивосток : Издательство ВГУЭС, 2008. – 196 с.
4. Норман, Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 344 с.
5. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 544 с.
6. Александрова, Е. М. Языковая игра в оригинале и переводе (на материале английских анекдотов): учеб. пособие / Е. М. Александрова. – Москва : Университетская книга, 2012. – 178 с.
7. Гридина, Т. А. Языковая игра в художественном тексте : монография / Т. А. Гридина ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2008. – 165 с.
8. Валиуллин, Р. Р. Где валяются поцелуи. Париж / Р. Р. Валиуллин. – Москва : Изд-во «АСТ», 2016. – 261 с.
9. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка [БТС] [Электронный ресурс] / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – Режим доступа : <https://gufo.me/dict/kuznetsov>. – Дата доступа : 17.05.2023.
10. Евгеньева, А. П. Малый академический словарь [МАС] [Электронный ресурс] / Под ред. А. П. Евгеньевой. – Режим доступа : <https://gufo.me/dict/mas>. – Дата доступа : 17.05.2023.

Abstract. In the article, the author discusses the language game within the framework of the discourse of fiction, presents a typology of techniques for its implementation at the lexical level and provides relevant examples that can be used in classes on Russian as a foreign language to solve the difficulties encountered in interpreting texts from foreign students and the development of their linguistic and creative abilities for the formation of a linguistic personality.

Keywords: language game, literary text, linguistic personality, linguistic and creative abilities, Russian as a Second Language.

УДК 811.161.1

Чжан Луаньбо

Научный руководитель – **Е. Ю. Сидорова**,
канд. филол. наук, доцент

РУССКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ВКУСОВЫЕ ОЩУЩЕНИЯ, НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются основные прилагательные-репрезентанты четырех модальных вкусов, входящих в состав концепта «Вкус» в русской и китайской концептосферах, сравниваются их семантическая структура и грамматические особенности.

Ключевые слова: вкус; прилагательный; семантика.

Вкус – один из видов хеморецепции; ощущение, возникающее при действии различных веществ преимущественно на рецепторы вкуса (расположенные на вкусовых луковицах языка, а также задней стенки глотки, мягкого нёба, миндалина, надгортанника) [1].

Концепт «Вкус» можно разделить на следующие четыре категории: *солёный, кислый, сладкий, горький*. Данные прилагательные можно считать репрезентантами четырех основных разновидностей вкуса. И в русском, и в китайском языках эти прилагательные имеют не только исходное, но и переносные значения, однако наряду со сходством, имеются и различия в значении и употреблении данных слов. Сопоставление семантических и грамматических характеристик прилагательных вкуса в русском и китайском языках представляет особый интерес и является целью настоящего исследования. Рассмотрим лексические значения данных прилагательных.

Русское прилагательное *солёный*, по данным «Большого толкового словаря», имеет следующие значения:

1. Содержащий соль и имеющий придаваемый ею характерный вкус (о влаге); содержащий такую влагу (о водоёмах). *Например: С-ая морская вода. С-ые озёра.*

2. Приправленный солью и имеющий придаваемый ею характерный вкус (о пище). *Например: С-ое печенье. Суп недостаточно с.*

3. Только полн. Приготовленный впрок с солью, в растворе соли (о пищевых продуктах). *Например: С-ая рыба. С-ые грибы.*

4. Разг. Остроумный, выразительный, но грубый, не совсем пристойный (о словах, выражениях и т.п.). *Например: Рассказать с. анекдот.*

5. Только кратк. Разг. Требующий большого труда и напряжения, изнурительный, тяжёлый. *Например: Солона эта проклятущая работа [2].*

Китайское слово 咸, по данным словаря 新华字典, имеет следующие значения:

– 像盐的味道: ~鱼。菜太~ (Как вкус соли)

– 姓 (Фамилия)

– 全; 都: 老少~宜。(Все) [3].

Сопоставление значений данных слов показало, что и в русском, и в китайском языке данное прилагательное может употребляться в значениях ‘содержащий соль и имеющий придаваемый ею характерный вкус (о влаге)’. В отличие от китайского слова, русское *солёный* имеет значения: ‘требующий большого труда и напряжения, изнурительный, тяжёлый’. Но в китайском языке *солёный* означает ‘все’, также означает ‘фамилия’.

Русское прилагательное *кислый*, по данным «Большого толкового словаря», имеет следующие значения:

1. Имеющий своеобразный острый вкус, напоминающий вкус лимона, уксуса, клюквы и т.п. *Например: К-ые яблоки, К-ое вино.*

2. Закивший вследствие брожения; приготовленный путём квашения. *Например: К-ая капуста. К-ое молоко.*

3. Разг. Выражающий недовольство, неудовлетворённость, тоскливо-унылый. *Например: К-ое настроение.*

4. Только полн. Хим. Содержащий кислоту (3 зн.). *Например: К. раствор. К-ые породы. К-ые воды, источники, ключи (минеральные воды, содержащие углекислоту) [2].*

Китайское слово 酸, по данным словаря 新华字典, имеет следующие значения:

– 像醋的气味或味道: ~菜。~枣。(Запах или вкус уксуса.)

– 悲痛; 伤心: 心里一~, 眼泪就淌了下来。(Горе; печальный) .

– 迂腐 (多用于讥讽文人): ~秀才。Педантизм (в основном используется для высмеивания литераторов).

– 因疲劳或疾病引起的微痛而无力的感觉: 腿站~了。(Слегка болезненное и слабое ощущение, вызванное усталостью или болезнью) [3].

Сравнивая значения слова *кислый* и 酸, можно сделать вывод, что, и в русском, и в китайском языке прямое значение ('вкус уксуса') и переносное значение ('унылый, печальный') совпадают. Китайское слово имеет также значения 'педантизм' и 'болезненное, слабое ощущение'.

Русское прилагательное *сладкий*, по данным «Большого толкового словаря», имеет следующие значения:

1. Имеющий вкус, свойственный сахару, мёду и т.п. *Например: С-ие ягоды. Какой арбуз с.!*

2. Разг. Испачканный вареньем, мёдом и т.п. *Например: С-ие губы. Не трогай ска-терть сладкими руками.*

3. Разг. Вкусный. *Например: Заработанный хлеб слаще.*

4. Вызывающий приятное ощущение при восприятии (о звуках, запахах). *Например: С. запах акации. С. аромат цветов.*

5. Разг. Проникнутый удовольствием, счастьем, радостью. *Например: С. миг. С-ое мгновенье. Мечты о сладкой жизни.*

6. Умильный, приторно-угодливый. *Например: С-ая улыбка. С. взгляд. С-ие речи.*

7. Разг. Милый, дорогой, близкий сердцу (обычно в обращении к ребёнку). *Например: Пиши нам чаще, мой с. [2].*

Китайское слово 甜, по данным словаря 新华字典, имеет следующие значения:

– 像糖和蜜的味道 (跟“苦”相对): 这西瓜真~。(Вкус сахара и меда (в отличие от горького)).

– 幸福;快乐: 甜沃沃 (счастливый, радостный).

– 形容睡得酣畅: 甜睡;甜乡(梦乡) (характеризует крепкий сон),

– 指美言: 甜言蜜语 (означает красивые слова) [3].

Сопоставление значений данных слов показало, что и в русском, и в китайском языке данное прилагательное может употребляться в значениях 'имеющий вкус, свойственный сахару, мёду и т. п.' и 'умильный, приторно-угодливый'. Четыре остальных значения русского прилагательного *сладкий* не совпадают со значениями китайского слова.

Русское прилагательное *горький*, по данным «Большого толкового словаря», имеет следующие значения:

1. Имеющий острый, неприятный, едкий вкус, свойственный хине, полыни, горчице. *Например: Г. вкус. Г. на вкус. Г. миндаль.,*

2. сравнит. ст.: горше, горший. Горестный, тяжёлый. *Например: Г-ая судьба, Г-ие чувства, мысли, воспоминания.*

3. Разг. Тот, на долю которого выпало много горя; несчастный. *Например: Г. сирота. Г-ая я, несчастная! [2]*

Китайское слово 苦, по данным словаря 新华字典, имеет следующие значения:

– 像胆汁或黄连的味道 (跟“甘、甜”相对): ~胆。这药~极了。(Вкус желчи или желтого дока (в отличие от "сладкого")).

– 难受;痛苦: ~笑。艰~。愁眉~脸。~日子过去了。~尽甘来。(Неприятный; болезненный).

– 有耐心地;尽力地: ~劝。~干。~思。勤学~练。(Терпеливо; в меру своих сил:).

– 除去得太多;损耗太过: 指甲剪得太~了。这双鞋穿得太~了,不能修理了。

(Слишком много удалять; слишком много изнашивать).

– 姓 (фамилия) [3].

Сравнивая значения слова *горький* и 苦, можно сделать вывод, что прямое значение данных слов совпадает. Переносные значения имеют различия. Кроме того, в китайском языке переносное значение данного слова – это фамилия.

Грамматические различия между русскими и китайскими репрезентантами вкуса заключаются в следующем.

В русском языке анализируемые слова являются прилагательными., для которых характерно изменение по роду, числу и падежу, что выражается в окончании слова. В китайском языке прилагательное обозначается китайским иероглифом 的 и положением слова перед существительным, а если то же самое слово является прилагательным перед существительным, то оно становится наречием перед глаголом, или даже может быть фамилией, например: 苦的咖、勤学苦练、苦成,越大夫。

Таким образом, и в русском, и в китайском языках *сладкий, кислый, горький и соленый* имеют исходное и переносные значения, некоторые из которых совпадают. Исследование показало, что в русском языке *сладкий, кислый, горький и соленый* – прилагательные, как в исходном, так и в переносном значении, а в китайском языке их переносные значения подвергаются лексико-грамматической трансформации в зависимости от ситуации, например, *соленый* в переносном значении становится фамилией. Прилагательное *горький* в переносном значении становится наречием, когда ставится перед глаголом.

Список использованных источников

1. Есаков, А. И. Вкус / А. И. Есаков, А. В. Минор, В. В. Михеев // Большая медицинская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. Б. В. Петровский. – 3-е изд. – Москва : Советская энциклопедия, 1977. – Т. 4 : Валин–Гамбия. – 576 с.
2. Большой толковый словарь русского языка : А-Я [Электронный ресурс] / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 1534 с. – Режим доступа : <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> – Дата доступа : 30.09.2023.
3. 新华字典[Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.chazidian.com/r_zi_zd751c_ – Дата доступа : 30.09.2023.

Abstract. The article considers the main adjective-representatives of the four monomodal tastes that make up the concept "taste" in the Russian and Chinese conceptspheres, compares their semantic structure and its grammatical features.

Keywords: taste; adjective; semantics.

УДК 811.161.1'373.23'0

Д. В. Шамраева
Научный руководитель – **О. В. Зуева**,
канд. филол. наук, доцент

ФОРМУЛЫ ИМЕНОВАНИЯ ВЫХОДЦЕВ ИЗ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В СТАРОРУССКИХ ДОКУМЕНТАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Аннотация. В статье описываются способы именования выходцев из белорусских земель, представленные в старорусских деловых текстах второй половины XVII века. Устанавливаются формулы, включающие имена собственные и имена нарицательные – социальные характеристики обозначаемых лиц. Ставится вопрос о дифференциации прозвищ и фамилий в анализируемых документах.

Ключевые слова: личное имя, патроним, прозвище, фамилия, Речь Посполитая, старорусский язык, XVII век.

Современные имена и сопутствующие им в различных ситуациях общения номинации (социальные, возрастные характеристики и др.) представляют собой достаточно хорошо изученный в русистике языковой материал. Менее исследованы системы личных именований, существовавшие на восточнославянских землях ранее; например, зафиксированные в старо-

русских текстах способы именованья выходцев из белорусских земель (являющиеся, таким образом, фактом истории русского языка). Цель нашего исследования – выявить и описать состав и характер варьирования формул именованья выходцев из белорусских земель в старорусских деловых текстах второй половины XVII века. Источником языкового материала послужил сборник документов, отображающих связи между Московским царством и «историческими белорусскими территориями» Речи Посполитой во второй половине XVII века [1] и созданный нами на его основе перечень, содержащий 200 наименований. Жанры исследованных текстов – челобитная, запись из таможенной книги, проезжая грамота, расспросные речи, роспись и др.

В ходе работы мы столкнулись с проблемой разграничения фамилий, формирование и закрепление которых, как известно, было достаточно долгим процессом, и прозвищ. В. К. Чичагов дал определение понятию «фамилия», которое содержит указание на отличительный признак этого онома: «Фамилией называется наследственное наименование, переходящее из поколения к поколению: от отца или матери к сыну и дочери, от мужа к жене, или наоборот» [2, с. 5]. Главной особенностью фамилии является ее наследственный характер. Обнаружить эту особенность наименования в рассматриваемых деловых документах оказалось невозможно, поэтому этот факт мы приняли во внимание и учли при дальнейшей классификации формул именованья. Если номинация рядом с именем употреблялась без сопровождающего указания *сын*, она была рассмотрена нами в качестве фамилии, а не прозвища или патронима. Мы понимаем принципиальную недоказуемость квалификации такого онома как фамилии в современном понимании термина; более точно называть их «вероятной фамилией».

Нами выделены следующие группы формул, или моделей, именованья:

1. Личное имя + вероятная фамилия. В данной группе второй оном, использующийся вместе с именем, уже достаточно близок к тому, что мы называем фамилией, так как явно видна словообразовательная база (личное имя предка), является возможным выделением словообразовательного суффикса (к примеру, *-ов-* или *-ин-*, которые считаются наиболее продуктивными), отсутствует приложение *сын*. Например: *Алешка Измайлов, Минька Федоров, Михайло Моисеев, Иван Филимонов* и др.

2. Личное имя + патроним + фамилия. Для патронима используется формула: образованное от имени отца притяжательное прилагательное + *сын*. К примеру, *Васька Демидов сын Дешков, Симон Иванов сын Був* и др. Утверждать, что четвертый элемент таких наименований не входит в патроним, как это происходило раньше, мы можем, опираясь на мнение Б. Г. Унбегауна: «В трехэлементном имени типа *Иван Петров сын Боброва* или четырехэлементном типа *Иван Петров сын Боброва Жданова* третий и четвертый элементы выступали в форме родительного падежа. Пока они оставались в этой форме, их можно было рассматривать как патронимы. Лишь когда родительный падеж был замещен именительным, третий или четвертый элемент мог быть уже признан настоящей фамилией...» [3, с. 15–16].

3. Личное имя + патроним + прозвище / вероятная фамилия. Третий элемент данной модели тяжело отнести конкретно к прозвищу, так как из примеров выше мы видим, что уже имели место быть настоящие фамилии, или к фамилии, т. к. среди рассматриваемых примеров есть наименование *Фомка Михайлов сын прозвище Козел*, демонстрирующее, что такая реалья, как прозвище, еще не полностью была замещена фамилиями. К этой группе относятся следующие наименования: *Васька Филипов сын Перец, Митька Мартынов сын Рубец, Оська Никифоров сын Селезень* и др.

Еще одной важной составляющей таких наименований является указание на местность, которое, в свою очередь, также представлено различными способами:

- с помощью этнонима: *могилевец, витеблянин* и др.;
- с помощью предложно-падежной формы: *мещанин с Полоцка, з Могилева евреянин* и др.;
- с помощью относительного прилагательного: *витепской шляхтич* и др.;
- с помощью существительного и приложения в Р. п.: *города Витепска мещаня* (т. е. из города Витебска) и др.

Еще одним, хоть и необязательным, однако довольно часто используемым компонентом наименования становится указание на сословие. Больше всего среди позиций перечня оказались представители мещанского сословия (116 мещан из 125 наименований с указанием на сословие). Встречаются несколько представителей крестьянского сословия и несколько шляхтичей. Обратим внимание на некоторые особенности, которые удалось обнаружить среди номинаций этих двух социальных групп.

Во-первых, нет ни одной формы представления крестьянина «изолированно» от его помещика, т. е. ссылка на крестьянина всегда происходит с упоминанием шляхтича (считается, что именно в XVII веке крепостное право стало доминирующей формой взаимоотношений между крестьянами и шляхтой в Речи Посполитой), например: *...Того ж числа смоленского шляхтича Александра Вислицкого челядник ево Афонька Макарьев сын Незаймако...* (фрагмент из записи в таможенной книге).

Во-вторых, среди мещан практически все имена подобраны по святым, то есть направляют нас к православной культурной традиции. Исключение среди этого сословия составляют лишь несколько имен, отсылающие нас к еврейскому происхождению человека, о котором шла речь в деловом документе. Для иудеев святцы были исключены, ведь указание *евреянин* в данный период можно рассматривать не только как этноним, но и как конфессионим. К примеру, *... и быховской житель евреенин Маер Азиков сын занел у меня...* (фрагмент из челобитной); *Генваря в 29 день з Горок евреянин Хаип Давыдов явил на возу 29 локтей сукна карнового...* (фрагмент из записи в таможенной книге) и т. п. Среди имен представителей шляхты встречаются онимы, явно отсылающие нас к католической ветви христианства, что для шляхетского сословия не являлось редкостью. Например: *...Того ж числа Витепской шляхтич Томаш Старосельской явил в Бельском уезде...* (фрагмент из записи в таможенной книге); *... Августа в 16 день витепской шляхтич Адам Кисель явил в селе Поречье на пристани реки Каспли...* (фрагмент из записи в таможенной книге).

Кроме того, в большинстве челобитных, написанных от имени выходцев из белорусских земель и адресованных русскому государю, используется сопровождающая номинация *иноземец* (к примеру, *...иноземец Шклова города Ивашко Алексеев сын Прасолов, ... бьет челом холоп твой, иноземец Гришка Федоров* и т. п.) Указание на свою (в некотором смысле) обособленность и отличность от московитов становится важной и практически постоянной особенностью.

Наряду с самопрезентацией (сообщением от первого лица) и рассказом от третьего лица в расспросных речах используется так называемый «переходный случай» – пересказ с частицей *де*. К примеру, *...Сергей Максимов да Тарас Тихонов, а в роспросе сказались могилевцы, к Москве де их приехало 5 человек с товары.*

Обратим внимание на гипокористические формы имен. Их употребление в рассмотренных деловых документах очень распространено. Среди словообразовательных моделей, которые используются для образования уменьшительных форм имени, удалось выделить следующие:

– основа с суффиксом *-ушк-* с усечением основы или без него: *Петрушка, Сергушка, Андрюшка, Артюшка*);

– основа с суффиксом *-к-* (с чередованием в основе или без него: *Ивашка, Гришка, Данилко, Мишка, Куземка, Алешка, Лучка* (от Лука), *Яшка, Офонька, Гараська, Софонко, Осташка, Самошка, Захарко*);

– основа с суффиксом *-ик-* (единственный пример – *Александрик*).

В результате проведенного исследования установлено, что в отобранном корпусе текстов наиболее частотной является модель «личное имя + вероятная фамилия». Активное использование гипокористических форм имени характерно для любых старорусских документов, обращенных «снизу вверх», т. е. соответствующей модальности. Выявлены некоторые особенности преломления в формулах именования национально-культурной специфики: указание на конкретную местность и сословие, упоминание католических и иудейских имен, сопровождающей номинации *иноземец*.

Список использованных источников

1. Русско-белорусские связи во второй половине XVII в. (1667–1686 гг.): сборник документов. – Минск: Изд. БГУ, 1972. – 376 с.
2. Чичагов, В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII / В. К. Чичагов. – Москва: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1959. – 128 с.
3. Унбегаун, Б. Г. Русские фамилии / Б. Г. Унбегаун; общ. ред. Б. А. Успенского. – Москва: Прогресс, 1989. – 443 с.

Abstract. The article describes the ways of naming people from the Belarusian lands, presented in the Old Russian business texts of the second half of the XVII century. The established formulas include proper names and common names – social characteristics of the designated persons. The question about the differentiation of nicknames and surnames in the analyzed documents is raised.

Keywords: personal name, patronym, nickname, surname, Polish-Lithuanian Commonwealth, Old Russian language, the XVII century.

УДК 811.161.3'42'371:398.92(=161.3)

А. А. Шчарбатая
Навуковы кіраўнік – **В. А. Ляшчынская**,
д-р філал. навук, прафесар

ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ З АГУЛЬНЫМ КАМΠΑНАНТАМ ХАДЗІЦЬ

Анотацыя. У артыкуле ўвага скіравана да фразеалагізмаў беларускай літаратурнай мовы з апорнымі кампанентам-дзеясловам *хадзіць*, што ўваходзіць у лексіка-семантычную групу «перамяшчэнне ў прасторы». Разгледжаны залежныя кампаненты ў структуры фразеалагізмаў і вобразы, што даводзяцца праз іх.

Ключавыя словы: фразеалагізмы, кампанент, дзеяслоў, хадзіць, перамяшчэнне, значэнне.

У фразеалогіі сучаснай беларускай мовы дзеяслоўныя фразеалагізмы, як вядома, з'яўляюцца найбольш колькасным семантыка-граматычным тыпам, што абумоўлівае і частотнасць іх ужывання. Ролю апорнага кампанента амаль заўсёды ў гэтых адзінках выконвае дзеяслоў, які валодае пэўнымі семантычнымі і катэгарыяльнымі паказчыкамі. Пры гэтым, як адзначае В. В. Марашэўская, «большасць дзеяслоўных фразеалагізмаў можа быць суаднесена са словам-дзеясловам, але семантычны аб'ём дзеяслоўнага фразеалагізма не супадае з семантычным аб'ёмам слова-дзеяслова» [1, с. 125].

Сярод дзеясловаў з пункту гледжання іх семантыкі можна вылучыць пэўныя лексіка-семантычныя групы – дзеясловы, аб'яднаныя ўнутрымоўнымі сувязямі на аснове ўзаемаабумоўленых і ўзаемазвязаных элементаў значэння. Сюды можна аднесці дзеясловы прафесійна-працоўнай дзейнасці, быццёвыя дзеясловы, дзеясловы ўспрымання, маўлення, мыслення, дзеясловы са значэннем пачуццяў і інш. Кожная з магчымых груп характарызуецца розным колькасным паказчыкам, што прама залежыць ад спалучальных магчымасцей кожнай канкрэтнай ўзятай адзінкі: адны дзеясловы могуць уступаць у сувязі з рознымі лексемамі (напрыклад, дзеясловы маўлення), а іншыя – маюць абмежаванае кола залежных слоў (напрыклад, дзеясловы псіхафізіялагічных працэсаў). Гэта тлумачыць і колькасць зафіксаваных за дзеясловам значэнняў: чым шырэйшы семантычны аб'ём, тым больш шырокія спалучальныя магчымасці мае дзеяслоў.

У межах лексіка-семантычнай сістэмы мовы нашу ўвагу прыцягнулі дзеясловы, што абазначаюць перамяшчэнне ў прасторы. Яны ўяўляюць сабой асаблівы сродак катэгорыі «перамяшчэнне» як адной з цэнтральных катэгорый антрапацэнтрычнай парадыгмы.

Дзеясловы перамяшчэння па шырыні сваёй семантыкі, па складанасці сваіх словаўтваральных прыкмет, па спецыфічнасці механізмаў функцыянавання ў мове займаюць асаблівае месца ў сістэме лексіка-семантычных разрадаў. Даследаванне дзеясловаў перамяшчэння менавіта на прыкладзе ўстойлівых адзінак мовы – фразеалагізмаў – дапамагае пашырыць веды аб асаблівасцях моўнай карціны свету беларускага народу.

Аб’ектам вывучэння намі абраны фразеалагізмы з агульным дзеяслоўным кампанентам *хадзіць*, што ўключаецца ў групу «перамяшчэнне ў прасторы». Гэта пацвярджаецца замацаванымі за гэтым дзеясловам у «Глумачальным слоўніку беларускай мовы» значэннямі – ‘перамяшчацца, ступаючы нагамі, робячы крокі’, ‘перамяшчацца пэўным маршрутам’, ‘перамяшчацца ў пэўным накірунку’, ‘перамяшчацца, рухацца масай, патокам, чарадой’, ‘пераходзіць, перадавацца ад аднаго да другога’, ‘быць у руху; рухацца ўзад і ўперад або ўверх і ўніз, з аднаго боку ў другі’, ‘укісаючы, брадзіць’, ‘клапаціцца аб кім-, чым-н., даглядаць каго-, што-н.’, ‘заляцацца да каго-н.’, ‘насіць што-н., апрацаваць як-н., у што-н.’, ‘быць, знаходзіцца ў якім-н. стане, настроі’, ‘рабіць ход якой-н. фігурай, картай’ [2, с. 166–167]. У складзе “Слоўніка фразеалагізмаў” І. Я. Лепешава намі выяўлена 16 фразеалагізмаў з апорным дзеяслоўным кампанентам *хадзіць* [3]. У складзе пералічаных фразеалагізмаў дзеяслоў *хадзіць* часткова захоўвае сваё першаснае значэнне, якое ў выніку пераасэнсавання ўсяго выраза становіцца асновай для стварэння новых адзінак, што, з аднаго боку, збліжаюцца паводле агульнага дзеяслова, вобразаў і народных уяўленняў, вераванняў і прыкмет пра перамяшчэнне, з другога боку, адрозніваюцца семантыкай, структурнай арганізацыяй і, гадоўнае, захаваннем адметнай культурнай інфармацыі ў кожным.

Так, фразеалагізм *хадзіць гогалем* мае значэнне ‘мець бравы, незалежны выгляд, трымацца зухавата’. Абапіраючыся на дапасаваны да дзеяслова назоўнікавы кампанент *гогаль* у форме Т. скл., спачатку можна падумаць, што фразеалагізм тычыцца вялікага рускага пісьменніка М. В. Гогаля, бо назоўнік у фразеалагізме і прозвішча Мікалая Васільевіча з’яўляюцца амонімамі – аднолькавымі па напісанні і вымаўленні словамі з розным значэннем. На самай справе *гогаль* – гэта не прозвішча пісьменніка, а ‘водаплаўная птушка падсямейства качыных’ [4, с. 66]. У вадзе гэтая птушка адчувае сябе добра, а вось на беразе ходзіць перавальваючыся, нібы важная, самазадаволеная асоба. Як можна заўважыць, на аснове метафарызацыі свабоднага словазлучэння ствараецца даходлівы вобраз для абазначэння ганарлівага чалавека, які не заўважае нікога вакол сябе.

Паводле семантыкі і структуры да папярэдняга фразеалагізма набліжаецца і *хадзіць козырам* – ‘мець бравы, незалежны выгляд, трымацца зухавата’ [3, с. 819], хоць і адрозніваецца назоўнікавым кампанентам. У «Глумачальным слоўніку беларускай мовы» за назоўнікам *kozyr* зафіксавана наступнае значэнне – ‘карта той масці, якая лічыцца старшай і б’е любую карту другіх масцей’ [3, с. 767]. Адштурхоўваючыся ад гэтай семантыкі, можна зрабіць выснову: фразеалагізм *хадзіць козырам* паводле паходжання звязваецца з картачнай гульні, дзе гулец можа здзівіць іншых удзельнікаў наяўнасцю козыра – лепшай карты.

Праўда, у «Этымалагічным слоўніку» М. Фасмера таксама можна знайсці яшчэ адно значэнне – ‘высокі каўнер, які стаіць’ [5, с. 723]. Гэта дае магчымасць выказаць думку, што выкарыстанне фразеалагізма бярэ пачатак са Старажытнай Русі, калі знатныя баяры прышывалі да каўнера, які меў назву *kozyr*, жэмчуг, срэбра, золата. Сяляне, адпаведна, гэтага не рабілі, бо не маглі сабе дазволіць набыць каштоўныя камяні. Таму *хадзіць козырам* – гэта значыць карыстацца перавагай, выхваляцца, лічыць сябе вышэй за іншых, як гэта рабілі баяры.

Абраныя свабодныя дзеяслоўныя словазлучэнні *хадзіць гогалем* і *хадзіць козырам* паслужылі асновай метафарызацыі і ўтварэння фразеалагізмаў для абазначэння абстрактнага ад канкрэтнага паняцця і вобразнага ўяўлення аб пачуцці перавагі аднога чалавека над іншым. Гэтыя фразеалагізмы ўказваюць на ацэнку, негатыўнасць якой асабліва падкрэсліваюць назоўнікавыя кампаненты *гогаль* і *kozyr*.

Цікавымі па сваёй семантыцы з'яўляюцца фразеалагізмы з агульным кампанентам *хадзіць*, да якога далучаюцца розныя кампаненты-назоўнікі, што з'яўляюцца найменнямі частак цела чалавека, ці саматызмамі. Да такіх адносім фразеалагізмы *хадзіць на галаве* – 'вельмі сваволіць, дурэць; рабіць, што захочацца' [3, с. 819], *хадзіць на пальчыках* – 'далікатна абыходзіцца з кім-н., паддобрывацца да каго-н.' [3, с. 819], *хадзіць на руках* – 1) 'перадавацца ад аднаго да другога, распаўсюджвацца. Пра кнігі, газеты, лістоўкі і пад.'; 2) 'уступаць у любоўныя зносіны то з адным, то з другім мужчынам. Пра жанчыну' [3, с. 821] і *хадзіць на задніх лапках* – 'лісліва дагаджаць каму-н., падхалімнічаць' [3, с. 821].

Абраныя структурна падобныя фразеалагізмы (дзеяслоў + прыметнік + назоўнік) указваюць на перамяшчэнне таго ці іншага суб'екта ў прасторы, а ўключэнне ў структуру саматычных кампанентаў *галава, пальчыкі, рукі, лапкі* скарыстаны ў якасці вобразнай асновы новых другасных адзінак. Дадзеныя фразеалагізмы набываюць выразнае, даходлівае і дакладнае па форме і вобразу значэнне, а іх семантыка становіцца празрыстай. Гэта тыя саматызмы-кампаненты, якія, акрамя ўласнага наймення часткі цела чалавека, набылі акультураны сэнс і сталі не толькі актыўнымі сродкамі пазнання чалавекам у далёкім мінулым самога сябе, але і вобразнымі выразамі для абазначэння новых абстрактных паняццяў. Указанне на месца, ці прастору, дасягаецца дзякуючы суаднесенасці фразеалагізмаў не толькі з антрапна-дзейнасным (дзеянне выконвае чалавек – *хадзіць*) і саматычным (праз кампаненты *галава, пальчыкі, рукі, лапкі*) кодамі культуры, але і з прасторавым праз выкарыстанне ў кожным спалучэнні прыназоўніка з назоўнікам, дзе прыназоўнікі *на, па* адлюстроўваюць прасторавыя адносіны ці «ўказваюць на кірунак дзеяння» [6, с. 87].

У кожным з названых фразеалагізмаў залежны кампанент мае ўласную ўнікальную культурную канатацыю. Напрыклад, назоўнік *галава* ў фразеалагізме *хадзіць на галаве* даводзіць ўяўленне аб апазіцыі нармальнасці / ненармальнасці. Нормай для любога чалавека будзе з'яўляцца хаджэнне на нагах, спецыяльна прызначаных для гэтага. Калі паспрабаваць назваць супрацьлеглую паводле названай функцыі частку чалавечага цела, то гэта будзе менавіта галава. Таму хаджэнне на нагах успрымаецца як норма, а на галаве – адхіленне ад яе. А пры перанясенні гэтай апазіцыі на чалавечыя паводзіны атрымліваецца, што ненармальныя паводзіны – гэта тое самае, што і хаджэнне на галаве, – сваволіць, парушаць дысцыпліну.

Збліжаюцца паводле абранага залежнага саматызма фразеалагізмы *хадзіць на пальчыках* і *хадзіць на задніх лапках*, бо пальчыкі і лапкі могуць быць выкарыстаны як сродкі перамяшчэння ў прасторы. Але калі ў першым фразеалагізме выразная негатыўная ацэнка адсутнічае, то ў другім даводзіцца асуджэнне і прачытваецца адмоўная канатацыя суб'екта, які выконвае дзеянне. Магчыма, гэта звязана з тым, што пры пераасэнсаванні свабоднага словазлучэння *хадзіць на задніх лапках* і выкарыстанні яго ў адносінах да чалавека, дадзены фразеалагізм стварае адметны для ўспрымання вобраз. У чалавека няма задніх лапак, бо гэта частка цела жывёл, таму чалавек у дадзеным выпадку, параўноўваецца, напрыклад, з сабакам, які адчуваючы пачуццё голаду, можа стаць на заднія лапы і прасіць есці, іншымі словамі, «падлізвацца» да каго-небудзь.

У якасці вобразнай асновы фразеалагізма *хадзіць на руках* абраны саматычны кампанент *рукі*, які, дзякуючы ўвасабленню, абазначае не толькі частку цела, але ў выніку перасэнсавання ўключаецца ў антрапаморфную метафару, ці сінекдаху, бо праз частку (рукі) называецца цэлае (чалавек). Праз абраную лексему даводзіцца ўяўленне аб тым, што *рукі* ў народнай свядомасці беларусаў надзелены шматлікай сімволікай, але найперш гэта 'асоба', 'самастойнасць', 'перамяшчэнне'.

Сярод фразеалагізмаў з апорным дзеясловам *хадзіць* ёсць і тыя, што ўказваюць месца, прастору, дзе адбываецца перамяшчэнне суб'екта. На гэта ўказвае прыназоўнік *на*. Напрыклад, *хадзіць на адной маснічыне* – 'дрыжаць перад кім-н., без адгаворак падпарадкоўваючыся ва ўсім' [3, с. 820], *хадзіць на кусках* – 'збіраць міласціну, жабраваць, пабірацца' [3, с. 820], *хадзіць на лязе* – 'рызыкаваць жыццём, быць у небяспецы' [3, с. 820],

хадзіць па нітачцы – ‘дрыжаць перад кім-н., без адгаворак падпарадкоўваючыся ва ўсім’ [3, с. 820], *хадзіць па струнцы* – ‘дрыжаць перад кім-н., без адгаворак падпарадкоўваючыся ва ўсім’ [3, с. 821]. Аднолькавымі паводле значэння з’яўляюцца фразеалагізмы *хадзіць па адной маснічыне*, *хадзіць па нітачцы*, *хадзіць па струнцы*, што абумоўлена выбарам залежных кампанентаў: *масніца* (‘вузкая дошка або бервяно ў якім-небудзь драўляным насціле’ [7, с. 118]), *нітка* (‘тонка ссукаяная пражка, якая выкарыстоўваецца для шыцця, вязання і пад.’ [7, с. 258]), *струна* (‘пруткавая вузкая ніца (металічная, жыльная і пад.) у музычных інструментах, якая пры вібрацыі звініць’ [7, с. 432]). Гэтыя прадметы аб’яднаныя агульнай семай ‘вузкі’, яны не прызначаны для перамяшчэння. Зразумела, што пры перамяшчэнні па іх чалавек будзе адчуваць пачуццё страху, хвалявацца, дрыжаць, згаджацца з любой прапановай, каб толькі выратавацца, так як можа не ўтрымаць раўнавагу на такіх вузкіх паверхнях. Гэта і знайшло сваё адлюстраванне ў пераасэнсаваных свабодных словазлучэннях.

Адметны сваёй будовай фразеалагізм *хадзіць хадун* мае некалькі значэнняў: 1) ‘моцна хістацца, калыхацца’; 2) ‘прыходзіць у рух, бурна праяўляцца. Пра справы, падзеі і пад.’ [3, с. 821]. На думку І. Я. Лепешава, «сэнсаўтваральным тут выступае дзеяслоў *хадзіць*, выкарыстаны ў сваіх перыферычных значэннях» [8, с. 342]. З гэтага сцверджання вынікае, што дадзены фразеалагізм з’яўляецца таўталагічным выразам, з дапамогай якога ўзмацняецца ступень праяўленага суб’ектам дзеяння. У «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы» за назоўнікам *хадун* зафіксавана значэнне ‘дэталі машыны, механізма, якая знаходзіцца ў пастаянным руху’ [2, с. 100]. Так як хадун заўсёды рухаўся, то гэта і магло паслужыць асновай для пераасэнсавання выразу *хадзіць хадун* і наданню яму новага значэння – ‘моцна хістацца, калыхацца’.

Празрыстымі паводле сваёй матывацыі з’яўляюцца фразеалагізмы *хадзіць па навадку* – ‘слепа падпарадкоўвацца чыёй-н. волі, дзейнічаць самастойна’ [3, с. 819], *далёка хадзіць не трэба* – ‘лёгка назваць (прыклад, факт і пад.), каб пацвердзіць што-н.’ [3, с. 738], *хадзіць каля посуду чыста* – ‘есці, піць з апетытам і да канца ўсё, што даюць’ [3, с. 819], *па гары ходзіць і сонца не бачыць* – ‘не заўважаць відавочнага’ [3, с. 818].

Так, у першым фразеалагізме праз абраны назоўнік *навадок*, які з’яўляецца вобразна-эталонам улады і кантролю, даводзіцца вобразнае азначэнне і характарыстыка чалавека, абмежаванага ў сваіх поглядах і ўчынках, бо праз выкарыстаны кампанент прасочваецца асацыятыўны сувязь з жывёламі (сабака, конь і інш.).

Суадноснасць другога фразеалагізма з прасторавым кодам культуры выяўляецца праз прыслоўны кампанент *далёка*, які так ці інакш абазначае адлегласць знаходжання суб’екта ці аб’екта ў прасторы.

Указанне на прастору, але толькі ўжо на абмежаваную, можна прасачыць і ў фразеалагізме *хадзіць каля посуду чыста*, дзе важным вобразаўтваральным кампанентам з’яўляецца назоўнік *посуд*, што ў свядомасці чалавека ў першую чаргу звязаны з ежай. А калі чалавек з’ядае ўсю прапанаваную яму ежу, то і посуд, суадносна, застаецца пустым, ці «чыстым», што і знаходзіць адлюстраванне ў названым вышэй фразеалагізме.

Вобразную і празрыстую матывацыю мае і фразеалагізм *па гары ходзіць і сонца не бачыць*, бо сонца – зразумелая для людзей з’ява, якую можна ўбачыць на свае ўласныя вочы. Калі ж чалавек знаходзіцца нават пры такіх удалых абставінах, як на высокім месцы – на гары, то значыць, што ён не здольны бачыць, успрымаць відавочнае, што і знайшло сваё адлюстраванне ў фразеалагізме *па гары хадзіць і сонца не бачыць*.

Як відаць, аналіз фразеалагізмаў з агульным дзеяслоўным кампанентам *хадзіць* паказвае, што гэтыя адзінкі, па-першае, вобразна, эмацыянальна і дакладна не толькі называюць, але і характарызуюць і ацэньваюць названыя імі з’явы і працэсы, звязаны з перамяшчэннем суб’екта ці аб’екта ў прасторы; па-другое, адлюстроўваюць уяўленні чалавека пра сябе, навакольную рэчаіснасць, пра правілы і ўстаноўкі жыцця, якія перадаюцца ад пакалення да пакалення.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Марашэўская, В. В. Сэнсавая структура дзеяслоўных фразеалагізмаў / В. В. Марашэўская // Рэспубліканскія Купалаўскія чытанні (да 140-годдзя з дня нараджэння народнага паэта Я. Купалы) : зб. навук. пр. / рэдкал.: А. С. Садоўская (гал. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2021. – С. 119–125.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. – Т. 5. Кн. 2 : У–Я / [Рэд. тома М. Р. Суднік]. – Мінск : Выд-ва «Беларус. Сав. Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі», 1984. – 608 с.
3. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Т. 2 : М–Я. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. – Т. 2 : Г–К / [Рэд. тома А. Я. Баханькоў]. – Мінск : Выд-ва «Беларус. Сав. Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі», 1978. – 768 с.
5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – 2-е изд., стер. – Т. 2 : Е – Муж / пер. с нем. О. Н. Трубачева ; с пред. Б. А. Ларина. – Москва : Прогресс, 1986. – 576 с.
6. Шуба, П. П. Прыназоўнік у беларускай мове / П. П. Шуба. – Мінск : Выд-ва БДУ імя У. І. Леніна, 1971. – 224 с.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. – Т. 3 : Л–П / [Рэд. тома П. М. Гапановіч]. – Мінск : Гал. рэд. Бел. Сав. Энцыклапедыі, 1979. – 672 с.
8. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭН, 2004. – 448 с.

Abstract. The article focuses on phraseological units of the Russian literary language with a supporting component-the verb to walk, which is part of the lexico-semantic group "moving in space". The dependent components in the structure of phraseological units and the images brought through them are considered.

Keywords: phraseological units, component, verb, walk, move, meaning.

Научное издание

**МОЛОДЕЖНЫЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК**

Сборник научных статей

Выпуск 3

Подписано в печать 08.11.2023. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 20,23. Уч.-изд. л. 17,62.
Тираж 35 экз. Заказ 572.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246028, г. Гомель.